

РУССКАЯ РЕЧЬ 1985

НОЯБРЬ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

ДЕКАБРЬ

В НОМЕРЕ:

<i>К 80-летию статьи В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература»</i>	
Б. И. Матвеев. Высокий образец публицистической литературы	3

В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ

М. В. Орешкина. Мастерство М. И. Калинин-очеркиста	10
Н. Н. Кохтев. А. В. Луначарский и паука о красноречии	16

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>К 160-летию восстания декабристов</i>	
В. Н. Сергеев. Декабристы	21
А. А. Лацис. Лица, достойные замечания	29
С. Р. Серков. «Таится звук в безмолвной лире...» (Фонетические явления в рифме поэтов-декабристов)	35
Н. Н. Ивапова. О языке лирической поэзии Н. А. Некрасова	40
Н. А. Кожина. В поисках гармонии (О заглавиях в лирике)	45

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Е. П. Ходакова. О развитии противоположных значений в словах <i>игрушка, кукла, пава</i>	51
Г. С. Ключева. Экспрессивные клишэ-слова 20—30-х годов	57

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

61

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Михаил Николаевич Петерсон (1885—1962)	63
Сергей Иванович Абакумов (1890—1949)	67

СРЕДИ КНИГ

<i>Г. А. Богатова. История слова как объект русской исторической лексикографии . . . . .</i>	71
<i>М. И. Пляш. Основы культуры речи . . . . .</i>	72

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

<i>А. Н. Амандурдыев. Чинара — далекая и близкая</i>	74
--	----

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ИМСЬМЕННОСТИ

<i>Л. А. Владимирова. Челобитные Владимирского края . . . . .</i>	79
<i>А. К. Гапулич. Названия русских упряжных бубенцов . . . . .</i>	85

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

<i>В. П. Вакуров. Каленя жаркая . . . . .</i>	91
---	----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

<i>К. А. Чекалов. Баррикада . . . . .</i>	98
<i>С. Г. Канралова. Утренник . . . . .</i>	102
<i>П. С. Арапова. Рулька . . . . .</i>	105
<i>А. Н. Шустов. В небо на аэродроме . . . . .</i>	109
<i>В. А. Пиконов. Из словаря русских фамилий . . . . .</i>	115

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

<i>Как будто (бы) — будто; Научаться и научиться . . . . .</i>	118
--	-----

<i>Тематический указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» в 1985 году . . . . .</i>	123
---	-----

На обложке: Рисунок Б. Захарова

В журнале использованы рисунки художников: В. Леонова, В. Толстоногова, С. Гавриловой, В. Комарова

К 80-летию
статьи В. И. Ленина

**«ПАРТИЙНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ
И ПАРТИЙНАЯ
ЛИТЕРАТУРА»**

**Высокий
образец
публицистической
литературы**

Статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» была опубликована 13 (26) ноября 1905 года в большевистской легальной газете «Новая жизнь». Это было трудное и напряженное время I русской революции. «Новые условия социал-демократической работы...» — писал В. И. Ленин в этой статье, — выдвинули на очередь вопрос о партийной литературе» (Полн. собр. соч. Т. 12, с. 99—105). Вопросы партийности и народности литературы, принципы партийного руководства художественным творчеством получили в статье глубокое и всестороннее освещение. В. И. Ленин писал о насущных нуждах текущего момента, разъяснял политику партии в области литературного дела и вместе с тем заглядывал в завтрашний день, в будущее. Эта статья и сегодня является боевым манифестом социалистической культуры. Ленинский принцип партийности литературы воплощается в повседневной заботе нашей партии о высокой коммунистической идейности и подлинной художественности советской литературы и искусства.

Ленинская статья «Партийная организация и партийная литература» поражает глубиной содержания, эффективным использованием разнообразных языковых средств. По манере изложения материала, синтаксису, лексике она напоминает речь. Ленин любил называть свои выступления, доклады беседами. И в данной статье широко используются приемы полемики, обращения к читателю.

Само заглавие статьи — «Партийная организация и партийная литература» — построено на сопоставлении и

четко формулирует основную тему — отношение партии к литературному делу. В начале статьи ставится вопрос, который будет рассмотрен в тексте дальше. Последующее изложение материала подчинено освещению двух проблем: 1) о партийной литературе и руководящей роли партии в организации литературного дела; 2) о партийности литературного творчества, то есть о социалистической идейности писателя, его связи с судьбами народа. Вместе с тем В. И. Ленин ведет полемику со своими противниками и разоблачает ложь о «свободе» творчества писателя в буржуазном обществе. В конце статьи формулируются задачи партии в области литературы.

Одна из главных особенностей Ленина-публициста — воинствующая партийность, которая во многом определяет и лексику рассматриваемой статьи. С партийных позиций дается В. И. Лениным характеристика состояния печати в условиях царской России: «Проклятая пора эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества! Пролетариат положил конец этой гнусности, от которой задыхалось все живое и свежее на Руси. Но пролетариат завоевал пока лишь половину свободы для России». Яркие эпитеты помогают автору выразить свое отношение к излагаемому вопросу.

В. И. Ленин владел искусством экономной и точной речи. Ему было достаточно нескольких строк для того, чтобы выразить глубочайшую мысль. Лаконичны и выразительны ленинские характеристики, например, политической ситуации в России: «Революция еще не закончена. Если царизм *уже не* в силах победить революции, то революция *еще не* в силах победить царизма». Слова о «свободе» деятелей литературы и искусства в буржуазном обществе стали крылатыми: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания».

Статья адресована широким трудовым массам, поэтому язык ее отличается простотой и ясностью. Эти качества в деле партийной пропаганды В. И. Ленин считал особенно важными. При этом язык статьи необыкновенно богат. Наряду с общеупотребительной здесь отчетливо выделяется книжная лексика, необходимая для раскрытия сложных общественно-социальных понятий и явлений: отглагольные существительные с суффиксами *-ание, -ение* (на-

лаживание, преобразование, решение, движение); существительные, обозначающие обобщенные понятия и образованные при помощи суффиксов *-ство, -ость* (*творчество, искусство, склонность*); сложные прилагательные (*либерально-буржуазный, самодержавно-полицейский*); глаголы на *-ировать* (*абсолютизировать, бюрократизировать*); глагольно-именные сочетания (*выдвинуть вопрос, провести в жизнь*) и т. д.

Использование научной лексики не мешает Ленину писать живо и страстно. Книжная речь в статье органически переплетается с элементами разговорного стиля, придающего произведению задушевный, взволнованный тон. Употреблены такие разговорные слова и выражения, как *помереть, ничего не получается, не дорос, острить, остаться за дверью, спору нет, каждый волен, дело в том, на самом деле* и т. д.

Ленин владел искусством придавать обыденным, повседневным словам новое звучание, оживлять их экспрессивные возможности. Один из приемов усиления экспрессии общеупотребительной лексики — противопоставление различных значений одного и того же слова. «По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индивидуализма. Спору нет, литературное дело всего менее поддается механическому равенству, нивелированию, господству большинства над меньшинством» — здесь употреблены разные значения существительного *дело* в словосочетаниях *по существу дела* и *литературное дело*. В первом случае это слово выступает в значении «явление, вещь», во втором — «защитяе, деятельность».

Другой прием оживления лексики — сопоставление однокорневых слов в одном или соседних предложениях: «Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата». Предложения построены по принципу «уступления»: В. И. Ленин признает специфику художественного творчества, но это, по его мнению, отнюдь не доказывает, что партия не должна им руководить. Вынесенные в начало предложений словосочетания с однокорневыми словами *Спору нет*

и *Все это бесспорно* усиливают эмоциональное воздействие ленинской мысли об особенностях партийного руководства литературным делом.

Даже лишенные ярко выраженной стилистической окраски синонимы типа *сразу — немедленно, непременно — обязательно, реальный — действительный* звучат особо, придавая речи взволнованный, мобилизующий характер. Сосединенные попарно союзом *и*, они приобретают необычную экспрессию, когда автор пишет о руководящей роли партии в деятельности писательских организаций: «...литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы». С помощью стилистически окрашенных синонимов Ленин выражает свое отношение к излагаемым фактам.

Полемический характер статьи, противопоставление в ней двух взглядов на партийность литературы — марксистского и буржуазного — нашли отражение в ее лексике. Антонимы *нелегальный — легальный, большинство — меньшинство, свобода — рабство, начало — конец, партийный — антипартийный, последовательный — непоследовательный* и др. усиливают политическое звучание ленинских фраз, делают речь яркой и образной. Вскрывая лицемерные заявления буржуазных индивидуалистов об абсолютной свободе, Ленин использует целую систему антонимов и синонимов, что придает поразительную точность, образность и убедительность написанному: «В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть „свободы“ реальной и действительной». Глагольно-именные словосочетания — антонимы (*массы трудящихся нищенствуют, горстки богачей тунеядствуют*) подчеркивают кричащие противоречия буржуазного общества. Постпозитивные определения *реальная и действительная* к слову *свобода*, поставленному в кавычки, оттеняют его иронический смысл.

Или другой пример использования экспрессивных возможностей антонимов: «При существовании различия между нелегальной и легальной печатью вопрос о партийной и непартийной печати решался крайне просто и крайне фальшиво, уродливо». Прилагательные *нелегальная и легальная, партийная и непартийная* к слову *печать* не только повышают экспрессивность предложения, но и организуют его ритмически.

Синтаксическая структура статьи всецело подчинена задаче наиболее четкого и эмоционального изложения материала. Прежде всего наблюдаются причастные и деепричастные обороты, сложные предложения, преимущественно с подчинительной связью. Стремясь достичь наибольшей точности выражения, раскрыть полнее то или иное понятие, Ленин широко привлекает целый ряд распространенных членов предложения: «В противовес буржуазным правам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, „барскому анархизму“ и погоне за наживой,— социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип *партийной литературы*, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме».

Для наиболее точного выражения мысли используются так называемые вставные предложения, слова и словосочетания, которые органически вплетаются в общую ткань изложения: «Но каждый вольный союз (в том числе партия) волею также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов»; «Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как мирозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность)» — вставные конструкции употреблены в скобках.

Логичности и эмоциональности изложения во многом способствуют вводные слова. Значение их в тексте самое различное. Одни усиливают высказываемые автором положения, например *разумеется*: «Мы не скажем, разумеется, о том, чтобы это преобразование литературного дела, испанкощенного азиатской цензурой и европейской буржуазней, могло произойти сразу».

Другие указывают на вероятность того или иного факта (*пожалуй*): «Найдутся даже, пожалуй, истеричные интеллигенты, которые поднимут вопль по поводу такого сравнения, принижающего, омертвляющего, „бюрократизирующего“ свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. д.».

Третьи выражают отношение между частями высказывания (*во-первых, во-вторых*): «Во-первых, речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю... Во-вторых, господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие».

Чтобы заострить внимание читателя на определенном вопросе или усилить акцент на какой-либо мысли, В. И. Ленин использует вопросительные и восклицательные предложения. Так, изложению принципа партийности в статье предшествует вопрос: «В чем же состоит этот принцип партийной литературы?» Партийное требование — взять под контроль литературное дело — В. И. Ленин формулирует в кратком, но выразительном лозунге: «Долой литераторов сверхчеловеков!»

С помощью иронически окрашенных восклицательных предложений передается возмущение буржуазного интеллигента посягательством на его «свободу». Перед нами миниатюрная жанровая сценка: «Как! закричит, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество! Вы хотите, чтобы рабочие по большинству голосов решали вопросы науки, философии, эстетики! Вы отрицаете абсолютную свободу абсолютно-индивидуального идейного творчества!»

Особенно живо звучат вопросительные предложения с обращениями, создающие впечатление непосредственного языкового общения. Таково, например, ироническое обращение автора к буржуазным писателям: «Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель?»

Вообще введение обращений придает изложению характер непринужденной беседы с читателем. В одних случаях Ленин обращается к своим идейным противникам, предугадывая их попытки извратить принцип партийности литературы, в другом — к товарищам по партии. С откровенной иронией и даже сарказмом обращается Ленин к своим предполагаемым оппонентам, господам буржуазным индивидуалистам. Обращение к товарищам по партии звучит как призыв к выполнению поставленных задач в связи с новым политическим положением в России: «За работу же, товарищи! Перед нами трудная и новая, но великая и благодарная задача — организовать обширное, разностороннее, разнообразное литературное дело в тесной и неразрывной связи с социал-демократическим рабочим движением».

В статье употребляются также и другие стилистические приемы: анафоры, параллелизмы, повторы. Цель анафоры — сосредоточить внимание на самых важных словах. Вот как представлена характеристика литературы

третьего периода освободительного движения в России: «Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения „верхним десяти тысячам“, а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих)».

Такова также концовка статьи, содержащая развернутую программу действий партии в области литературного дела: «Все газеты, журналы, издательства и т. д. должны приняться немедленно за реорганизационную работу, за подготовку такого положения, чтобы они входили целиком на тех или иных началах в те или иные партийные организации. Только тогда „социал-демократическая“ литература станет таковой на самом деле, только тогда она сумеет выполнить свой долг, только тогда она сумеет и в рамках буржуазного общества вырваться из рабства у буржуазии и слиться с движением действительно передового и до конца революционного класса».

Статья «Партийная организация и партийная литература» представляет собой высокий образец публицистической литературы. Многообразные приемы стилистического мастерства В. И. Ленина составляют единую стройную систему. Они воздействуют на читателя не изолированно один от другого, а в единстве и неотделимы от содержания статьи.

*Б. И. МАТВЕЕВ,
доцент Академии общественных наук
при ЦК КПСС*

Мастерство М. И. Калинина — очеркиста

Яркий, самобытный и разносторонний литературный дар М. И. Калинина (1875—1946) активно проявился в публицистике, в пропаганде марксизма-ленинизма, в утверждении коммунистических идеалов. В первые годы Советской власти М. И. Калинин много занимался журналистской работой, непосредственно участвуя в становлении партийной печати. Советы и рекомендации М. И. Калинина начинающим литераторам и журналистам, пропагандистам и агитаторам актуальны и сегодня. Его публицистическое мастерство — наглядный пример использования всего богатства великого русского языка.

Калининская публицистика первых лет революции богата в жанровом отношении: это агитационно-массовые брошюры, передовые и юбилейные статьи, приветствия, лозунги, обращения, призывы, открытые письма, ответы на письма трудящихся, обзоры писем, репортажи и т. д. Особенно обращают на себя внимание очерки М. И. Калинина, написанные в 20-х годах, когда, по словам М. Горького, в советской литературе началось бурное развитие очеркового жанра. «Никогда и нигде важнейшее дело познания своей страны не развивалось так быстро и в такой удачной форме, как это совершается у нас. „Очеркисты“ рассказывают многомиллионному читателю обо всем, что создается его энергией на всем огромном пространстве Союза Советов, на всех точках приложения творческой энергии рабочего класса», — отмечал М. Горь-

кий в 1930 году (М. Горький. О литературе. М., 1961, с. 225).

Богатый материал для своих очерков Михаил Иванович собрал во время многочисленных поездок по нашей стране, когда возглавлял агитационно-инструкторский поезд «Октябрьская революция», созданный по инициативе В. И. Ленина. Эти произведения являются «живыми документами эпохи», — говорится в предисловии к сборнику работ «За эти годы. Статьи, беседы, речи» (кн. 2. М.—Л., 1926, с. 7). В сборник, изданный в трех книгах, вошли почти все очерки, написанные М. И. Калининым в те годы. «...Октябрьская революция из года в год все дальше уходит в историческую даль, — писал М. И. Калинин. — Число людей, непосредственно принимавших участие в ней, уменьшается, и в памяти их все бледнее и туманнее становятся очертания революции. Недалеко время, когда изучение революции возможно будет лишь на письменных документах» (За эти годы. Кн. 3. М.—Л., 1929, с. 3).

Очерки М. И. Калинина по тематике и по особенностям композиции можно разделить на несколько групп: «крестьянские» (они развивают лучшие традиции народной литературы XIX в.); «путевые» (впечатления о необъятных просторах нашей страны, об утверждении и укреплении Советской власти на местах); «исторические» (из истории России); «социальные» (о разных социальных слоях населения, об их психологии, трудностях и нуждах) и некоторые другие.

Очерки разнообразны также и по системе изобразительно-выразительных средств; они обильно насыщены политическими, историческими, этнографическими, географическими, статистическими, бытовыми и другими сведениями. Необычайно широка география описываемых районов страны. Читатель побывает в городах и селах, аулах и кишлаках, на митингах и собраниях, на заводах и в школах, в домах и в общежитиях, увидит портреты рабочих, крестьян, нефтяников, стеклодувов. Композиционно-речевые и стилистические особенности путевых очерков Калинина отличаются прежде всего простотой их построения, точностью и образностью языка и стиля. Эти качества достигались тем, что автор пользовался, по его собственным словам, «методом простого рассказа».

Очерк «Поездка в Гусь-Хрустальный» рассказывает о посещении Калининым зимой 1923 года известного

центра стекольной промышленности и одного «из старейших и первых гнезд большевизма». Его композиция строится в хронологической последовательности. События и факты, с которыми сталкивается автор, — посадка в вагон, весь путь, пребывание у стеклодувов и завершение поездки — следуют один за другим. Это придает всему тексту характер равномерного повествования. «Выехал я из Москвы накануне, и на рассвете наш вагон был отцеплен на ст. Нечаевка (175 верст от Москвы). Выглянул в окно. Наш вагон стоит на единственном запасном пути. Станция кругом окаймлена лесом... Часов в 10 утра недели тулупы, привезенные гусевцами, сели на лошадей и тронулись в путь» (За эти годы. Кн. 1. Л., 1926, с. 284).

Затем повествование сменяется описанием природы: «Вначале дорога идет мелким лесом, приблизительно около версты, а затем она сжимается с обеих сторон высоким стройным лесом. Как будто въезжаешь в щель между двумя скалами или на узкую дорогу, обнесенную с обеих сторон высокими темно-зелеными стенами. Погода была великолепная, тепло, но не настолько, чтобы таял снег...

Вероятно, летом в этом лесу ключом бьет жизнь...; теперь же белый, беспредельный по величине саван заколдовал, усыпил этот могучий источник жизни, и лишь — остовы чудо-богатырей, — молчаливо стоят сосны и ели» (с. 284—285). Глаголы движения и глаголы состояния, включенные в пейзаж, как бы продолжают динамику повествования.

Пейзажи занимают в очерках довольно большое место. Автор детализирует их описание, употребляет олицетворения, сравнения и метафоры. Природу он изображает отнюдь не бесстрастно, а показывает к ней свое, «хозяйское» отношение: «Очевидно, здесь раньше велось довольно хорошее лесное хозяйство»; «Участок строевого леса сменяется полосой молодняка, затем снова строевой лес». Вслед за этим включает эпизод-воспоминание: «Не помню, кажется, лет пятнадцать тому назад я со своей матерью также в зимнюю пору ехал сосновым бором, и она каждую минуту восклицала: „Ах, вот слега-то, вот слега-то, рублей двадцать стоит. Вот из этой были бы хорошие косяки. А вот, смотри, выйдут две хорошие матицы (балки)“» (с. 284—285).

В очерке преобладает нейтральная лексика; специальные слова также включены в текст, но они понятны и доступны читателю: пресс, печь, верстак, стеклодувная,

хрустальщики, механическая отделка, закалка изделия, наждачные и песочные колеса, гравировальная машина, шлифовать, выдувать вещь, трубка, форма, грань, расплавленная масса. Это автор попутно оговаривает: «Я опускаю целый ряд специальных деталей...»

Весь композиционно-речевой замысел произведения (спокойная интонация, размеренный ритм, нейтральная лексика) подводит читателя к уверенности и убежденности в том, что гусевцы, несмотря на трудности, справятся со всеми задачами социалистического строительства: «В заключение должен сказать, что в Гусь-Хрустальном Советская власть имеет крепость небольшую, но твердую и надежную» (с. 290). Обрамляющая метафора: Гусь-Хрустальный — «одно из старейших и первых гнезд большевизма» (в начале очерка) и «крепость небольшая, но твердая и надежная» (в конце) — придает произведению законченный вид и завершает эмоционально-положительное впечатление от путешествия в город стеклодувов.

Совершенно другими композиционно-языковыми средствами пользовался М. И. Калинин при написании очерка «Узбекистан», объединенного с очерком «Туркменистан» под общим названием «В Туркестане». Автор строит его на противопоставлении старого и нового в жизни народов Средней Азии. Композиционным же центром произведения является развернутая метафора: старая Средняя Азия с ее пережитками, с ее неграмотностью и нищетой, этими страшными наследиями прошлого, называется «городом в стене», оторванным от цивилизации, от всего мира.

Противопоставляя новую часть Ташкента, которую автор по контрасту называет «городом-садом», его старой застройке, новую Бухару — старой, очеркист создает образ «старого города»: «Хочешь уловить город, его особенности, как бы его внутреннюю сущность, и не можешь. Пульс общественной уличной жизни бьется лишь на базарах... Но и на базарах за кажущейся шумностью проглядывает медлительность... Закрадывается невольное мнение, что действительный-то город не на базарах и улицах, а там, внутри глинобитных бурых стен» (с. 274).

А вот как с помощью одного эпизода показывает автор ростки новой психологии: «...я в Ташкенте шел вечером у вокзала. Мне пересекает дорогу молодой стройный парень, протягивает руки с одним словом: „комсомол“. Наше взаимное приветствие и ограничилось лишь одним

этим словом, но оно было выразительно и понятно обеим сторонам» (с. 277).

Восточный колорит в очерке создается не только экзотическим пейзажем и бытовыми зарисовками, но и употреблением среднеазиатской лексики: знаменитый пустынный *саксаул*, *бау*, выбегает *арык*, раскинут *кишлак*, *декланская* жизнь, *басмачество*, уплачен *калым*. Восточные слова, которые могут оказаться непонятными читателю, объяснены: «высокий *камыш* — тростник», «захватить землю у *баев* — кулаков».

В своих очерках Калинин в основном выводит обобщенные образы представителей народа, людей различных национальностей и социальных групп. Чаще всего это короткая портретная зарисовка или речевая характеристика персонажа. «Конференция прошла очень оживленно, выступило много крестьян, и, как в калейдоскопе, каждый крестьянин своей речью определял тот слой, к которому он принадлежит в крестьянстве. Вот один выступает в крытой сукном шубе и жалуется, что сильно обложены [налогом] кузницы...» (Поездка в Гусь-Хрустальный, с. 289); «На обратном пути меня вез на паре крепких крестьянских лошадей здоровый, лет тридцати пяти, крестьянин-хуторянин на пролетке... Это вновь нарождающийся тип крестьянина — крепкий, энергичный, в хозяйствовании вносит инициативу» (Поездка на Дальний Восток, с. 342).

Но в то же время есть и более подробные социальные характеристики, в создании которых широко используются детали быта. В этом отношении типичен очерк «В Башкирской республике», композиция которого построена на принципе сопоставления. Вот, например, как описано внутреннее убранство избы зажиточного крестьянина: «Изба разделяется на две части, в обеих очень чисто. В первой комнате камин с горящими в стойку дровами, и сзади камин котел для согревания воды: во второй — русская печь и широкие нары вдоль передних окон, покрытые домотканым ковром. На одном их конце лежат свернутые кожей домотканые красивые ковры, подбитые частью войлоком и мехами» (с. 267). А это изба бедной башкирки: «Избушка аршин шесть на шесть, дверь наравне с землей, идет прямо с улицы, в комнате по двум стенам идут нары, на конце лавки, у стены стоит небольшой столик... В комнате, кроме печки, двух лавок и маленького столика, ничего нет» (с. 268). Описание

быта среднего крестьянина коротко: «Внешность помещения здесь была средняя между хатой бедной старухи» и избой «пожилого, зажиточного крестьянина» (с. 269).

Еще одна характерная черта публицистики получила яркое воплощение в очерках М. И. Калинина. Это ее связь с ораторской речью, причем не только по содержанию, но и по языковым и стилистическим средствам выражения (интонация, строй речи, лексика, тропы).

М. И. Калинин включал в свои очерки подробное изложение бесед с народом, описание обстановки митингов и собраний, конференций и съездов, приводил целые отрывки из выступлений их участников. Народным собраниям иногда посвящены целые главы: «Митинг в селе Монастырском», «Митинг в Ольгинском», «На крестьянских собраниях».

В очерках используются самые разнообразные разговорные формы: от коротких реплик, прямой речи персонажа, небольших диалогов до драматизированных диалогических построений, внешне сходных со сценарием пьесы. Интересно отметить, что у М. И. Калинина выступают не только конкретные лица, но и слышатся так называемые «голоса из толпы»: «...смотришь, в самом патетическом месте его речи [представителя зажиточных слоев] о трудности настоящего положения из толпы раздается голос: „Полно петь Лазаря-то, знаем, как обирал, обвешивал народ, а теперь прикидываешься несчастеньким“» (В Башкирской республике, с. 270).

Разговорный синтаксис (особый порядок слов, неполные предложения, упрощенные грамматические конструкции), широкое использование средств повышенной экспрессивности (разговорная интонация, просторечная лексика и фразеология, народная образность) — все это создает впечатление живой беседы с читателем.

Очерки М. И. Калинина представляют собой значительное и своеобразное явление в советской литературе. Характеризуя задачи большевистской печати, В. И. Ленин писал, что публицисты должны стараться «поспевать за событиями». И далее подчеркивал: «Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9, с. 208). Образцом именно такой публицистики и является большое пропагандистское наследие М. И. Калинина.

М. В. ОРЕШКИНА

А. В. Луначарский и наука о красноречии

Анатолий Васильевич Луначарский (1875—1933) внес огромный вклад в развитие советского ораторского искусства как теоретик и практик красноречия. 15 ноября 1918 года в Петрограде был создан Институт живого слова, на открытии которого выступил А. В. Луначарский. В своей речи он наметил пути обучения риторике в Советской стране, показал социальную, педагогическую и эстетическую роль красноречия.

Настоящее владение речью — это сложное искусство. Богатый запас слов, прекрасный голос, смелая речь еще не означают, что человек владеет техникой выступления. «Умеет говорить человек тот, — подчеркивал А. В. Луначарский, — кто может высказать свои мысли с полной ясностью, выбрать те аргументы, которые особенно подходящи в данном месте или для данного лица, придать им тот эмоциональный характер, который был бы в данном случае убедителен и уместен». И далее: «Человек, который умеет говорить, т. е. который умеет в максимальной степени передать свои переживания ближнему, убедить его, если нужно выдвинуть аргументы или рассеять его предрассудки и заблуждения, наконец, повлиять непосредственно на весь его организм путем возбуждения в нем соответственных чувств, этот человек обладает в полной мере речью».

А. В. Луначарский считал, что каждое произнесенное слово вступает в особый мир, в психику другого человека,

превращаясь в идею его внутреннего мира. Но имеются ли гарантии, что слово вызовет желательный отклик у слушателей? Только та пропаганда эффективна, которая учитывает психологию масс и прогнозирует их реакцию. Ведь речь действует на слушателей интеллектуально и эмоционально. И это влияние может быть предсказано лишь в том случае, если выступающий хорошо знает аудиторию. Можно полностью согласиться с выводом Луначарского: искусство речи глубоко психологично и глубоко социально. Он утверждал: «...не изучивши той общественной и психологической среды, в которой слово раздается как духовный символ, а не как простое физическое явление, нельзя, в сущности говоря, сказать, что ты умеешь говорить».

Большое место отводил Луначарский языку, слогу, стилю. Настоящая ораторская речь становится художественной, если обладает содержательной глубиной, аргументированностью, образностью, отражает чувства оратора и воздействует на слушателей; это наука и искусство. Только в их взаимодействии возможно то удивительное явление, которое называется красноречием, ораторским мастерством. Эта мысль проходит через всю речь А. В. Луначарского. Он особенно подчеркивал: «Надо учить говорить весь народ от мала до велика».

Об ораторском мастерстве А. В. Луначарского сохранились воспоминания современников, представляющие несомненный интерес для анализа его творческой манеры. Выступления Луначарского всегда отличались темпераментом, остроумием и юмором. Он умел найти общий язык с любой аудиторией — с интеллигенцией, рабочими, крестьянами, мог выступать на разные темы и всегда содержательно и ярко.

Лев Кассиль писал об Анатолии Васильевиче: «Аудитория замирала при первых звуках этого голоса, готовая внимать ему, застав дыхание, не один час. Слушатели полностью отдавались во власть высоких и просторных, с необычайно простой и убедительной красочностью излагаемых мыслей о революции, о культуре, об искусстве и литературе, о месте прекрасного в новой, создаваемой народом жизни, о традициях старших поколений в революции, о новых законах дружбы и морали, воспитывающих молодую поросль советского народа» (У истоков партии. Рассказы о соратниках В. И. Ленина. Изд. 2-е. М., 1969).

Излагая мысль, Луначарский с помощью ассоциаций умел создать определенный образ. Интересно в этом отношении выступление на вечере, посвященном 85-й годовщине со дня смерти А. С. Пушкина. О великом поэте сказано и написано много. Удивить аудиторию чем-то новым, казалось бы, уже невозможно. А вот что сказал Анатолий Васильевич: «Пушкин был русской весной, Пушкин был русским утром, Пушкин был русским Адамом» (отрывки из речей А. В. Луначарского цитируются по изд.: Луначарский А. В. Собр. соч. в 8 томах. Т. 1. М., 1963). И далее: «Что сделали в Италии Данте и Петрарка, во Франции — великаны XVII века, в Германии — Лессинг, Шиллер и Гёте, — то сделал для нас Пушкин. Он много страдал, потому что был первым...». Эти яркие ассоциации позволяют нам представить все величие Пушкина для развития русской культуры. Изложение динамично, потому что в нем мало глаголов. Связь с весной, с утром углубляется, развивается идея света и радости: «Он много страдал, потому что его чудесный, пламенный, благоуханный гений расцвел в суровой, почти зимней, почти ночной еще России...». Здесь ассоциации вступают в антонимичные отношения с первоначальными: с одной стороны, весна, утро, а с другой — суровая, зимняя, почная Россия.

«А между тем если сразу, не вдумываясь в детали, кинуть взгляд на творчество Пушкина, то первое, что поразит, это вольность, ясный свет, какая-то танцующая грация, молодость, молодость без конца, молодость, граничащая с легкомыслием. Звучат Моцартовы менуэты, носится по полотну и вызывает гармоничные образы Рафаэлева кисть» — последняя фраза вызывает звуковые и зрительные впечатления. Все процизано движением, гармонией, музыкой, светом. Менуэты Моцарта — это молодость, легкость, грация; полотно Рафаэля — успокоение и радость.

Характеризуя поэзию Пушкина, Луначарский сказал: «...все это какой-то широкий океан, какие-то жуткие провалы и виды па такие вершины, куда только-только хватило бы донестись крыльям Дантов и Шекспиров». Оратор здесь выделяет несколько смысловых центров, стремясь показать значение поэзии Пушкина для культуры прошлого, настоящего и будущего. Заканчивается речь следующими словами: «Новая весна приходит в грозах, в бурях, и надо отдать искусству ту дань внимания, какая

возможна была для лучших людей России в первую, пушкинскую весну». Так Луначарский связал предшествующую эпоху с современной, показав взаимосвязь пролетарской культуры с литературой XIX века и с Пушкиным. Эти ассоциации углубляют научный анализ творчества поэта, делают его более интересным и понятным.

А. В. Луначарский широко пользовался повторами как стилистическим приемом. Их функции в речах, посвященных Пушкину, Грибоедову, Л. Толстому, Герцену, многообразны. Они служат для выделения ключевого слова, несущего основную мысль, логически связывают отдельные части выступления, играя композиционно-стилистическую роль. Могут повторяться союзы, частицы, знаменательные слова, отдельные предложения.

Наиболее часто встречается анафора, или единоначатие — повторение отдельных слов или оборотов в начале отрывков, из которых состоит высказывание: «В чем дело? Почему Пушкина читают и перечитывают? Почему интерес к нему растет? Почему самые дерзкие вихрастые футуристические головы в конце концов склоняются перед ним?».

Значительно реже встречается эпифора — повторение слов или выражений в конце смежных отрывков (предложений): «Буржуазии тогда требовался либерализм, и монархия шла на этот либерализм» (повторяется слово *либерализм*).

Иногда Луначарский использует такую стилистическую фигуру, как хи́зм (от названия греческой буквы «хи»). Она представляет собой два смежных словосочетания, построенных на синтаксическом параллелизме, при этом второе сочетание образовано в обратной последовательности слов. Вот примеры: *король танцев — танец королей; поэзия грамматики — грамматика поэзии; дом — мир женщины, мир — дом мужчины*. Иначе говоря, хизм — это своеобразное повторение слов в двух предложениях одинаковой синтаксической формы. Например: «Его [Грибоедова] прием, совершенно законный и глубоко художественный и разящий, как раз сродни шутовству, но сродни и негодованию. А ведь за негодованием идет отращение. Конечно, можно негодовать..., а можно от всего этого отвернуться и забыть. Но если забыть и отвернуться не способен, то... дальнейшей ступенью является презрение...». Здесь используется перестановка сочетания

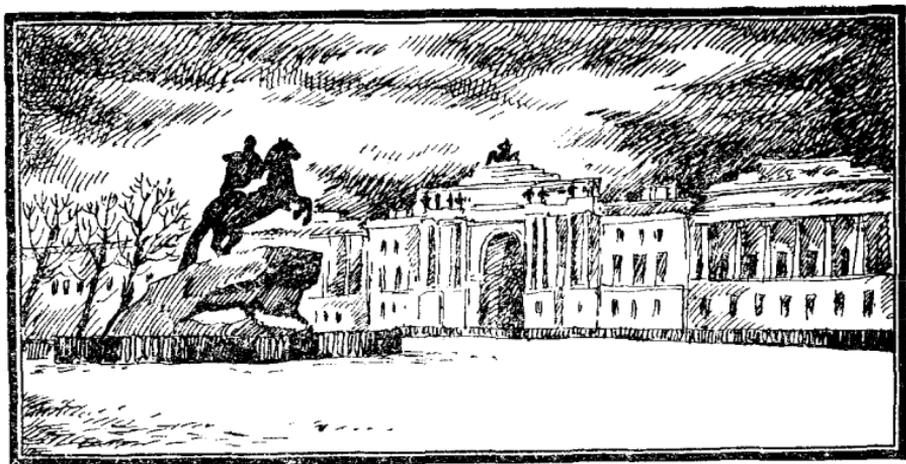
отвернуться и забыть. О Л. Толстом Луначарский сказал: «Таков Толстой-художник по форме. По содержанию же Толстой и в художественных своих произведениях всегда был правдоискателем...» — в этом отрывке мы наблюдаем структурный хиазм: «...Толстой-художник по форме. По содержанию... Толстой...»

Повтор слова или группы слов в тексте может быть и дистантным, то есть осуществляться на расстоянии. Такое употребление играет композиционно-стилистическую роль, так как объединяет отдельные предложения или части сложного предложения, несколько высказываний: «Сам Грибоедов, который, конечно, неоднократно слышал взрывы смеха, когда читал такие меткие строки, какие рассыпал своей гениальной рукой писателя перед слушателем или читателем, такие необыкновенно выпуклые уморительные фигуры,— сам Грибоедов с большой скорбью, с большой желчью отвергал звание веселого писателя...»

Иногда Луначарский использовал в небольшом высказывании сразу несколько художественных приемов. Вот отрывок из речи, произнесенной им в связи с 50-й годовщиной со дня смерти А. И. Герцена: «Мы зовем на помощь тебя, великий писатель, великое сердце, великий ум, мы зовем на помощь тебя, воскресающего ныне из своей могилы, помоги нам в году грандиозных событий, которые ты предвидел, обогнуть мели и рифы, которые рисовались уже твоему пророческому духу, помоги нам, чтобы торжество справедливости, наступление великого нового жизненного уклада, без которого, как ты говорил, всякая революция остается пустой и обманчивой, означали бы собою также великую победу культуры, как ты понимал ее,— культуры как велького торжества человека». Здесь встречаются и метафора, и эпитеты, и повтор, и параллелизм, а также апострофа — обращение к воображаемому лицу как к присутствующему. Благодаря этим риторическим приемам создается пафос выступления.

В речах Луначарского — человека высокой культуры и разностороннего таланта — пропагандисты и агитаторы всегда найдут образцы публицистического мастерства, которые они могут творчески использовать в своей ораторской практике.

Н. П. КОХТЕВ,
кандидат филологических наук

К 160-летию восстания декабристов

ДЕКАБРИСТЫ

14 декабря 1825 года в Петербурге на Сенатской площади произошло событие великой исторической важности — первое в истории России открытое революционное выступление против самодержавия. Участников этого события называют декабристами, а их выступление — восстанием.

Этот замечательный факт отечественной истории нашел отражение в русском языке и русской литературе. Были образованы и стали давно привычными слова и словосочетания, а старые, ранее известные слова употребляются в иных, новых значениях, как самостоятельно, так и в составе словосочетаний. Приведем лишь некоторые, наиболее характерные примеры: *декабрист, декабризм, декабристский, декабристоведение, декабристовед, не-декабрист, декабрист без декабря, движение декабристов, восстание декабри-*

стов, декабрьское восстание, декабристский проект, декабристский заговор, последекабристский террор и др. Одни из этих слов и словосочетаний вошли в словарный состав русского языка, другие — сохраняются на правах окказионализмов.

В зависимости от отношения к восстанию — сочувствующего или осуждающего, от симпатии или антипатии к его участникам, их называли по-разному. Для одних декабристы — «умнейшие люди России» (Пушкин); «герои 14 декабря» (Герцен); «лучшие люди из дворян», «дворянские революционеры» (Менин), а также: герои, друзья, братья, товарищи, революционеры, заступники свободы, страдалцы-изгнанники, герои 1825 года, горсть непокоренных и т. д. Для других — представителей власти, реакционеров — они — государственные преступники, бунтовщики, мятежники, злодеи, пегодяи, злоумышленники, заблудшие, возмутители, царубийцы, исчадия ада, гнусные развратники, горсть извергов, обманувших солдат и т. п.

Из-за последекабристского террора в разговорах, в частной переписке остерегались прямых упоминаний об участниках восстания, их всячески «засекречивали», прибегая к эвфемизмам, намекам и полунамекам: «те, кто по четырнадцатому»; «последнее происшествие»; «хвост этого переполоха»; «сослан за то, что было в декабре» и т. п. Отзвук этих умонастроений находим в романе Л. Н. Толстого «Декабристы»: «Казацкий офицер смутно помнил, что этот Петр Лабазов был чем-то знаменитым в двадцать пятом году и что он был сослан в каторжную работу, — по чем он был знаменит, он не знал хорошенько» (Толстой Л. Н. Собр. соч. в 20-ти тт. Т. 3. М., 1979, с. 368).

В художественных произведениях о декабристах, полностью или частично документированных, особенно в исторических романах и повестях, приводятся официальные и полуофициальные документы царской России. Так, Ю. Тынянов в историко-биографическом романе «Кюхля» использует следующие материалы по делу В. Кюхельбекера — друга Пушкина и Грибоедова, писателя-декабриста:

*«От Литовского Военного Губернатора
Генерала-от-инфантерии
Римского-Корсакова
к его Высокопревосходительству
Господину Военному министру.*

... Я предписал 12-го числа сего месяца Виленскому и Гродненскому гражданским губернаторам о учинении по губернии строжайшего разыскания к отысканию и поимке по приложенным при том отношении описаниям примет скрывавшегося мятежника коллежского assessора Кюхельбекера, участвовавшего в происшеств-

вии случившемся в С.-Петербурге в 14 день декабря 1825 года, и сделать повсеместное объявление, что, если где окажется кто-либо, его скрывающий, с тем поступлено будет во всей строгости законов против скрывающих государственных преступников...

*Генерал-от-инфантерии
Римский-Корсаков.*

Вильно.

17 января 1826 г. № 146

По сведениям о сыскиваемом по высочайшему повелению мятежнике... Кюхельбекере известно, что сестра его в замужестве есть за смоленским помещиком Глинкою... Как полагать должно, что преступник сей имеет намерение пробраться за границу.

Виленский полицмейстер Шлыков.

«Всегда интересно,— писала академик М. В. Нечкина,— следить за историей возникающего слова, особенно слова с большой судьбой. «Декабристы» — такое слово. Оно прежде всего «паше», историкам принадлежащее слово, неотъемлемый термин исторической науки» (Нечкина М. В. Когда и где возникло слово «декабристы». — В кн.: Сибирь и декабристы. Вып. I. Иркутск, 1978, с. 7).

А что известно о происхождении слова *декабрист*? Где и когда оно впервые появилось, кто его автор? По всем этим вопросам нет ни абсолютно исчерпывающих сведений, ни единодушного мнения среди исследователей. Так, если профессор С. А. Рейсер считает, что «было бы ошибочно искать индивидуального автора нового слова» (Рейсер С. А. Из разысканий по истории русской политической лексики. «Декабрист». — Труды Ленингр. библ. ин-та им. Н. К. Крупской. Т. 1. Л., 1956, с. 245), то профессор М. К. Азадовский отдает пальму первенства в этом вопросе А. И. Герцену (Азадовский М. К. О происхождении слова «декабрист». — В кн.: Сибирь и декабристы. Вып. 2. Иркутск, 1981, с. 177). М. В. Нечкина же писала, что слово «декабристы» — творение народа. По ее оценке, это слово «емко, ясно, хорошо придумано, уважительно и носит оттенок конспирации» (Нечкина М. В. Когда и где возникло слово «декабристы»..., с. 12).

Нет также единого мнения, каким по происхождению является слово *декабрист*, — исконно русским или заимствованным, пришедшим из другого языка. «Смуту» среди исследователей посеял известный русский литератор и филолог, «декабрист без декабря», П. А. Вяземский, который, по сообщению С. А. Рейсера, в письме к П. И. Бартевеу от 24 февраля 1871 года утверждал, что слово это, дескать, заимствовано из французского и сообщал свое мнение «о том или о тех, которых также в подражание французам

назвали мы декабристами» (Рейсер С. А. Из разысканий по истории русской политической лексики. «Декабрист»..., с. 253). Действительно, во французском языке в значении «сторожники Наполеона III, которые совершили переворот 2 декабря 1851 г.» существовало и существует слово *декабристы* (фр. *décembreur, décembre*), но его русский аналог, выступающий в совершенно определенном значении, был известен в России, как это было недавно установлено, еще в конце 20-х годов. А посему неосновательно говорить о каком-либо заимствовании...

О том, где возникло слово *декабрист*, писала на стр. 10 в уже цитированной статье М. В. Нечкина: «... родилось оно за Уральским хребтом... родилось в Сибири и там широко распространилось в живой речи». Это соображение несомненно представляет научный интерес для филологов, особенно же для языковедов. И тем более вызывает недоумение, почему слово, употребление которого подтверждается рядом фольклорных записей, каким-то образом выпало из поля зрения диалектологов, составителей областных словарей. Оно отсутствует в Картотеке Словаря русских народных говоров Института русского языка АН СССР, в «Словаре русских народных говоров» (Вып. 7. Л., 1972), в «Словаре русских говоров Новосибирской области» (Новосибирск, 1979), в «Словаре русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова (М., 1980), в «Словаре русских говоров Приамурья» (М., 1983) и др.

По мнению С. А. Рейсера, местом зарождения слова *декабрист* следует считать Петербург. Однако исследователь не исключает и спонтанное его возникновение сразу в нескольких местах.

Занимает внимание ученых и дата возникновения слова. В статьях, помещенных в двух выпусках иркутского сборника «Сибирь и декабристы» (1978, 1981), ими высказаны суждения, представляющие интерес для всех ревнителей отечественной истории и культуры. М. В. Нечкина полагала, «что название „декабристы“, произведенное от месяца открытого выступления в 1825 г., родилось *после* [выделено автором статьи.— В. С.] восстания— дата последнего и есть первый рубеж времени, ранее которого оно не могло возникнуть». М. К. Азадовский высказался более определенно, на стр. 177 второго выпуска он писал: «Можно смело сказать, что в 20—30-е гг. XIX в. этого термина не существовало: его не знает ни один официальный документ. Он не встречается ни в переписке декабристов, ни вообще в известных нам письмах людей этого времени».

Обе эти точки зрения не находились в противоречии с мнением С. А. Рейсера, опубликовавшего в 1956 году самую раннюю фиксацию слова *декабрист*, найденную им в новгородском дневнике А. И. Герцена (запись от 26 марта 1842 г.). Однако в 1981 году

Рейсер приводит новые сведения об употреблении слова. Они относятся к 30 января 1828 года и обнаружены в «Дневнике» А. В. Никитенко: «Сегодня был у меня Ростовцев... Толковали о прошлом, упоминали о декабристах» (Т. I. М., 1955, с. 66). Исследователь, обратив внимание на то, что слово употреблено без всяких оговорок, без частых для неологизма кавычек, на стр. 175 второго иркутского выпуска делает заключение — «значит, в 1828 г. это уже не первое его употребление».

Известно, что А. С. Пушкин до восстания и после его подавления был довольно близок со многими декабристами и членами их семей. Но ни в одном из его писем, ни в одном его произведении не обнаружено слова *декабрист*. Вот почему его нет в «Словаре языка Пушкина» (Т. I. М., 1956), в «Новых материалах к словарю А. С. Пушкина» (М., 1982). Полагают, что это слово Пушкину было неизвестно. После подавления восстания Пушкин, находясь в Михайловском, не скрывал своей связи с его участниками. 10 июля 1826 года он писал в Петербург П. А. Вяземскому: «... я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти тт. Т. 10. Л., 1979, с. 163). Знаменитое стихотворение «Во глубине сибирских руд», которое Пушкин передал А. Г. Муравьевой, отъезжавшей из Москвы к мужу на каторгу в начале января 1827 года, как известно, распространялось в списках и было кем-то названо «Декабристам». Под таким же названием в 30-е годы прошлого века в списках ходило стихотворение анонимного автора. В нем были такие строки: «Но вы погибли не напрасно: / Все, что посеяли, взойдет; / Чего желали вы так страстно, / Все, все исполнится, придет!»

В вольной русской печати слово *декабрист* едва ли не впервые встречается у Герцена в работе «О развитии революционных идей в России» (1850), а через семь лет на страницах «Колокола» в некрологе И. Д. Якушкина. В 50—60-е годы его выносят в заголовок, поскольку после смерти Николая I и последовавшей вскоре амнистии 1856 года крамольное слово перестает быть запретным. Правда, точных сведений о том, с какого времени цензура стала разрешать его употребление в печати, у исследователей пока не имеется. «Слово „декабрист“, — считает М. К. Азадовский, — было введено в русскую литературу в конце 50-х гг.», а «начало его распространения в Сибири, по мнению С. В. Житомирской, надо искать, вероятно, в конце 1830-х гг. — времени, непосредственно последовавшем за выходом всей массы декабристов на поселение» (Вып. 2. Иркутск, 1981, с. 177, 181).

Известно, что в 1860 году Л. Н. Толстой начал работать над романом «Декабристы». В «Полярной звезде» он прочитал «Воспоминания о Кондратии Федоровиче Рылееве», написанные П. А. Бе-

стужевым, отрывки из воспоминаний «Кронверкская куртина», «Казнь 14 июля 1826 года», письма М. С. Лунина и др. Под впечатлением от прочитанного Толстой пишет в Брюссель А. И. Герцену письмо 14/26 марта 1861 года: «Я затеял месяца 4 тому назад роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист... Декабрист мой должен быть энтузиаст, мистик, христианин, возвращающийся в 56 году в Россию с женою, сыном и дочерью...» (Толстой Л. Н. Собр. соч. в 20-ти тт. Т. 17—18. М., 1984, с. 560—561).

С 1862 года А. И. Герцен издает серию «Записки декабристов». Участники событий 1825 года, их родные и близкие, испытывая потребность поделиться пережитым, пишут мемуары. В конце XIX — начале XX вв. из печати выходят «Записки декабриста» А. Е. Розена (1870), «Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном» А. П. Беляева (1882), «Записки декабриста» А. С. Гангбелова (1888), «Записки С. Г. Волконского (декабриста)» (1901), «Записки декабриста Н. И. Лорера» (1904), «Записки декабриста Д. И. Завалишина» (1906), «Воспоминания декабристов кн. Оболенского, Басаргина и кн. Волконской» (1908), «Записки жены декабриста П. Е. Анненковой» (1915) и др. Но в официальных документах царского правительства слово *декабрист* употребляется крайне редко. Чиновники предпочитали терминологические словосочетания *государственный преступник* или *бывший государственный преступник*.

Однако, почему все же это слово столь поздно зафиксировано русскими словарями? Во-первых, долгое время оно находилось под запретом; во-вторых, словари, как правило, опаздывают с регистрацией слов. *Декабриста* нет в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847). Появляется он только в 1863 году в «Толковом словаре» В. И. Даля: «Декабристами назыв. бывших государственных преступников, по заговору 1825 г.» (Т. I, с. 378). Через год, в 1864 году, в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знания», изданного под редакцией Ф. Толля, о декабристах было написано: «Декабристы, в России, люди, хотевшие произвести переворот 14 декабря 1825 г. и поплатившиеся за него ссылкой в Сибирь в каторжную работу, а некоторые жизнью. Целью их была перемена образа правления, предлогом же возведение на престол в. кн. Константина Павловича» (Т. 2. с. 12).

Когда же произошли известные события во Франции в декабре 1851 года и на французской почве родилось слово *декабрист*, русские словари зафиксировали его как иноязычное. И. Ф. Бурдон и А. Д. Михельсон в числе первых поместили это слово в своем «Словотолкователе 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык...»: «Декабристы. Приверженцы Людовика

Наполеона, произведшие в 1851 году, 2 декабря, знаменитое *coup d'état*» (М., 1866, с. 188).

В конце XIX — начале XX вв. словари сообщали: «декабрист — каждый из участников заговора, приведшего к попытке военного бунта в Петербурге на Исакиевской площади 14 декабря 1825 года» (Словарь русского языка. Т. I. СПб., 1895, с. 997); декабристы — «участники заговора в России, приведшего к попытке военного бунта в декабре 1825 г.» (Чудинов А. Н. Справочный словарь. СПб., 1901, с. 511). В некоторых словарях исконно русское и заимствованное слово *декабрист* объединяются в одной словарной статье: «Декабристы, латинское — 1) участники в восстании 14 декабря 1825 года, имевшем целью возвести на престол Константина Павловича и изменить образ правления; 2) во Франции приверженцы Людовика Наполеона, поддержавшие государственный переворот 2 декабря 1851 г.» (Словарь научных терминов, иностранных слов и выражений, вошедших в русский язык. Под ред. В. В. Битнера. СПб., 1905, с. 236). Такое же толкование «двух декабристов» дано в словарях А. Н. Чудинова (1902), С. Н. Алексеева (1903) и др.

В. И. Ленин дал глубокий анализ декабристского движения, указал место декабристов в истории русской революционной борьбы. В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин писал: «... мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24, с. 261).

Историкам русского языка известно еще одно значение слова *декабрист*, с которым можно встретиться в работах В. И. Ленина и его соратников. «Декабристами» называли и основателей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» В. И. Ленина, А. А. Ванеева, Г. М. Кривжанковского, Ю. О. Мартова и др., осужденных за революционную деятельность в декабре 1896 года. В работе «Что делать?» В. И. Ленин писал: «Когда по-

сле ареста „декабристов“ среди рабочих Шлиссельбургского тракта распространилось известие, что провалу посодействовал близкий к одной из соприкасавшихся с „декабристами“ групп провокатор Н. Н. Михайлов (зубной врач), то эти рабочие были так возмущены, что решили убить Михайлова» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 35).

О декабристах-ленинцах пишет и Н. К. Крупская: «Во время стачки 1896 г. в нашу группу вошла группа Тахтарева, известная под кличкой „обезьян“, и группа Чернышева, известная под кличкой „петухов“. Но пока „декабристы“ сидели в тюрьме и держали связь с волей, работа шла еще по старому руслу» (Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1957, с. 23).

Память о первых русских революционерах увековечена в нашей стране. Например, в Ленинграде есть площадь Декабристов, есть улицы Декабристов, Бестужевская, Одоевского, Пестеля, Рылеева, есть переулки Декабристов и Каховского, есть мосты Декабристов и Пестеля, есть даже остров Декабристов. Символическое название «Декабрист» было присвоено в 1927 году первой советской подводной лодке и всей серии таких лодок. «„Декабристы“, — пишет И. А. Колышкин, — были вполне совершенными для своего времени лодками. Они существенно отличались от старых „барсов“ и „АГ“ — лодок дореволюционной постройки, состоявших у нас тогда на вооружении» (Колышкин И. А. В глубинах полярных морей. М., 1970, с. 20—21). В связи с образованием у слова *декабрист* нового значения появились следующие словосочетания: *команда декабриста, служить на декабристе, плавать на декабристе, командовать декабристом* и др.

Итак, сегодня мы располагаем сведениями, что датой самой ранней фиксации слова *декабрист* является 1828 год; что слово *декабрист* в значении «участник дворянского революционно-освободительного движения, завершившегося восстанием 14 декабря 1825 г.» (Словарь русского языка в 4-х тт. Т. I, М., 1981, с. 379) является исконно русским; что многое, связанное с историей этого слова, требует внимательного и кропотливого разыскания.

В. Н. СЕРГЕЕВ,
кандидат филологических наук
Ленинград

Лица, достойные замечания

сть у Пушкина черновая запись, сделанная в последние, а может, и в последний год жизни. Этот важнейший набросок не имел названия. Ныне принятое заглавие — «Начало автобиографии» — придумали позднейшие редакторы.

Значение отрывка неоспоримо. Но столь же неоспоримо, что текст еще не прочтен с необходимой точностью.

Вот самое существенное, оно же и наименее ясное место.

В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки. Они могли замешать многих, и, может быть, умножить число жертв. Не могу не сожалеть о их потере; я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностию дружбы или короткого знакомства. Теперь некоторая театральная торжественность их окружает...

Когда приводят последнюю фразу, ее сопровождают оговоркой о том, что одно из слов читается в рукописи условно.

Да и по смыслу — разве не чувствуется, что здесь что-то не так? «Театральная торжественность» — звучит несколько иронично. А подобный оттенок по отношению к декабристам неуместен. О друзьях, товарищах и братьях, о тех, кто заключен «во глубине сибирских руд», Пушкин не мог написать столь причудливо.

Не во всех изданиях печатали «театральная». В иных издали неразборчивое, к тому же отчасти зачеркнутое, слово попросту опущено.

*Второй, третий и четвертый
морфологически и т.д. и т.д.*

Когда на протяжении многих лет задача не решается, следует искать ошибку в самом начале, в исходных условиях. Не потому ли ничего не получалось, что обязательно стремились отыскать одно слово? А что, если на место одного попробовать искать два?

Будь они написаны друг за другом, их давно бы разгадали. Но Пушкин нередко прибегал к приемам, только ему привычным и понятным.

Оба слова расположены... на одном и том же месте!

Сначала Пушкин написал:

Нынѣ торжественность ихъ окружаетъ...

Затем заменил «ныне» на «теперь» и вписал «некоторая»:

Теперь нѣкоторая торжественность ихъ окружаетъ...

После «некоторая» начал вписывать над строкой слово, которое пока что остается неп прочтенным.

Наконец, отчасти сократил, а далее иначе дополнил недописанное слово. И на чем же остановился? Выделяем искомое при посредстве разрядки:

**Теперь нѣкоторая п е ч а л ь н а я торжественность
ихъ окружаетъ...**

Встречаются ли у Пушкина подобные сочетания? Извольте: «Пиковая дама»: «Торжественность мрачного обряда»; «Сказка о мертвой царевне...»: «Сотворив обряд печальный»; «Дубровский» (червовик): «Печальная служба кончилась...»

Правильно прочесть — этого мало. Остается правильно понять, то есть уловить давнишние, впоследствии утраченные оттенки значений.

Полтора века назад «печальным одеянием», «печальным платьем» имевовали одежду сетования, сиречь траурную. «Печальная комиссия» — таково было наименование комиссии по проведению похорон. Тот же оттенок был присущ слову «торжественность». Недаром академик Д. С. Лихачев в одной из своих работ так и выразился: «богослужбная торжественность».

Сказав, что п е ч а л ь н а я торжественность будет действовать на его слог и образ мыслей, Пушкин дал понять, что в своих записках поневоле будет сбиваться на подобие надгробного слова.

Мам осталось определить то неоконченное слово, которое в самом начале было вписано поверх строки.

**Теперь нѣкоторая т р а г и ч (е с к а я) торжественность
ихъ окружаетъ...**

Если наши предположения верны, то пушкинская правка проделала свой обычный нуть: от редкого — к более частому, от слож-

ного — к простому. В «Словаре языка Пушкина» 22 раза встречается «трагический» и 220 — «печальный».

* * *

Начальные строки наброска содержали ряд имен существительных, обозначающих один и то же предмет.

- а) принимался за ежедневныя записки,
  - б) началъ я мою Биографію,
  - в) принужденъ былъ сжечь свои тетради,
  - г) не могу не сожалеть о потерѣ сихъ записокъ.
- Последний способ выражения был заменен на:
- д) не могу не сожалеть о ихъ потерѣ.

Поправка, казалось бы, чисто стилистическая, вызванная повторением одного и того же слова («записки» — «записокъ»).

Однако есть и другая причина. Пушкин счел нужным выразиться с большей точностью. Он не сжигал целиком всю рукопись. Поэтому он, зачеркнув свои тетради, написал *си* и одну-две начальные буквы следующего слова.

The image shows a handwritten manuscript snippet. The top line is heavily crossed out with a thick black line. Below it, the word 'си' is written in cursive, followed by some other letters that are partially obscured or crossed out. There are some faint markings and a small 'и' below the main line of text.

Это важнейшее слово редакторы прочитали по догадке:

Принужденъ былъ сжечь си записки.

Догадка редакторов погрешила против стилистики: снова возникло ненужное повторение.

Редакторская догадка не годится и по смыслу: не уловили движение мысли, не поняли, что речь не идет о полном уничтожении записок.

Наконец, принятое прочтение ошибочно и на глаз: первую букву можно принять за что угодно, но только не «з».

Что же написал Пушкин?

Принужденъ былъ сжечь си ст(раницы).

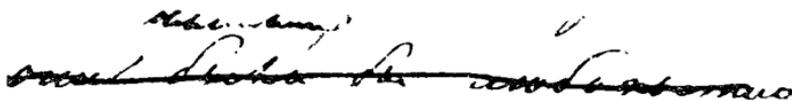
После этого — и по причине этого — он заменил в следующем отрезке фразы «потерю сихъ записокъ» на «ихъ (то есть страниц) потерю». Итак, не «записки» были сожжены, а только «страницы»!

Вопреки неточному тексту, к верному истолкованию сумел прийти писатель-пушкинист И. Л. Фейнберг. Но всего лишь из-за того, что в рукописи не было правильно прочтено сокращенно записанное слово «страницы», ему пришлось потратить на изложение доводов десятки страниц печатных...

Разумеется, поучительно следить за тем, как в книге «Незавершенные работы Пушкина» И. Л. Фейнберг пробивался к истине. Но когда приходится ставить под сомнение смысл пушкинского текста и даже вступать в спор — куда короче и надежней обратиться за помощью к текстологии.

* * *

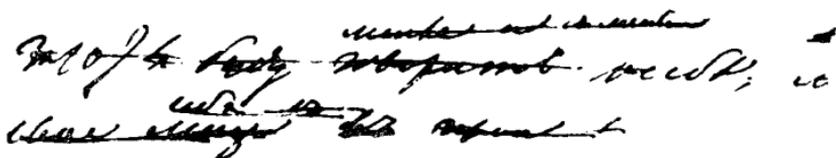
В той же части рукописи неверно прочитали, сочли неподходящим по смыслу и потому отнесли к отброшенным, к черным вариантам сочетание «для пных».

Взамен предлагаем читать «дѣйствит(ельно)». Этому незачеркнутому слову Пушкин предназначал место в основном тексте!

Далее в Большом академическом издании (т. XII, с. 432) следует перечень несвязного набора слов. Вместо «любл(и...)» надлежит читать «медле(нностию)», после чего, приняв во внимание знак переноса и знак вставки, получаем законченное предложение:

Зато избирая себя въ герои я буду съ меньш(ею)
медле(нностию) говорить о себѣ.

Позднее поэт всю фразу исключил, предпочтя сдержанный способ изложения.

В заключительной части отрывка принято читать:

около котораго постараюсь собрать другие, более достойные замечания...

Один из наших видных пушкинистов напрасно усмотрел в словах «более достойные замечания» — оттенок шутливое самоуничижения.

Ни самоуничижение, ни скромность тут ни при чем. Существовало постоянное устойчивое сочетание: **достоинъ замечанія**. «Словарь языка Пушкина» насчитал пять случаев применения этого оборота. В том числе в «Родословной Пушкиных и Ганнибаловых»: «...старший сын его, Осип Абрамович, столь же достоин замечания, как и его отец».

Замечательный, согласно «Словарю Академии Российской» (ч. II, с. 660), означало «достойный замечания или рассмотрения».

Итак, Пушкиным не было сказано, что он намеревается собрать другие замечания. Пушкин поставил задачей собрать около себя другие лица, те, которые более достойны быть отмечены.

* * *

Представляем сводный текст пушкинского наброска. Наиболее значительные из числа прочтений, публикуемых наново, выделяем при посредстве разрядки. Сохраняем пушкинское правописание и знаки препинания.

Нѣсколько разъ принимался я за ежедневныя записки, и всегда отступался. Въ 1821 году началъ я мою Биографію и нѣсколько лѣтъ сряду занимался ею.—

Въ концѣ 1825 года, при открытіи несчастнаго заговора, я принужденъ былъ ежечь [свои тетради, которыя могли замѣшать многихъ, и м. б. умножить число жертвъ] сіи ст(р)аницы).

Не могу не сожалѣть о ихъ потерѣ: дѣйствит(ельно), я въ нихъ говорилъ о людяхъ, кот. послѣ сдѣлались историческими лицами, съ откровенностію дружбы или короткаго знакомства. Теперь нѣкоторая печальная торжественность ихъ окружаетъ, и вѣроятно будетъ дѣйствовать на мой слогъ и образъ мыслей.

[Зато избирая себя въ герои я буду съ меньшею медленностію говорить о себѣ] За то буду въ моихъ показаніяхъ осмотрителенъ. И если записки будутъ менѣ живы то болѣе достовѣрны.

(Поставя) себя лицомъ около котораго постараюсь собрать другія болѣе достойныя замѣчанія, скажу нѣсколько словъ о моемъ происхожденіи.

* * *

Когда и в какой связи набросан этот листок?

На бумаге виднеется водяной знак «1834». Стало быть, дата «1834» или «не ранее 1834» выглядит не требующей обоснований.

Почему же в Большом академическом издании (т. XII, с. 473) датировка сдвинута: «1835—1836...»?

Оказывается, данный тип бумаги — это известно из каталога Л. Модзалевского и Б. Томашевского «Рукописи Пушкина» (с. 303, № 40) — встречается только в рукописях конца 1835, начала 1836 года.

Отсюда вытекает предположение, что набросок обращен к читателям журнала «Современник». Можно полагать, что перед нами предисловие к «Родословной Пушкиных и Ганнибаловых». Примечательно, что первая страница «Родословной...» была оставлена свободной. Значит, там и должно было разместиться необходимое, но еще не вполне отделанное предварение.

Набросок предисловия подвергся правке, постепенно смягчавшей остроту выражений. Эта деловитая правка означает, что не только для далекого потомства все сие было писано.

Казалось бы, об открытом выступлении в печати невозможно было и помыслить. Но вспомним, что еще в сентябре 1826 года при первом свидании с царем Николаем поэт напрямую заявил, что многие декабристы были его друзьями. Ровно через год, в сентябре 1827-го, Пушкин беседовал с близким приятелем А. И. Вульфom. На другой день Алексей Николаевич записал сказанное Пушкиным (А. И. Вульф. Дневники. М., 1929, с. 137): «Непреренно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать и царствование Николая, и об 14-м декабря».

Судя по «наброску предисловия», Пушкин и позднее своих взглядов не менял, лишь ожидал благоприятней минуты. Возможно, среди прочих причин, для того и предпринял издание журнала, чтобы непременно что-то сказать о декабристах.

Вышедший в 1985 году «Временник Пушкинской комиссии за 1981 год» напоминает, что через все номера «Современника» проходило несколько ведущих тем, прежде всего тема войны 1812 года и декабристская тема — последняя, разумеется, обиняком, намеком.

Значит, столь смелые замыслы были осуществимы, хотя бы частично.

И когда через три года после гибели поэта в журнале «Сын отечества» А. В. Пикитенко впервые опубликовал «Родословную Пушкиных и Ганнибаловых», то на своем месте, на месте предисловия, появился и данный отрывок. Конечно, с ущербом, с изъятиями. Но смысл оставался ясен: среди друзей Пушкина были декабристы.

Одни из них — в могиле, другие окружены мраком забвения. Но все они сделали историческими лицами. И потому каждый из них достоин замечания...

АЛЕКСАНДР ЛАЦИС

«Таится звук в безмолвной лире...»

*Фонетические явления
в рифме поэтов-декабристов*

Поэты-декабристы сыграли выдающуюся роль в развитии и становлении русского литературного языка. В эпоху деятельности декабристских организаций, формирования идеологических и эстетических взглядов наиболее просвещенной группы дворянства выработывались нормы русского литературного языка, определялись границы употребления славянизмов, разговорной лексики, различных иноязычных заимствований.

К. Рылеев, В. Кюхельбекер, А. Бестужев, Ф. Глинка и другие поэты-декабристы ратовали за русскую самобытную литературу, связывая ее с пробуждением национального самосознания, и тем самым вкладывали в решение этой проблемы глубокий политический смысл. «Рассматривая народ как существо духовного порядка,— писал Кюхельбекер,— мы можем назвать язык, на котором он говорит, его душой, и тогда история этого языка будет значительнее, чем даже история политических изменений этого народа, с которыми, однако же, история его тесно связана» (Кюхельбекер В. К. Лекция о русском языке.— В кн.: «Их вечен с вольностью союз». Литературная критика и публицистика декабристов. М., 1983).

Вряд ли можно безоговорочно причислять декабристов к одной из противоборствующих литературных группировок («карамзинистам» или «шнышковицам»), так как их творчество в равной мере отражает взгляды этих двух литературных лагерей, сохраняя при этом свою объективность и самостоятельность. Им были чужды как эстетические критерии «карамзинистов», противящиеся проникновению в литературу просторечной лексики, так и идеи

«пишкoviстов», пытавшихся отделить литературный язык от живой разговорной речи.

Основным принципом создания единого литературного языка, доступного широким массам, поэты-декабристы выдвигали сближение книжного языка с разговорным, народным. В статье «О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года» Ф. Глинка, в частности, писал, что язык «должен быть чист, ясен и понятен... для людей всякого состояния».

Ясность и понятность языка — важнейшее требование, предъявлявшееся литераторами-декабристами к художественным и публицистическим произведениям. Искусно обогащая и разнообразя своей писательской практикой русский литературный язык, декабристы широко использовали живую разговорную речь, славянизмы, фольклорные элементы.

В эти же годы в русской поэзии решалась важнейшая проблема обновления рифмы, которая с начала XIX века претерпевала своеобразный кризис. Расширяя возможности рифмы, поэты привлекали более обширный лексический материал, нередко черпая его из живой разговорной речи. В рифмах поэтов-декабристов ярко отразились многие фонетические процессы, происходившие в русском литературном языке первой трети XIX века.

Одним из первых поэтов, обратившихся к освоению неточных рифм в русской версификации, был Г. Р. Державин. Ориентируясь на его опыты и внося некоторые коррективы в рифмы державинского образца, поэты XIX века искали возможность обновления рифмующихся слов. Расширение круга неточных мужских и женских рифм — одно из направлений в решении проблемы выхода из кризиса в стихотворной практике. Особенно успешно развиваются женские рифмы с отпадением конечного *j*. Рифмы с конечным *j* встречаются во многих морфологических категориях при различных заударных гласных. Наиболее распространены три типа таких рифм:

ый/и: угрюмый — думы, юный — перуны, единый — долины (Рылев); хаты — крылатый, пределы — белый, громы — несомый, старый — свары (Кюхельбекер); свирепый — вертепы, новый — оковы, счастливый — швы (Глинка); картины — ярливый, юный — струпы (Раевский); справедливый — оливы (Бестужев);

ий/и: пороки — жестокий, дикий — крики, дороги — быстроногий (Рылев); громкий — потомки, мучений — тени, молний — колокольни (Кюхельбекер); тучи — зыбучий, высокий — сроки (Глинка); зданий — длани, цели — веселий (Раевский); клики — великий, потоки — широкий, тучи — могучий (Одоевский);

ой/о: унылой — странило, своеправно — православной (Рылев); было — милой, покраснело — оспротелой, дорожкой — окошко,

лукаво — дубравой (Глипка); непрерывно — дивной, покойно — нестройной (Одоевский).

Постепенно, наряду с усечением конечного *j*, распространяются и рифмы с отпадением других конечных согласных:

лукавых — отравы, это — светом, громких — потопки, ровесник — песни, кольцо — отцом, ровни — чиновник, ватагам — отвага (Глипка); славы — кровавых, шелковых — оковы, утешеньем — наслажденье, мненье — ожесточеньем, леса — небесам (Раевский).

Процесс усечения конечных согласных, вероятно, повлиял на смещение согласных в позиции конца рифмующегося слова:

Петровым — суровый (Рылеев); любимый — непобедимых, ослепленным — смиренный, подобным — земнородных (Раевский).

Стремлением к обновлению рифмы можно объяснить и активное использование мужской открытой с опорным *j*. В случаях совпадения в рифмующихся парах опорного *j* с мягкими *л*, *в*, *н* их разобщенность (в отличие от твердых согласных) частично сглаживается благодаря йотовой артикуляции, которую получают палатализованные согласные. Поэты-декабристы свободно используют способ рифмовки типа «люблю — мою», считавшийся недопустимым в стихотворной практике начала XIX века:

я — меня, должна — я — меня, себя — я — тебя, кремня — ружья — кося, меня — моя, мою — люблю, воядя — я, ея — меня (Рылеев); я — себя (Кюхельбекер); поля — только я, меня — где я (Глипка); мечу — пью, себя — и я, судня — меня, моя — дня, друзья — заря, соловья — меня (Раевский).

Уже к концу 1810-х годов внимание к опорным согласным как в мужских, так и в женских рифмах очевидно ослабевает. Бросается в глаза смещение опорных согласных по признаку глухости-звонкости. Рифмы «правоты — беды, небеса — гроза» встречаются еще у Ломоносова. Сходство парных согласных по глухости — звонкости (то есть по способу артикуляции) нередко использовали для изобретения новых рифм поэты-декабристы:

места — сюда, толпа — судьба, толпы — судьбы — рабы, небеса — гроза (Кюхельбекер); суда — клевета, пороки — дороги, рока — бога, други — разлуки, други — муки, палогы — пороки, Киприды — сократы (Раевский).

Помимо освоения неточных рифм, поэты обращаются и к разработке приблизительной рифмы. Особенно большое распространение получил один из видов приблизительной рифмы, в котором заударные гласные при полном (или частичном) фонетическом слиянии не совпадают графически. Безусловно, редукция заударных гласных — явление живой разговорной речи, элементы которой незаметно, но настойчиво начинают вытеснять некоторые орфоэпические нормы книжного произношения.

Московское «акашь» все настойчивее утверждается в поэтической речи, сближая тем самым высшее книжное произношение с бытовой речью. Долгое время державшийся запрет на рифму а/о в заударном положении начинает нарушаться все чаще. Если в стихотворной практике Баратынского, Дельвига случаи чередования в рифме а/о не наблюдаются, то Пушкин (по подсчетам Б. В. Томашевского) употребил такие рифмы 21 раз. Встречаются они и у поэтов-декабристов:

звуком — внукам, шутка — жутко (Рылев); рыбка — шибко, чолкам — Святополком (Кюхельбекер); обневилосьь — схоронилась, избушка — старушкой (Глинка); сердечна — вечно (Раевский); да-леко — востока, услада — не надо (Бестужев).

Прошикновение разговорной нормы в поэтическую речь особенно отчетливо наблюдается на примерах сочетания безударных гласных в позиции после мягких согласных. Поэты свободно рифмуют слова с чередующимися гласными, не считаясь с их графическим изображением:

и/е — в личных формах глаголов 1 и 2-го спряжения: тревожит — может, колет — неволит, хочет — точит — пророчит (Рылев); клонит — потонет, может — тревожит, тронет — хоронит (Глинка); дышит — колышет (Раевский); может — мвожит (Бестужев);

е/ю — в сочетании глаголов единственного и множественного числа: оболщает — скучают, представляет — пробуждают (Раевский); прельщают — восхищает (Бестужев).

и/е/я — в родовых окончаниях имен существительных и прилагательных: остатки — порядке, Сечи — встрече, опушки — избушке, изгнанья — страданье, вековые — России (Рылев); песте — чести, холопей — копий, кони — топе, жизни — отчизне, песочке — следочки, утешенье — злоключеньи, заключеньи — мученья (Глинка); доле — воли (Бестужев); власти — напастей, уваженьи — презренья, мненья — именье, сокровенье — сраженья (Раевский). Кстати, заметим, что рифма «е/ья» для литературной московской нормы воспринималась как достаточно точная.

Гораздо реже встречаются случаи чередования в заударной позиции гласных а/ы после твердых согласных. В поэзии декабристов нам удалось обнаружить всего лишь два случая таких рифм. В первом случае рифмуется существительное с прилагательным в предложном падеже: оковах — суровых (Глинка), а во втором — в дательном падеже: долинам — соловьиным (Кюхельбекер).

Влияние живой разговорной речи прослеживается и в случаях совпадения в заударном слоге окончаний имен прилагательных на ой/ый:

ивой — горделивой (Рылеев); ясный — печальной, усталый — алой, носимый — незримой, безмерный — немерной, счастливой — ревнивый, отважный — важной (Гюхельбекер); лысый — крысой, богатый — платой, славой — кровавый, благотворный — горной, улыбай — силой (Катенн); бранной — желанный, бурной — мишурный, предестной — небесный (Раевский); веселой — тяжелый, звучной — докучный, педантой — одетый, пародный — свободной (Одоевский).

Совпадение гласных *ы/о* происходит также в окончаниях наречий и прилагательных мужского рода:

ново — суровый, приятно — приветный (Рылеев); навечно — сердечный (Бестужев); безумный — шумно, бесконечный — вечно, нетерпеливо — счастливый, охотно — неотлетный, неохотно — бесплотный (Одоевский).

Стихотворные опыты поэтов-декабристов способствовали установлению в русской поэзии новых типов приблизительной рифмы, в которых намечен решительный отход от требований графической точности в написании заударных рифмующихся гласных.

Итак, к 30-м годам XIX века русская рифма претерпевает значительные изменения. Многие направления, по которым развивалась, в частности, декабристская рифма, продиктованы условиями проникновения в поэтическую речь элементов живой разговорной речи. Поэтическая речь XVIII века, ориентированная на высокий ораторский стиль, насыщенная церковнославянской лексикой, вытесняется широко распространяющейся московской «акающей» речью, которая стала основой современного русского литературного языка.

С. Р. СЕРКОВ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Слово *местоименный* надо произносить с ударным *е* или *ё*?»

В. Е. Аверкиева, *Килешма*

«Орфоэпический словарь русского языка» приводит две формы: основную — *местоимѣнный* и допустимую — *местоимѣнный*.

О языке лирической поэзии Н. А. Некрасова

Язык произведений Некрасова многообразен. Некрасов предстает в своей поэзии как лирик и трибун, повествователь и сатирик. Многообразие Некрасова-поэта становится очевидно при сравнении таких непохожих по языковым особенностям и стилю стихотворений, как, с одной стороны, «Я не люблю иронии твоей...», «Мы с тобой бестолковые люди...» и «Блажен незлобивый поэт...», «Н. Г. Чернышевский», с другой стороны, «Знахарка», «Кумушки», «В деревне» и — «Современная ода», «Нравственный человек». Языковые различия в произведениях поэта обусловлены поисками таких способов выражения, которые наиболее соответствовали бы их содержанию («важен в поэме/ Стиль, отвечающий теме»).

Стихотворная речь в отличие от прозаической более строго организована. Упорядоченность языка поэзии проявляется по-разному: в выборе слов и структуре произведений; в предпочтении, отдаваемом тем или иным образным средствам; в организации звуков в стихе (стихотворный размер и стиховой ритм). Больших мастеров поэтического слова отличают выразительность, своеобразие творческой манеры, что позволяет говорить об индивидуальном авторском стиле.

Идейно-образное и эмоциональное содержание по-

эзии зависит также от богатства «напоминающих» (ассоциативных) свойств слов, выражений, образов, использованных в произведении. Ни один поэт не начинает все заново, его творчество, и в первую очередь его язык, всегда включает в себя элементы прошлого, традиции. Так, самобытность почерка Некрасова отчетливо обнаруживается при сопоставлении того, что было в поэзии до него и что стало привычным для его современников.

Слова и обороты, известные донекрасовской поэзии, в произведениях Некрасова часто изменяют свой смысл. Примером может служить стихотворение «Душно! Без счастья и воли...». Его глубинное содержание (подтекст) связано с расширением значения слов *ночь*, *буря*, *чаша*.

Душно! Без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
Всю расплещи!..

Слово *ночь* с определением «без счастья и воли» не просто называет время суток, оно говорит об условиях жизни. Слово *буря* не только стихийное явление природы, но и обозначение общественного потрясения. Стих «Чаша с краями полна», благодаря перекличке с известным выражением *чаша терпения переполнена*, сообщает о том, что терпение вот-вот кончится. Вся первая строфа — это и взволнованное выражение душевного состояния лирического героя душевной ночью перед бурей, и одновременно — образная характеристика общественной жизни в России 60-х годов. На этом фоне вторая строфа стихотворения воспринимается как решительный призыв к очистительной буре, способной покончить со *вселенским* (в черновике: *народным*) горем.

Главная особенность изменения смысла слов в поэзии Некрасова состоит в том, что слова, как правило, обогащаются в одном направлении: в них углубляется социальное содержание. К. И. Чуковский, исследователь творчества поэта, писал, что слово *дело* у Некрасова «почти всегда означало революционное служение народу», слово *терпение* (а также *терпеть*, *терпеливый*) «почти всегда имело укоризненный смысл и было синонимом примирения с действительностью» (Чуковский К. И. «Эзопова речь» в творчестве Н. А. Некрасова.— В кн.: Некрасовский сборник. Т. 1. М.—Л., 1951, с. 64). В приведенном стихотворении даже такое слово, как *чаша* (в поэзии оно часто употребляется в сочетании *чаша жизни*, *веселья* или *чаша страдания*, *горечи* и т. п.) осмысливается в социальном плане. Его содержание и традиционно и в то же время ново: речь идет как о *чаше терпения*, *горя*, так и о *непереполненной чаше терпения* народного.

Изменение содержания «старых» средств поэзии осуществляется Некрасовым наряду с широким привлечением нового словесного материала. Особенное, некрасовское здесь — это обилие сугубо будничных слов, служащих изображению труда и быта различных слоев населения (крестьянства, ремесленников, мелких чиновников и т. п.). Наибольшее количество таких слов встречается в произведениях о народной жизни. Вот лишь некоторые примеры:

Сила меж тем в мужике убавляется,
Старость подходит, частенько хворается.

Притча о Ермолае трудящемся

Кто-то по соседству, лихоимец жадный,
У крестьян землицы косячок изрядный
Оттягал, отрезал плутовским манером.

Забытая деревня

Начинается всюду работа;
Возвестили пожар с каланчи;
На позорную площадь кого-то
Провезли — там уж ждут палачи.

Утро

Хлынувшие в поэзию в некрасовский период ее развития слова социально-бытовой речи не только придавали языку поэзии колорит простоты, безыскусственности, «живой» жизни, но и обрели новыми образными значениями, получали возможность передавать не свойственное им ранее содержание. Например, в стихотворении «Друзьям» слова *проторить*, *лапти* устанавливают своеобразную переключку с высокой темой пушкинского «Памятника», с темой народной памяти о поэте.

Вам же — не праздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути.

Помимо образных средств, известных литературной традицией, языковая палитра Некрасова содержит и совсем новые краски. Поэт черпает их в народной жизни и устном народном творчестве. Они-то в большой мере и характеризуют неповторимую некрасовскую манеру. Чрезвычайно важно при этом, что образные и речевые средства, восходящие к народному источнику, используются не только в произведениях о народной жизни, таких, как «Забытая деревня», «Притча о Ермолае трудящемся». Здесь их применение можно объяснить самим предметом изображения. Но, пропаянная и в глубоко «личные» лирические стихотворения Некрасова, они раскрывают духовный мир и определяют голос поэта-лирика — явление новое в развитии стихотворной речи.

Темы нравственного страдания ранешнего клеветой человека и посмертной памяти о поэте находят предельно простое и вместе с тем емкое эмоциональное выражение в стихотворении «Что ты, сердце мое, расхотилося?..»

Что ты, сердце мое, расхотилося?..
Постыдись! Уж про нас не внервой
Снежным комом прошла-прокатилася
Клевета по Руси по родной.
Не тужи! пусть растет, прибавляется,
Не тужи! как умрем,
Кто-нибудь и об нас проболтается
Добрым словцом.

Не трудно заметить, что в стихотворении решительно преобладают слова разговорные (расхотилося, не внервой, проболтается, союз *как* в значении «когда») и народно-поэтические (прошла-прокатилася, по Руси по родной, тужить, доброе словцо). Поэт почти полностью отказывается от типичных для поэзии того времени словесных украшений и отдает предпочтение словам народного речевого источника.

Центральный в стихотворении образ *Снежным комом прошла-прокатилася/Клевета по Руси по родной* также имеет не литературный, а народный источник. Лирический текст как бы пропитан фольклорным духом. В нем ялицо многие приметы поэтики фольклора: и постоянные эпитеты *словцо доброе*; и форма творительного падежа для выражения сравнения (*снежным комом* в значении «как снежный ком»); и разнообразные повторы: одного и того же слова с народно-поэтической окраской *не тужи, не тужи*, и близких по смыслу слов *прошла-прокатилася, растет-прибавляется*; и предлога перед определением и определяемым словом *по Руси по родной*. В формировании разговорного характера стихотворения, отличающегося чертами народно-поэтического стиля, участвуют и синтаксические средства. Здесь нет длинных сложных фраз, предложений с причастными и дееспричастными оборотами.

Во многих произведениях Некрасова — и в этом состоит их особенность — книжно-литературные и устно-разговорные формы речи сосуществуют, переплетаясь между собой, вступая во взаимодействие. В результате бытовые слова насыщаются отвлеченным общественно значимым содержанием. При этом происходит обогащение идейно-образного содержания стихотворений, усиливается их выразительность. Так, в стихотворении «Что ни год — уменьшаются силы...» бытовое слово *пахарь* вступает в тесную связь с высоким словом *отчизна*.

Что ни год — уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодной...

Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!
Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведряный день впереди:
Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

С помощью словосочетания *твой пахарь* (или *пахарь отчизны*) Некрасов метонимически и собирательно говорит о крестьянстве, шире — о русском народе. Если *твой пахарь* — сказано о народе, то *поля засевая* — о труде крестьянина, *ведряный день* — о его возможной свободной жизни и т. д. Таким образом, конкретно-бытовые слова, благодаря взаимодействию с высоким словом *отчизна*, приобретают социальный смысл и становятся в поэзии Некрасова средством поэтического решения высокой лирической темы.

В звуковой организации поэтических произведений Некрасов также выступил как новатор. Для донекрасовской поэзии было характерно почти безраздельное господство двухсложных стихотворных размеров, преимущественно ямба, и точной рифмы. Такие стихи есть и у Некрасова. Однако для него специфичны трехсложные размеры и дактилическая рифма (ударение на третьем от конца слоге), которые ориентированы на народную поэзию. Народная речь подсказала поэту и распределение звуков в стихе — стихотворный размер и рифму. «Некрасовские ритмы можно узнать сразу. Напев стиха его создается протяжным трехсложием» (Самойлов Д. С. Книга о русской рифме. М., 1973, с. 149). Некрасов создал «особенную, специально некрасовскую пульсацию стиха, очень национальную, самую русскую, в которой главное очарование его лирики» (Чуковский К. И. Некрасов как художник. Пг., 1922, с. 10). Именно этот ритм и эта рифма, сближающие поэзию Некрасова с народным стихом и отличающие лучшие создания поэта, характерны для уже цитированного стихотворения «Что ты, сердце мое, расхотелось?».

Социально направленное углубление смысла многих известных в поэзии слов и широкое вовлечение в стихотворную речь новых; свободное использование всего арсенала средств народного речевого источника и освоение новых ритмов — таковы отличительные черты лирики Некрасова, оказавшей значительное влияние на последующее развитие языка русской поэзии.

Н. И. ПИВАНОВА

кандидат филологических наук

В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ

О заглавиях в лирике

Любители поэзии могут задаться вопросом, почему у лирических стихотворений часто отсутствует заглавие. В прозе мы почти не встречаемся с подобным явлением: исключение составляют лишь тексты личных писем и мемуаров. В них как бы «...присутствует один общий заголовок, который условно можно выразить словами — Вот что произошло за истекший период времени (со мной, с нами, с обществом)», — читаем в работе И. Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования» (М., 1981).

В отдельном ряду стоят также рассказы Бунина, Куприна, Чехова, названные «Без заглавия», «Новость без заглавия» И. Н. Кудрявцева, роман «Без названия» Д. Н. Мамина-Сибиряка, «Рассказ, не стоящий заглавия» С. П. Колошина и др. У заглавий типа «Без заглавия» позиция названия заполнена, но ослаблены его функции. У лирических стихотворений без названия позиция заглавия не заполнена, следовательно, не ощущается его функциональная значимость. Почему так происходит?

В подлинной лирической поэзии мы всегда имеем дело с нерасторжимой гармонией стихотворной формы и поэтического со-

держания. Взаимодействие слов с движением ритма и рифмы приводит к тому, что сама стихотворная форма получает неисчерпаемые смысловые возможности. Поэтому многие прекрасные стихи, если попытаться переложить их на прозу, показались бы нам мало содержательными. Можно пересказать роман, не помня точно его конкретного языкового воплощения и построения частей, его составляющих. Но нельзя дать живое представление о лирическом стихотворении, не воспроизводя его слова и ритмическую тональность. «Ища воссоздать гармоническую правду, душа художника сама приходит в соответственный музыкальный строй... нет музыкального настроения — нет художественного произведения», — писал А. Фет, размышляя о сущности поэзии.

Вероятно, не всегда возможно одним или двумя словами заглавия выразить то содержание, которое с таким трудом сложилось и развернулось поэтом в единственно правильно найденную стихотворную форму из первого, несознанного замысла-порыва. Для поэта нет мысли, отдельной от стиха.

Поиск названия к стихотворению требует вмешательства логики: выделения смысловой доминанты. Но доминанта поэзии не в смысловом сообщении, а во внутреннем настроении, поскольку в лирике «чувство гнет логику» (Е. Вишукоров). Так, первая строка стихотворения Е. Евтушенко «Со мною вот что происходит...» могла бы стать названием многих лирических стихотворений.

Лирические стихотворения представляют собой как бы малую форму. По мнению Ю. Тынянова, «расчет на большую форму не тот, что на малую, каждая деталь, каждый стилистический прием в зависимости от величины конструкции имеет разную функцию, обладает разной силой, на него ложится разная нагрузка» (Тынянов Ю. П. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 256). Им свойствен, по словам Тынянова, «минимум текстового пространства». Именно поэтому в лирических стихотворениях ощущается внутренняя напряженность. Большой мастер поэзии А. А. Фет считал, что в истинном лирическом стихотворении должна быть *пружина*, создающая центр произведения.

Разрешение лирического напряжения происходит к концу стихотворения. В заключительных строках автор выражает открывшуюся ему поэтическую истину, что придает лирическому стихотворению завершенность. Происходит «короткое замыкание» всего стихотворения в его конечные строки — процесс, аналогичный «поимке» заглавия. Наличие одного центра, в котором сосредоточивается смысл всего произведения, видимо, достаточно для такого малого текстового пространства, которым является лирическое стихотворение (См.: Сильман Т. И. Заметки о лирике. М., 1977).

В отличие от диалогического характера прозаического слова, лирическим произведениям, по мнению М. М. Бахтина, свойственна монологичность. Поэт — хозяин своего стихотворения, а поэтический стиль «довлеет одному языку и одному языковому сознанию», — считает М. М. Бахтин (Вопросы литературы и эстетики. М., 1975). Поэтому в лирическом стихотворении может не ощущаться необходимость выхода за свои рамки, выхода, который предоставляет ему заглавие, соотнося произведение со всем остальным миром. Потребность в заглавии связана также с сюжетностью, с повествовательным началом в лирике, с ее интеллектуальностью. Заглавие в лирическом стихотворении появляется и тогда, когда возникает необходимость соотнесения его содержания с понятием или предметом внешнего мира, потребность в соединительной функции.

Возьмем, к примеру, стихотворение А. А. Фета с заглавием «Ручка»:

Прозрачную канву цветами убирая,
На мягких клавишах иль с всею резным,
В перчатке крохотной иль по локоть нагая,
Поютной грацией, движением родным
Ты говоришь со мной, мой бедный ум волнуя
Невольной страстию и жаждой поцелуя.

Здесь слово *ручка* не упоминается, однако заглавие как бы включает читателя в творческий процесс размышления над лирической загадкой поэта.

Внешнюю связь со временем можно наблюдать в стихотворениях типа лермонтовского «1813-го июня 11 дня». Содержание стихотворения не требует определения, но для автора необходимо зафиксировать настроение дня, запомнить дату «озарения».

Пожалуй, основной функцией заглавия вообще является отграничительная функция. Заглавие — один из пограничных знаков, который отделяет текст от других текстов, придавая ему целостность и законченность, обеспечивая необходимые условия существования. Можно утверждать, что заглавие является дополнительным конструктивным способом образования цельности текста.

Так, «ультракороткое» стихотворение А. Вознесенского «Ночь»:

Сколько звезд!
Как микробов в воздухе —

воспринимается как законченное только благодаря заглавию. Лирический жанр дает поэту полную свободу в отношении объема изложения, а контакт названия с текстом порождает смысловые связи, которые нельзя было бы обнаружить в стихотворении без заглавия.

Однако подобный пример в лирике является скорее исключением. Для взятого отдельно лирического стихотворения отграничительная функция заглавия не является столь важной. В отличие от прозы малые поэтические формы обладают дополнительной звуковой, ритмической и графической организацией текста, которая не требует заглавного подчеркивания границ произведения.

Другое дело, когда речь идет о циклах и книгах стихов. Для них заглавие обязательно и обладает особой значимостью. В Брюсов, например, считал большой творческой находкой молодого А. Блока объединение стихотворений 1901—1902 гг. в книгу стихов под заглавием «Стихи о Прекрасной Даме». «Книга,— писал Брюсов,— приобрела новый психологический интерес, стала откровенной исповедью юного мечтателя-мистика...» (Брюсов В. Я. Собр. соч. в 7-ми томах, т. 7, 1975, с. 181). Новое объединяющее заглавие «Стихи о Прекрасной Даме» дало смысловую определенность и стихотворениям первого цикла Блока «Ante Lucem» («Перед светом»), посвященным таким знаменательным названиям, как «Servus — Reginae» («Слуга — Царице»), «Dolor ante Lucem» («Скорбь перед светом»).

Обязательность заглавия характеризует и большую лирическую форму—поэму. Заглавие в поэме необходимо как элемент объединения отдельных стихотворных частей в единое художественное целое. Характерным примером может служить емкое символическое заглавие поэмы Блока «Возмездие» (1910—1921).

Использование первой строки стихотворения в качестве заглавия условно, по, может быть, не случайно. Обычно первая строка богаче остальных в звуковом и ритмическом отношении и она задает ритмический и звуковой строй стиха, его перспективу. А поскольку, как считал Тынянов, перспектива стиха преломляет свою сюжетную перспективу, постольку важность и значимость первой строки несомненна. К тому же первая строка стихотворения, в отличие от нерифмованного и не включенного в общий ритм заглавия, менее автономна, чем возможное название. Поэтому она обладает несомненным преимуществом сразу включать читателя в ритмические рамки произведения.

В поэзии нередки заглавия, данные автором по первой строке или ее части. Это было особенно свойственно лирике И. Заболоцкого. Достаточно вспомнить его стихотворения «Я не ищу гармонии в природе», «Вчера, о смерти размышляя», «В этой роще березовой». Повторения первой строки или ее части может пронизывать и все произведение. Например, заглавие по первой строке стихотворения Е. Евтушенко «Не надо...», которая как лейтмотив открывает каждую строфу и служит финалом.

Заглавия лирических стихотворений более подвижны, чем прозаические. Введение заглавий, отказ от них или изменение — сознательный творческий акт со стороны поэта. Так, в последнем прижизненном издании своих стихотворений 1835 года Е. А. Баратынский, стремясь создать впечатление внутреннего единства, снял у большинства включенных произведений заглавия, под которыми они печатались прежде. Стихотворения, опубликованные впервые, также появились в книге без заглавий. Некоторые же сохранили свои прежние заглавия («Цветок», «Разуверение», «На смерть Гете» и т. д.), остальные были заново названы Баратынским. Например, прежняя «Русская песня» превратилась в «Песню», название «Смерть» изменилось на «Из А. Шенье» и т. д. (см. об этом: Фризмап Л. Г. Спорные вопросы текстологии Е. А. Баратынского. — Филологические науки, 1981, № 6).

Исключительное жанровое разнообразие заглавий наблюдается и в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева. Поначалу некоторые стихотворения в прозе не имели названий и получили их лишь в окончательном варианте. Заглавия у Тургенева имеют переходный характер, свойственный жанру: некоторые из них, такие как «Нищий», «Дурак», ближе по форме и функциям к заглавиям прозаических произведений, другие озаглавлены по первой строке («Как хороши, как свежи были розы...», «Когда меня не будет...»). Общее название цикла — поэтическое «Senilia. Стихотворения в прозе», поскольку латинские наименования больше свойственны поэтическим сборникам. М. М. Стасюлевич, редактор журнала «Вестник Европы», где впервые были напечатаны миниатюры Тургенева, предлагал автору назвать цикл «Зигзаги». Он писал, что тургеневские стихотворения «коротки как молнии, и как молния внезапно освещают... огромные перспективы» (цитируется по: Тургенев И. С. Собр. соч. в 12-ти томах. Т. 10. М., 1982, с. 454). Редактор «Вестника Европы» предлагал также печатать стихотворения без заглавий, а то «выходит немного стыдно». Видимо, он воспринимал миниатюры скорее в поэтическом ключе. Но заглавия были сохранены по настоянию автора, который, вероятно, мыслил, как прозаик.

Тургеневский цикл ввел новый прозаический жанр малой формы в русскую литературу. Авторы написанных в подражание Тургеневу стихотворений в прозе по-разному относились к заглавию. Так, Я. П. Полонский опубликовал два стихотворения в прозе, отказавшись от названий. Цикл стихотворений в прозе И. Ф. Анненского был озаглавлен словом «Autopsia» (вскрытие), рассказ В. М. Гаршина, первоначально имевший стихотворную форму, получил латинское наименование «Attalea princeps». Стирает границу между прозой и поэзией французское заглавие цикла Тургене-

ва «Petits poèmes en prose», которое было заимствовано им у Ш. Бодлера. Однако Л. П. Гроссман воспринял цитку как «последнюю поэму Тургенева» (Венок Тургеневу. Сборник. Одесса, 1918, с. 57—90), то есть как некое композиционное целое под единым заглавием. Это показывает, насколько широк спектр возможных интерпретаций как самого заглавия, так и его функций.

Таким образом, для достижения гармонии в организации текста необходимо умелое использование трех сильных позиций: заглавия, начала и конца произведения. В начале стихотворения создается поле лирического напряжения. Этот художественный эффект достигается в том случае, когда в начале произведения автор ставит перед читателем задачу, решение которой заложено в последующем тексте. В соответствии с творческим замыслом поэта источником напряжения служит или заглавие стихотворения, или первая строка, или результат взаимодействия заглавия с первыми строками стихотворения. Способы создания поля напряжения характеризуют творческую манеру поэта. Конечные строки текста освобождают читателя из плена лирического напряжения. Они дают ключ к пониманию всего стихотворения, восстанавливая поэтическое равновесие. Следовательно, когда автору удастся найти точное соотношение всех элементов поэтического произведения, тогда читатель получает истинное эстетическое впечатление от соприкосновения с лирической поэзией.

Н. А. КОЖИНА

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означают слова *фалеристика*, *фалерист*?»

П. А. Усольцев, Москва

«Словарь иностранных слов» дает такое толкование этих слов: *фалеристика* — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая историю орденов, медалей, знаков отличия; в широком смысле — коллекционирование нагрудных значков и знаков, а также жетонов (как правило, сувенирных, юбилейных, памятных);

фалерист — тот, кто коллекционирует значки.

Слово *фалеристика* заимствовано из латинского *falerae*, *phalerae*, что означало «металлические украшения, служившие воинскими знаками отличия». Латинское *falerae*, в свою очередь, восходит к греческому *phalaga* — металлические бляхи, побрякушки.

О развитии противоположных значений в словах

ИГРУШКА, КУКЛА, ПАВА...

Известно, что в языке есть слова, имеющие противоположный смысл, — антонимы: *горе — радость, бедный — богатый*. Одной из разновидностей антонимии является эпантисемия (см.: Русская речь, 1978, № 5). Этим термином обозначается наличие противоположных значений у одного и того же слова. Названная парадоксальная особенность некоторых групп лексики складывалась на протяжении длительного времени — обычно как следствие разнообразия речевых употреблений. «Слово выступает в речи не только как знак какого-то понятия или представления, — пишет Д. Н. Шмелев в книге «Слово и образ» (М., 1964), — оно отягощено грузом как устойчиво закрепленных за ним, так и индивидуально возникающих в речи ассоциаций». Основываясь на ассоциациях, говорящие и пишущие включают слова в необычные для их прямого значения контексты. Это нередко влечет за собой переосмысление слов и возникновение у них новых значений, в частности оценочных — «положительных» или «отрицательных».

Процесс развития таких значений известен языку с давних пор. Еще средневековый писатель, как утверждает академик Д. С. Лихачев в книге «Поэтика древнерусской литературы» (Л., 1967), при изображении того или иного конкретного события, явления, лица часто употреблял несколько сравнений. Автор иллюстрирует свою мысль отрывком из Ипатьевской летописи, в которой князь Галицкий сравнивается одновременно со львом, рысью, крокодилом, орлом и туром: «Устремил бо ся бяше на поганыя яко и лев, сердит же бысть яко и рысь и коркодил, и прехожаще землю их яко и орел, храбор бо бе яко и тур».

Можно допустить, что встречающаяся в письменности двойственная (или точнее противоположная) характеристика одного и того же лица (реже предмета), привела к появлению у некоторых слов элементов, содержащих две оценки — положительную и отрицательную. Столь различные эмоционально-смысловые нагрузки получают прежде всего наименования живых существ, предметов, явлений окружающего мира, которые содержат признаки, в какой-то мере предопределяющие возникновение оценочности.

При сохранении прямого значения начали служить средством выражения контраста в первую очередь названия животных и птиц. Отдельные слова-образы, отличающиеся такими противоречивыми признаками, как мудрость и коварство, смелость и свирепость, осторожность и хитрость, могли использоваться для обозначения и положительных и отрицательных свойств лиц.

Способностью выражать разную оценку кого-нибудь обладало слово *змея* (*змия*). В Древней Руси и в XVIII веке с образом змеи связывались прямо противоположные представления. Приведем определение из книги «Избранные эмблемы и символы» (СПб., 1811), основанной на материалах XVIII века и предшествующей эпохи: «Змия имеет различное означение: в круг свившаяся значит рассуждение, предосторожность, здравие; пресмыкающаяся, угрызение совести, печаль, зависть, раздор, мятеж, неблагодарность».

В книжных контекстах для существительного *змея* (*змия*) было характерно восходящее к христианской мифологии употребление с определенным *мудрый* — при выражении похвалы. Например, в сравнительной конструкции: «Се азъ пошлю вы, яко овцы посредьъ влъкъ, будѣте мудри, яко змья, и цѣли, яко голубие...» (Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1). Положительные оценочные наслоения, связанные с образом змеи, впоследствии не удержались в языке. В художественной литературе XVIII—XIX веков они представлены единичными примерами — в стилизациях, насыщенных архаической и устаревающей лекси-

кой: «...И жало мудрыя змеи В уста замершие мои Вложил десницею кровавой» (Пушкин. Пророк). Словари современного литературного языка не фиксируют подобных употреблений.

Более стойким оказалось применение слова *змея* (*змия*) при выражении отрицательного отношения к злобному, коварному человеку из-за «хитрости, коварства и всякого обмана», присущих змее (см.: Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947). Данное образно-метафорическое использование слова восходит к двум источникам: к книжно-письменной традиции и к народной словесности. Так, оно встречается в повести XVII века, написанной по фольклорным мотивам, — в совете доброму молодцу: «не вейся змиею лукавою») (Повесть о Горе-Злочастии). Подобные употребления привели к появлению у существительного *змея* нового смыслового компонента «злой, хитрый, коварный», который составил основу его переносного значения. Именно с этим отрицательным смыслом слово закрепилось в литературном языке. Оно обычно используется в значении сказуемого или в приложении: «С о ф и я. Не человек, змея!» (Грибоедов. Горе от ума); «...Так зачем же мою голову Ты сгубила, змея лютая?» (Кольцов. Всякому свой талан). Негативную оценку несут и фразеологические сочетания со словом *змея*: *змею на груди отогреть* (или *пригреть*) — «проявить заботу, любовь к человеку, впоследствии отплачивающему неблагодарностью, предательством»; *змея подколодная* — «об опасном, коварном человеке»: «Б о л ь ш о в. Двадцать пять копеек надо, Лазарь! П о д х а л ю з и и. Нет, это, тятенька, много-с, ей-богу, много! Б о л ь ш о в. Змеи вы подколодные!» (А. Островский. Свои люди — сочтемся).

Змея как обозначение злого, коварного человека указывается в современных толковых словарях (в 4-томном «Словаре русского языка», например, оно дается без каких-либо стилистических помет).

Тенденция к развитию у одного и того же слова (иногда почти одновременно) двух различных оценок заметно активизировалась в литературе XVIII—XIX веков. Появляются образования двойного рода: во-первых, такие, в которых экспрессивные характеристики поддерживают одна другую, и, во-вторых, с противоположными оценочными характеристиками.

Развитию образований первого типа способствовали усилившиеся с середины XVIII века разного рода эмоционально-смысловые связи, а также необычные контекстные употребления слов. Так, в разряде оценочных утверждается существительное *куколка*, обладающее положительной окраской в обоих своих значениях: 1) уменьшительно-ласкательное к *кукла*: «Покойник твой прадедушка Федор Андреич... к каждому, бывало, божьему празднику

безотменно куколку мне купит...» (Мельников-Печерский. Бабушкины рассказы), 2) о человеке красивой, привлекательной внешности (в значении сказуемого): «Князь Голицын... был молодой человек и красавец. Императрица заметила его в Москве на бале (в 1775) и сказала: „Как он хорош! настоящая куколка“» (Пушкин. История Пугачева).

Возникновение образований второго типа наблюдалось в тех случаях, когда происходило раздвоение выражаемой словом оценки: в одних контекстах оно выступало как обозначение положительных качеств, свойств, в других — отрицательных. Например, ассоциации с игрушкой как предметом красивым сделали возможным употребление слова *игрушка* (иногда индивидуальное) с положительной оценкой: «Чрез почту легкую и до Москвы достигла Фелицы похвала к восторгу всех сердец... Не могут усладить стель духа, Насытить так же пленна слуха, Чтоб вновь забавным в ней игрушкам не внимать» (Костров. Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы...) — здесь слово *игрушка* (во множественном числе) значит «украшения слога, словесные ухищрения, доставляющие удовольствие, привлекательные». А вот пример использования этого слова в качестве обозначения предмета забавы, развлечения: «Вы пишете, что Михайловское будет мне игрушка...» (Пушкин. Письмо к Н. И. Павлищеву, 1836, около 13 авг.).

Подобные применения слова явились ступенькой к формированию у него значения «изящная вещь», «о чем-либо изящном, красивом», в котором заключена экспрессия одобрения, похвалы: «Вчера привезли мне новую дорожную карету; что за карета! игрушка, загляденье...» (Пушкин. Роман на Кавказских водах). Это значение и стилистическая окраска отчетливо выступают в выражении *как (словно) игрушка* — «о ком-чем-либо красивом, нарядном, изящном»: «Госпиталь вышел хорошенкиий и чистелький, как игрушка» (Вересаев. На японской войне) — пример из 4-томного «Словаря русского языка».

Другой признак игрушки — вещь, допускающая какое угодно обращение (ведь это крохотное, не живое существо!) — обусловил возникновение у существительного отрицательного значения — «послушное орудие чужой воли; человек, слепо действующий по воле другого». В отмеченном значении слово обычно выступает в составе сказуемого: «Корабль без Парусов Игрушкой стал и ветров и валов...» (Крылов. Пушкин и Паруса); «И иза. Я все надеялась ваш нрав переменить; Но больше не хочу игрушкой вашей быть» (Грибоедов. Притворная невеста).

Подобную историю смыслового развития пережило и существительное *кукла*. Оно широко употребляется не только в значе-

нии «детская игрушка в виде фигурки человека», по также в сравнительных конструкциях и в качестве сказуемого — применительно к человеку: «Глафира Львовна сама купила в магазине на Кузнецком мосту детское платье, раздела Любоньку, как куклу» (Герцен. Кто виноват?); «Лариса. Ну, я молчу. Я вижу, что я для вас кукла; поиграете вы мной, изломаете и бросите» (А. Островский. Бесприданница).

Сопоставление осуществлялось и по другому пути — кукла представляет собой только подобие человека, она безжизненна, без «души»: «...как восковая кукла, неподвижно прислонившись к стене, она [Ольга] старалась вдохнуть в себя ее холодную влажность...» (Лермонтов. Вадим). Это в дальнейшем дало основание для применения слова *кукла* к человеку бездушному, лишенному духовных интересов (чаще к женщине) — с экспрессией неодобрительности: «Вас это может удивить, если вы думаете, что я только светская кукла и ничего более» (Лесков. Обойденные).

В качестве характеристики бездушной, лишенной внутренне-го содержания красивой женщины встречается это слово у Пушкина: «Дон Гуан... В них [в красавицах] жизни нет, всё куклы восковые...» (Каменный гость). А вот использование слова *кукла* по отношению к красавцу-мужчине: «[Женщины] обыкновенно отвертываются от искренних людей и бросаются на шею фразерам или красивым куклам» (Писарев. Реалисты).

Кукла соединяется в сознании человека также с представлением о вещи, которой можно распоряжаться по своей прихоти. Это способствовало закреплению в языке слова *кукла* как названия человека, слепо действующего по воле другого: «Тогда — в прошлом году — уже две трети делегатов сейма, стуча саблями, прокричали: „Хотим Любомирского!“ Но этого не захотел король Карл, которому нужна была кукла» (А. Н. Толстой. Петр Первый).

Существительное *пава* в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» приводится только как наименование птицы. Известно, однако, что издавна это слово было объектом сравнения (особенно в народно-поэтической речи). Оно использовалось в сравнениях с союзами *словно*, *будто* или в творительном падеже: «А сама-то величава, Выступает, будто павы...» (Пушкин. Сказка о царе Салтане...); «Как дивчата... плавно, словно павы, и с шумом, что вихорь, скакали в горлице» (Гоголь. Вечер накануне Ивана Купала); «Как протяжным, тихим тоном Важно павами плывут» (Державин. Хариты). Под воздействием таких применений сформировалось переносное — «положительное» значение слова — «о женщине с горделивой, величавой осанкой и плавной походкой», которое характерно для разговорной речи, обычно в значении сказуемого:

«Красавица. Такая пава, что только „ах“, да и все тут. Не скажу, чтобы красавица, а пышна уж очень» (А. Островский. Свои собаки грызутся, чужая не приставай!), а также в составе тавтологического выражения *пава павою*: «— Да таких молодиц, как моя [жена], во всем Киеве немного, господин честной!.. идет — как плывет,— пав павою» (Загоскин. Аскольдова могила).

Слово *пава* в отмеченном значении утвердилось в литературном языке. Об этом свидетельствует и образование на его основе прилагательного *пав(л)иный*, которое используется обычно в народной поэзии применительно к походке — «красивая, важная, гордая»: «Красна девица душа уродилась хороша: ...Походка павиная, речь лебединая» (Соболевский. Великорусские народные песни).

Другие отличительные качества птицы — пестрота (иногда чрезмерная) ее перьев и общая декоративность породили словоупотребления негативного типа: *разодеться павою*, *разрядиться как пав* (в отношении человека, одетого слишком пестро). Отрицательный оттенок содержит в себе и глагол *павлиниться*, который помещается в Толковом словаре В. И. Даля с таким определением: «чваниться, спесивиться, выступать надменно, в пышной, особенно в чужой, одежде». Вот пример из языка художественной литературы: «А здравый смысл, точно бедный проситель, с трепетом держался за ручку дверей, между тем как швейцар-классик павлинился перед ним своею ливреею и преважно говорил ему: „приди завтра!“» (Бестужев-Марлинский. О романе Н. Полевого...).

Подобные случаи употребления слов позволяют говорить о том, что в языке издавна наметилась и получила силу тенденция к совмещению в одном и том же слове разных оценок, в том числе и прямо противоположных (положительной и отрицательной).

Е. П. ХОДАКОВА,
кандидат филологических наук

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно склонять сложное слово *резус-фактор*?»

Д. Д. Антипова, Калуга

В этом слове склоняется только вторая часть: *резус-фактора*, по *резус-фактору*.

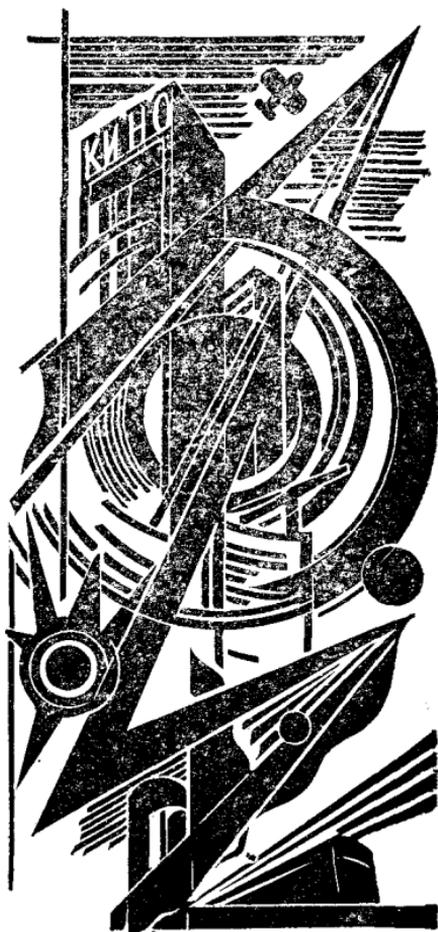
В последние десятилетия сложные слова с элементом *кино* привлекают внимание ученых-языковедов, занимающихся исследованием лексики русского языка. Журнал «Русская речь» неоднократно публиковал материалы по этой проблеме (см.: 1971, № 6; 1981, № 5; 1983, № 6). В предлагаемой статье рассматриваются экспрессивные наименования, связанные с кино 20—30-х годов (в примерах из журналов они даны в принятом тогда написании).

* * *

После Великого Октября кино заняло важное место в культурной жизни нашего общества. В изданиях, посвященных вопросам кинематографии («Кино-журнал А. Р. К. [Ассоциация революционной кинематографии]», «Кино», «Пролеткино», «Пролетарское кино», «Кино-Фронт», «Советское кино», «Кино и жизнь», «Кино и культура» и др.), регулярно печатались статьи по проблемам кино, материалы, освещавшие диспуты о фильмах, обсуждения сценариев, конференции, совещания.

Лексика кино разнообразна по тематике: названия общих понятий, жанров художественного, документального кино; наименования лиц по их деятельности в киноискусстве; названия общественных профессиональных организаций, объединений, студий, фабрик, помещений, где снимаются, монтируются, демонстрируются фильмы и т. д.

ЭКСПРЕССИВНЫЕ КИНОСЛОВА 20—30-х ГОДОВ

В 20-х — начале 30-х годов в киноискусстве проводились дискуссии по вопросам развития советского кино, шла борьба между социалистической идеологией и буржуазным влиянием, ошибочными, чуждыми тенденциями. Значительность происходивших событий вызывала необычайно эмоциональное восприятие окружающей действительности. Необходимо было дать оценку явлению, событию, факту киножизни. В это время и появилось большое количество экспрессивных наименований. Среди них, например, такие: *киноглаз*, *кинозвезда*, *звезда экрана*, *кинокороль*, *живая фотография*. Рядом с обычными, общеупотребительными словами *кино*, *кинематограф(ия)*, *картина*, *фильма (фильм)* возникали синонимы или слова, называющие новые понятия, близкие по смыслу. Это образования с ярко выраженной разговорной окраской (разговорный вариант нередко вытеснял нейтральный): *видовка* (видовая картина), *киностанционарка* (киностанционарная установка): «Совершенно ясно, что развитие видовок шло с первых дней параллельно с хроникальными фильмами...» (Советское кино, 1934, № 10); «В РСФСР имеется... 4460 сел с достаточным числом жителей для устройства киностанционарки» (Кино и культура, 1929, № 9—10).

В первые десятилетия Советской власти по мере укрепления материально-технической базы кино увеличивался выпуск документальных и художественных фильмов. Советские кинематографисты в своих картинах показывали различные стороны социалистического строительства. Количество кинотеатров и клубов в городах, деревнях, рабочих поселках неуклонно росло. Повышался уровень восприятия фильмов кинозрителями. Это дало возможность избирательно подходить к кинопродукции, принимать достойные картины и объективно оценивать поверхностные работы. По поводу последних в критических заметках появляются слова *киностряня*, *кинояд*, *фильмочка*, *кинокустарщина*, *киноцеховщина*: «Кинояд действует губительно на детей как младшего возраста, так и на детей с бородами и усищами. Но действует он, хоть и верно, но медленно» (Советское кино, 1926, № 4—5); «Советская кинематография после революции не получила ровню никакого наследства в области мультипликации, если не считать 2—3 истрепанных фильмочек...» (Кино и жизнь, 1929, № 2); «Кино-кустарщина — явление вредное, противоиנדустриальное, неминуемо общественно оторванное...» (Советское кино, 1926, № 8); *Кино-Фронт* — не позиция «какой-либо группы или кино-цеховщины, а определенный этап борьбы и строительства нашей советской кинематографии» (Кино-Фронт, 1926, № 1/4).

В языке печати довольно часто встречались сложные слова, образованные с разговорными и просторечными элементами, — *ки-*

побарахляло, кинодредбедень: «...на книжном рынке, как установлено вполне точными данными, нас сейчас тоже побивает иностранщина такого же качества, как иностранное кино-барахляло» (Советское кино, 1925, № 2—3); «„Кино-западники“, не вери ни в выгодность, ни в превосходство советских фильмов над западными, доходят до абсурда. Оставаясь глухими к требованиям окружающей жизни, они весь упор направляют на ослабление кино-театров заграничной кино-дредбеденью» (Советское кино, 1926, № 2).

В киноязыке этого периода как одно из средств создания выразительных наименований встречаем переносное употребление сложных слов. Это вызвано новыми ассоциациями, сопоставлениями. Встречаются различные названия общих понятий сферы кино (перенос происходит во второй части слова) — *киноязык, кинобуква, кинослог, кинослово, кинограмма, кинопереключка, киносчет, киноинквизиция, кинощупальцы* и др. «Что же такое киноязык? Что же такое кинограмма? Если мы оттолкнемся от существующего литературного алфавита, то что считать кинобуквой, что кинословом, кинословом, кинофразой, киноветцью?» (Пролетарское кино, 1931, № 4); «Кинопереключки и киносчета являются также новыми формами работы Союзкинохроники... Задача переключек и киносчетов заключается в том, чтобы, с одной стороны, связать с помощью экрана родственные по характеру производства предприятия, находящиеся в разных районах, с другой стороны — мобилизовать внимание заводов-поставщиков на выполнение заказов по востройкам, путем показа этим заводам-поставщикам киносчетов, предъявляемых к ним по востройкам» (Пролетарское кино, 1932, № 2); «В дни празднования восьмидесятилетнего юбилея Льва Николаевича Толстого в Ясную Поляну нахлынули летучие отряды кинематографистов с аппаратами, ящиками, коробками фильм... С добродушной, детской улыбкой Л. Н. выносил всю эту суетливую киноинквизицию и даже проявлял особый интерес и к конструкции аппаратов, и к технике съемок, и к репертуару картин» (Кино, 1922, № 2); «Кино-щупальцы заметно проникают уже в деревню, хотя в этом отношении нам еще остается сделать очень много» (Советское кино, 1925, № 6).

Перенос происходит также среди наименований, обозначающих лиц сферы кино, — *кинозвезда, кинокороль, кинокоролева, киноимператрица, кинопрофессор, кинотворец, кинотренер, киномудрец*: «Между положением кинозвезды и рядовым актером или техническим работником в Голливуде существует громадная пропасть» (Пролетарское кино, 1932, № 15—16); «В области киномастерства мы достигли многого... Не правы оказались те „киномудрецы“, которые таумудически изрекали, что, мол, „понятная форма приведет к упрощенчеству“» (Кино и жизнь, 1930, № 18); «Еще не совсем

вывелись такие старосветские „кинотворцы“, которые пытаются бороться за качество фильма, за качество искусства, за выражение политической идеи в художественных образах, оставаясь „в душе“ „беспартийными“» (Пролетарское кино, 1932, № 11—12); «Американские Джеки Куганы, Беби Педжи и пр. играли со взрослыми актерами, имея своих „кинотренеров“ и, помимо собственной фотографичности, солидный запас привитых им профессионально-актерских навыков» (Советское кино, 1933, № 1—2).

К этой группе также можно отнести и составные экспрессивные наименования специалистов, объединенных для совместной деятельности, — *отряд кинематографистов* (см. пример выше), *гвардия кинематографистов*: «Пролетарская революция — неисчерпаемый родник великих идей и героических положений. Лишь немного почерпнуть из него — и завтра у нас будут фильмы, о которых мы мечтаем. Молодая красная гвардия кинематографистов, — дело за тобой!» (Пролеткино, 1923, № 1—2).

Иногда мы наблюдаем совмещение оценочности с образностью. Во всех случаях вторая часть сложного слова, используемая в переносном значении, становится характеристикой всего понятия — *киновоз, кинолавочка, кинопаек*: «Однако общие расплывчатые лозунги о „привлечении новых сил“ и „выдвижении молодняка“, которые были уместны три года назад, когда нужно было просто сдвинуть кино-воз с места, сейчас, при наличии десятка работающих кино-фабрик — звучат слишком отвлеченными» (Кино-журнал А. Р. К., 1925, № 11—12); «В этом году открылось особенно много курсов степографии... Рахманова, очевидно, думает, что кинематография — все равно, что степография, и свою кино-лавочку реорганизовала в курсы» (Кино-Фронт, 1927, № 9—10); «Совкино посадило деревню на такой голодной кино-пакет, что за отсутствием картин сеть передвижек не работает как следует, часть сети не работает совсем» (Советское кино, 1926, № 1).

Наряду с однословными довольно часто встречались также в этот период экспрессивные составные наименования, в которых отражалось явное стремление говорящих дать оценку киноситуации. Можно назвать такие, например, как *хлебная картина, кинематографический голод, фильм-голод, кинематографический Ахиллес*: «В минувшие годы напряженной борьбы военно-политическими органами обращалось самое серьезное внимание на кино-работу. Правда, последняя затруднялась тем положением русской кинематографии..., тем кинематографическим голодом, который очень часто обрекал наши красноармейские кино-установки на бездействие, за отсутствием картин» (Пролеткино, 1923, № 1—2); «И вот на ленте разгорается пламя, которое никого не зажигает, а луч смерти поражает в самую пятку кинематографического Ахиллеса,

единственно потому, что он стоял спиной к зрителю, когда творил свои совершенные кадры» (Кино-журнал А. Р. К., 1925, № 3).

Киноискусство 20—30-х годов всецело развивалось в духе и темпе своего времени. Оно пыталось охватить разные сферы жизни. Из всех видов искусств В. И. Ленин считал кино важнейшим. Путь молодого искусства был трудным, неровным, часто противоречивым. Но оно участвовало во всех свершениях народа. Трудно переоценить роль кино в первые годы Советской власти: оно активно просвещало массы, воспитывало в них новое видение мира, боролось за победу и укрепление норм социалистического реализма в искусстве. Кино выражало боевой дух, эмоциональную приподнятость людей — строителей первых пятилеток, создателей новой жизни. Это нашло свое широкое отражение и на страницах кинопечати, оставило глубокий след и в развитии языка, в его лексике.

Г. С. КЛЮЕВА

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

Как уже неоднократно отмечалось учеными-лексикологами, словарный состав русского языка в последние десятилетия значительно пополнился за счет разного рода сложных образований. В составе новых слов их более половины. Часть из них представляет собой так называемые сложносоставные слова — существительные, образованные путем соединения двух (или более) слов. Они возникают, уточняя, дифференцируя известные ранее общие понятия. Это вызвано социальной потребностью дать отдельное наименование каждому виду. Данный процесс связан со специализацией, детализацией явлений в различных областях науки, техники, искусства и др.

Так, с возникновением кино «под водой» связано появление новых кинопрофессий, а с ними и новых слов.

Оператор-подводник — кинооператор, осуществляющий подводные съемки (в документальном, научном и игровом кино). Приведем пример: «Цель исследований — изучение системы „Атмосфера — лед — океан“. Параллельно проводилось изучение флоры и фауны, характерной только для условий дрейфующих льдов. Фильм, который снял В. Крючкин, — это взгляд „человека со стороны“. И в то же время взгляд „изнутри“. Взгляд оператора-подводника на работу исследователей-подводников. Лента „Над нами Арктика“, созданная совместно с режиссером Леонидом Поповым, — первая режиссерская работа Владлена Крючкина» (Сов. экран, 1978, № 3).

Подводный каскадер. В словаре-справочнике «Новые слова и значения» (М., 1984) помещено слово *каскадер*, одно из значений которого — кинематографическое — «дублер киноактера при съемке сложных, опасных трюков». Сейчас среди кинокаскадеров выделились более «узкие» специалисты-профессионалы, получившие составное название *подводный каскадер*. Интересно, что оба эти наименования не зафиксированы еще ни в одном справочнике профессий. *Подводный каскадер* — дублер киноактера при подводных съемках. «— Видите макеты? — спрашивает В. Карпичев, и я узнаю стоящее в углу трехногое сооружение (оно было построено для фильма

„Акванавты“) и макет батискафа. — Снимается все, как обычно. Только съемочная площадка переносится на десять, а то и больше метров ниже уровня моря. Работаем обычной, только укрытой в специальном боксе кинокамерой... Под воду спускаются оператор, ассистент, страхующий водолаз, осветитель. Поэтому с самого начала мы старались готовить на базе представителей всех цехов киностудии. Нам, „водяных“, сейчас тридцать восемь человек разных специальностей. Ждем, что появятся еще подводные звукооператоры... Возникла и утвердилась еще одна профессия — подводный каскадер» (Сов. экран, 1982, № 11).

С. И. АЛАТОРЦЕВА
Ленинград

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает выражение *рыцарь без страха и упрека* и каково его происхождение?»

Т. Г. Матвиенко, *Никологоры*

Выражение *рыцарь без страха и упрека* — перевод с французского: *le chevalier sans peur et sans reproche*. Оно означает «человек мужественный, высоких нравственных достоинств». Как сообщают Н. С. Ашукин и М. Г. Ашуккина в книге «Крылатые слова», *рыцарь без страха и упрека* — «прозвание храброго и великодушного французского рыцаря Пьера дю Террайля Байарда (1476—1524). Так он назван в книге, изданной в 1527 г.: „Приятнейшая, забавная и отдохновительная история, сочиненная честным слугой о событиях и поступках, успехах и подвигах доброго рыцаря без страха и упрека, славного сеньора Байарда“».

Михаил Николаевич
ПЕТЕРСОН
 1885—1962

Известный языковед, выдающийся специалист в области сравнительно-исторического языкознания, грамматики русского языка, санскрита, литовского языка, М. П. Петерсон оказал большое влияние на развитие современной лингвистики, на совершенствование преподавания русского языка в школе и вузе.

Михаил Николаевич Петерсон родился 22 сентября (4 октября) 1885 года в городе Керенске (ныне Вадинске) Пензенской области в семье учителя. Успешно закончив в 1909 году гимназию, он поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Его работа «История и современное положение вопроса о двуслоговых базах», написанная под руководством В. К. Поржевинского в студенческие годы, была удостоена золотой медали. В университете сложились общелингвистические взгляды молодого ученого: он стал учеником и последователем идей Ф. Ф. Фортунатова, тонкость и точность метода которого М. П. Петерсон считал образцом в научных исследованиях.

С 1916 года началась преподавательская деятельность М. П. Петерсона в Московском университете, продолжавшаяся более четырех десятилетий. Он вел практические занятия, читал лекционные курсы «Введение в языкознание», «Сравнительная грамматика индоевропейских языков». В статье, посвященной 85-летию ученого, П. И. Прекопович писал: «Необыкновенно глубокие по содержанию,

вполне самостоятельные в решении освещаемых проблем, образцовые по научной строгости, построению и мастерству изложения, эти курсы послужили важным звеном в научно-теоретической подготовке советских языковедов» (Русский язык в школе, 1970, № 4).

М. Н. Петерсон постоянно сохранял верность основным принципам Московской лингвистической школы, главой которой был Ф. Ф. Fortunatov. Системный подход к языковым явлениям, всестороннее изучение формы слова и словосочетания, непримиримость к произвольным вульгарно-социологическим построениям, бездоказательным гипотезам, исследование конкретных фактов — эти качества определяли работы М. Н. Петерсона. Как и его учитель Ф. Ф. Fortunatov, он не просто изучал факты, но использовал их для решения теоретических проблем языкознания. Вопросам общего и сравнительно-исторического языкознания посвящены многие труды ученого, среди них — «Общая лингвистика», курс «Введение в языковедение», «Система языка».

В русистике основной сферой научных интересов М. Н. Петерсона был синтаксис. В 1950 году В. В. Виноградов отмечал, что «в советской науке о современном русском языке область синтаксических явлений остается наименее исследованной» (Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975). Обратившись в 20-е годы к изучению синтаксиса и обзору современных ему концепций, М. Н. Петерсон писал: «Взгляды на предмет исследования находятся в непримиримом противоречии: одни отождествляют синтаксис с учением о предложении, другие — с учением о частях речи, но наиболее обычный тип представляет „с м е ш а н н ы й с и н т а к с и с“» (Очерк синтаксиса русского языка. М., 1923). Для построения цельной научной концепции необходимо было определить исходное понятие, которое стало бы основной единицей синтаксической системы. Вслед за Ф. Ф. Fortunatovым М. Н. Петерсон видел такую единицу в словосочетании как парном сочетании самостоятельных слов. «Синтаксис,— писал он,— следует определять именно как учение о словосочетаниях... Только тогда синтаксис будет иметь... своего „героя“, и область его будет точно отграничена от других отделов грамматики и языкознания вообще» (там же).

В «Очерке синтаксиса русского языка» М. Н. Петерсон представил детальную классификацию словосочетаний современного русского языка. «Громадная заслуга М. Н. Петерсона в этой области заключается прежде всего в том, что им впервые в истории науки о языке осуществлено систематическое описание и классификация словосочетаний (на материале русского литературного языка)», — писал Н. Н. Прокопович. Типология словосочетаний, предложенная М. Н. Петерсоном, опирается на всестороннее ис-

следование языкового материала. Ученый не ограничился только выделением их структурных типов, но и показал смысловую функцию словосочетаний в речи. «Один и тот же тип соединения слов может выражать несколько смысловых отношений. Это зависит от лексических значений соединяемых в речи слов и от контекста» (Лекции по современному русскому литературному языку. Пособие для студентов пединститутов. М., 1941). В синтаксисе М. Н. Петерсона нашла, таким образом, отражение одна из наиболее плодотворных идей в русской лингвистической традиции — взаимодействие лексики и грамматики.

Рассматривая типы словосочетаний, М. Н. Петерсон пришел к выводу о необходимости изучения синтаксической синонимии. «Эти синонимические конструкции,— писал он,— могут совпадать и употребляться параллельно одни другим или отличаться оттенками значения и своим употреблением» (Ганшина К. А., Петерсон М. Н. Современный французский язык, М., 1947). Различия в оттенках значения обуславливают возможность сознательного выбора одной из конструкций, поэтому изучение синтаксической синонимии, по мнению М. Н. Петерсона, должно интересовать и лингвиста, и литературоведа, оно необходимо для полного описания синтаксической системы.

«Слова соединяются в речи,— писал М. Н. Петерсон,— для выражения различных смысловых отношений. Важно знать не только, какие способы употребляются в русском языке, но и насколько они употребительны (актуальны)» (Лекции по современному русскому литературному языку. М., 1941). М. Н. Петерсон делал сплошную выборку материала из текстов разных авторов, используя при этом количественные подсчеты. Эта же методика применялась им при описании частей речи в русском языке, при построении основ теории орфографии. «В этом широком использовании статистического метода — одно из своеобразий и прогрессивных новшеств синтаксической системы М. Н. Петерсона»,— писал В. В. Виноградов в статье «Синтаксическая система проф. М. Н. Петерсона в ее развитии» (Избранные труды. Исследования по русской грамматике). В обращении ученого к количественным показателям проявилось стремление исследователя к максимальной объективности и достоверности выводов.

В поисках иллюстративного материала М. Н. Петерсон постоянно обращался к произведениям русских и советских писателей, особенно часто к прозе Пушкина, Тургенева, Достоевского. Бунина, Горького, А. Толстого, Зощенко и др. Ученый — автор ряда этюдов о синтаксисе Лермонтова.

М. Н. Петерсон призывал к всестороннему описанию синтаксического строя художественных произведений. «Изучение синтакси-

са русского литературного языка, — замечал он, — находится, можно сказать, в зачаточном состоянии. Не изучен синтаксис не только современных писателей, но даже и классиков». И далее: «Очень желательно, чтобы появлялись монографии по синтаксису отдельных русских писателей. Только это даст возможность в будущем создать достаточно полный и всесторонне и глубоко разработанный синтаксис русского языка» (Синтаксис русского языка. М., 1930). Эта задача, поставленная М. Н. Петерсоном, до сих пор сохраняет свою актуальность.

Рассматривая функционирование словосочетаний, М. Н. Петерсон отмечал, что синтаксические конструкции имеют разный характер в зависимости от их употребления в составе монолога или диалога. При этом он выделял два типа диалога: естественный и обрамленный, то есть сопровождаемый замечаниями автора (Лекции по современному русскому литературному языку. М., 1941). Наблюдения ученого над особенностями обрамленного диалога, вывод о том, что в нем преобладают сложные конструкции, характерные для книжной речи, заслуживают особого внимания. Это доказывает, что художественный диалог не тождествен естественному, а является лишь одной из форм стилизации разговорной речи.

Синтаксическая концепция М. Н. Петерсона на протяжении его деятельности не оставалась неизменной. Если в работах 20-х годов синтаксис он рассматривал как учение о словосочетании, а традиционную теорию предложения подвергал резкой критике, то в 40-е годы — уже как «учение о сочетании слов в предложении». Разработка основ теории предложения связана в работах М. Н. Петерсона с описанием способов объединения слов и словосочетаний в предложение. Особенно интересны его наблюдения над функционированием форм времени в разных типах синтаксических конструкций. Проблема соотношения видо-временных форм глаголов в простом и сложном предложениях продолжает активно разрабатываться в современной лингвистике.

М. Н. Петерсон уделял большое внимание становлению советской школы: возглавлял научно-методический кабинет Института школ при Наркомпросе, был автором учебников для начальной школы, разработал требования к букварю «с точки зрения фонетики и орфографии». Ученый неоднократно подчеркивал, что только сознательное владение грамматикой способно сделать ученика по-настоящему грамотным, помочь ему осознать, что письмо — это особое, «зрительное» средство общения между людьми: «Изучение правописания связывается с грамматикой: осознание значения грамматических категорий в устной речи предшествует изучению их написания. Это избавляет учащихся от бессмысленной зубрежки» (Система русского правописания. М., 1955). Важно также по-

стоянное взаимодействие литературного чтения и изучения русского языка: «Литературное чтение — повод для наблюдения закономерных соотношений между письменной и устной речью. Этому особенно содействует требование осмысленного, литературного, правильного, выразительного чтения» (там же).

Научная деятельность М. Н. Петерсона протекала в трудные годы становления советской школы и науки о языке. Труды ученого, его педагогическая деятельность внесли большой вклад в развитие советского языкознания, в методику преподавания русского языка в средней и высшей школе. Многие поколения учеников сохранили благодарную память о Михаиле Николаевиче — талантливом преподавателе, замечательном лекторе, требовательном и в то же время доброжелательном учителе.

*Н. А. НИКОЛИНА,
кандидат филологических наук*

Сергей Иванович АБАКУМОВ 1890—1949

Известный ученый С. И. Абакумов принадлежит к тому поколению советских языковедов-русистов, которые после Великого Октября все свои силы и знания отдавали повышению общеобразовательного уровня трудящихся масс, своей научной и педагогической деятельностью способствовали осуществлению культурной революции в нашей стране.

Сергей Иванович Абакумов родился 4 июня 1890 года в г. Чебоксары в семье служащего. После учебы в реальном училище он поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, который окончил в 1912 году. Затем работал учителем в средней школе. А в 1923 году переехал в Москву, где был заведующим учебной частью рабфака имени М. В. Ломоносова. С 1930 года Сергей Иванович начал преподавание русского языка в педагогических институтах Москвы — МГПИ имени В. И. Ленина и в МОПИ имени Н. К. Крупской. С 1944 года и до своей кончины (умер 7 мая 1949 г.) С. И. Абакумов заведовал кафедрой русского языка в областном пединституте. С 1946 года ученый был ответственным редактором журнала «Русский язык в школе» и по существу воссоздал его после вынужденного перерыва в годы Великой Отечественной войны. В 1947 году за заслуги в области русского языкознания и просвещения С. И. Абакумов был избран членом-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР.

Первые работы С. И. Абакумова отражают литературоведческие интересы (за выпускное сочинение о былинном эпосе в университете ему была присуждена золотая медаль). Об этом же свидетельствуют его статья «Об основах поэтики» (сб. «Родной язык в школе». Кн. 5. 1924) и ряд обзоров о новинках художественной литературы. Однако постепенно в его творчестве возобладал интерес к языкознанию. С. И. Абакумову принадлежат свыше 150 работ по вопросам школьного преподавания русского языка: учебные пособия и учебники, методические статьи и разработки к ним.

Ученый хорошо знал потребности школы. В его трудах интересы науки и практики, языкознания и методики органически сливались воедино. Он полагал, что «в современной школе на первый план естественно выдвигаются заповести по развитию речи; умение владеть речью и теоретически, и практически» (Этюды по формальной грамматике.— Родной язык в школе. Кн. 3. 1923). Отражением данного принципа явились работы о проблемах чтения. Это прежде всего статья «Творческое чтение на младшей ступени трудовой школы» (1923), учебное пособие «Творческое чтение. Опыт методики чтения художественных произведений в школах начального типа» (Л., 1925), методические руководства «Как писать сочинения» (совместно с А. Б. Шапиро; М., 1930) и «Как вести работу по развитию речи в начальной школе» (совместно с П. О. Афанасьевым; М., 1933).

С. И. Абакумов был автором учебных пособий по русской орфографии и пунктуации, очень популярных в свое время и сыгравших большую роль в развитии письменной речи школьников и студентов. Полагая, что все стороны учебного предмета взаимосвязаны, С. И. Абакумов настаивал на выработке у учащихся чутья языковой формы, что столь важно для хорошего усвоения правил орфографии. Он писал: «...орфографические различия прежде всего служат различиям смысловым, т. е. что орфография не сумма кем-то выдуманных правил, регулирующих лишь единообразие письма, а исторически сложившаяся система передачи на письме значащих элементов речи» (К вопросу об отношении русского письма к русскому языку.— Русский язык в школе, 1937, № 1). Вместе с тем С. И. Абакумов отчетливо сознавал, что изучение грамматики русского языка служит базой для приобретения навыков устной и письменной речи.

Серьезный вклад С. И. Абакумов внес в изучение и методику преподавания русской пунктуации. Его убеждение, что значительная часть пунктуационных правил опирается не на синтаксическую структуру текста, а непосредственно на смысл высказывания, отразилось еще в «Проекте Главнауки о новом правописании» (М., 1930), одним из составителей которого он был. В развернутом

виде его взгляды на пунктуацию отражены в докторской диссертации «Очерки по истории русской пунктуации» (1940) и книге «Методика пунктуации» (1947; 4 изд. М., 1954). Диссертация С. И. Абакумова в полном виде не была опубликована. Ее историческая часть «Вопросы пунктуации в трудах русских книжников XV—XVIII вв.» напечатана в «Трудах кафедры русского языка» МОПИ имени Н. К. Крупской (вып. I. 1948).

Вот несколько основных положений, которыми руководствовался С. И. Абакумов в своих работах по русской пунктуации.

Употребление знаков препинания зависит прежде всего от смысла высказывания, который связан с синтаксической структурой предложения, а в устной речи — с интонацией. С. И. Абакумов рассматривает пунктуацию как систему способов обозначения на письме тех сторон связной речи, которые не могут быть переданы ни грамматическими, ни лексическими средствами.

Подобное понимание пунктуации допускает широкую возможность вариантов, что связано с наличием «объективных» и «субъективных» моментов в принятой системе. По мнению Абакумова, различная пунктуация возможна только при разном понимании смысла высказывания.

С. И. Абакумов подчеркивал: «Большинство правил пунктуации (почти все случаи употребления запятой, часть случаев употребления двоеточия, тире и т. д.) основано на изучении синтаксической структуры предложения» (Методика пунктуации). Употребление точки, вопросительного и восклицательного знаков, многоточия, кавычек опирается непосредственно на смысл высказывания. Отсюда закономерно вытекает конфликт между пунктуационными правилами, опирающимися на синтаксис, с одной стороны, и логическим смыслом фразы — с другой. Обычно в этом конфликте побеждает логический смысл высказывания.

В «Методике пунктуации» ученый критиковал взгляды А. М. Пешковского на роль интонации при обучении пунктуации. С. И. Абакумов считал, что между интонацией и пунктуацией нет прямого соответствия: «...в большинстве случаев пишущий, когда ставит знак препинания, совершенно не думает об интонации, равно как и говорящий, делая паузы, выделяя голосом те или иные группы слов, совсем не думает о знаках препинания». Только при письме под диктовку и при чтении вслух происходит взаимодействие интонации и пунктуации.

«Методика пунктуации» С. И. Абакумова стала заметным явлением в нашей научно-методической литературе (за семь лет она выдержала четыре издания). В ней даны всесторонний анализ связи знаков препинания и смысла высказывания, его синтаксического построения и интонации, а также методические указания по обу-

чению пунктуации в V—VIII классах (пунктуационный разбор, развитие навыков выразительного чтения, диктовка, творческие сочинения, другие виды самостоятельной работы по пунктуации).

В 20—30-е годы С. И. Абакумов написал несколько учебников по русскому языку для школ различного профиля: для слушателей Рабоче-крестьянского университета по радио и для самообразования; для пятого и шестого годов обучения и др.

Позднее в связи с началом преподавания русского языка в педагогических вузах ученый подготовил курс современного русского языка. Вначале он написал «Методические указания для заочников к программе с основами научной грамматики русского языка. Для факультета литературы и языка педагогического института» (Харьков, 1936). Затем опубликовал серию научно-методических статей по узловым вопросам русской грамматики: об устойчивых сочетаниях слов, о второстепенных членах предложения, о придаточных предложениях, о причастиях.

Закономерным итогом этой работы явился учебник «Современный русский литературный язык. Учебное пособие для педагогических и учительских институтов», изданный во время Великой Отечественной войны (в 1942 г.). Этот компактный учебник (179 стр.), написанный ясным и понятным языком, был первым пособием для советской высшей школы. Он включал все разделы программы по русскому языку: лексику и фразеологию, фонетику, графику и орфографию, морфологию, синтаксис, пунктуацию, а также сведения по истории русской грамматики. Этим учебник отличается от «Общего курса русской грамматики» В. А. Богородицкого, «Очерка современного русского литературного языка» А. А. Шахматова и «Курса русского литературного языка» Л. А. Булаховского.

Научный характер данной книги сочетается с практической направленностью, что вообще было свойственно для работ С. И. Абакумова. Автор широко учитывал и использовал опыт отечественной лингвистики; по каждой проблеме дан краткий обзор ее изучения в прошлом. Литературный язык характеризуется как общенародное явление и противопоставляется его разновидностям, которыми пользуются только отдельные группы национального коллектива; рассматриваются письменная и устная разновидности литературного языка и его стилевое многообразие.

Своими научными и методическими трудами С. И. Абакумов внес огромный вклад в дело преподавания русского языка в высшей и средней школе.

*Н. А. КОНДРАШОВ,
доктор филологических наук*

Г. А. Богатова
ИСТОРИЯ СЛОВА
КАК ОБЪЕКТ
РУССКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКОГРАФИИ

Что такое исторический словарь и в чем его задача? Что такое история слова, каким образом можно воссоздать ее наиболее полно? Какие типы исторических словарей существуют? На эти и другие вопросы читатели могут найти ответ в книге Г. А. Богатовой «История слова как объект русской исторической лексикографии» (М.: Наука, 1984).

В главе I «Русская историческая лексикография на современном этапе» автор рассказывает, как зарождался и развивался русский исторический словарь. Здесь приведены интересные примеры того, как древнерусские книжники поясняли значения слов, которые могли оказаться непонятными их современникам. Обычно пояснения давались к заимствованным, не вполне еще освоенным словам: «Мсць август, рекомый заревъ»; «У всякого головы в полку до 20 000 янычерей, сиречь стрелцов».

Читатель познакомится с деятельностью выдающихся ученых, занимавшихся составлением словарей (И. И. Срезневского, А. Х. Востокова и др.), а также с тем, как создавалась Картотека Древнерусского словаря, бережно сохраненная в годы блокады Ленинграда (сейчас она насчитывает около 2 миллионов карточек). На основе материалов этой Картотеки ученые создают «Словарь русского языка

XI—XVII вв.», десять выпусков которого уже вышло и готовятся к изданию следующие (автор-составитель, редактор, руководитель коллектива — Г. А. Богатова). Этот словарь, охватывающий огромный период истории русского языка, является одним из крупнейших лексикографических изданий.

II глава книги — «История слова как лексикографическая проблема» — раскрывает своеобразие исторических словарей. При их составлении надо учитывать, что слово, возникающее и живущее в определенной языковой среде, также непосредственно связано с историей культуры народа, которому принадлежит язык, с историей цивилизации — все это входит в понятие истории слова.

Увлекательно описывает автор сложный, трудоемкий процесс работы над историческим словарем. По мнению Г. А. Богатовой, методы показа истории слова, которыми пользуются лексикографы в настоящее время, недостаточны. Необходимо, чтобы три самостоятельные отрасли лексикографии (этимологическая, диалектная и собственно историческая) взаимодействовали друг с другом. И только при этом условии могут быть получены наиболее значительные результаты.

Так, например, из этимологического словаря о слове *колокол* можно узнать, что оно возникло как звукоподражание. Первоначально у славян оно означало «предмет, которым бьют, ударяют во что-то для извлечения звуков», «било, трещотка». В этом словаре сообщается также, на какой территории слово употреблялось и с чем связано его метафорическое употребление,

например, по внешнему сходству *колокол* — «коробка цветка льна».

А исторический словарь отражает состояние, когда уже произошел перенос от названия звука к инструменту. Цитаты из памятников русской письменности подобраны так, что читатель получает представление об устройстве колокола, весе, размерах, о разных его видах. Церковные и монастырские колокола называли по характеру звонов: *благовестный, зазвонный, красный, трапезный*; сигнал об опасности подавали *набатные, сполошные, осадные* колокола; сигнал времени — *боевые, перебойные, часовые, перечасные* и т. п.

В словарной статье все особенности слова собраны составителем воедино. «...Каждая словарная статья, — подчеркивает автор, — это маленькое исследование по истории слова». Вот, например, слово *небось*. Словарная статья раскрывает «эволюцию» его смысла, укладывающуюся в двух значениях: 1) *не бойся* — разговорная форма повелительного падежа от глагола с отрицанием *не бояться*; 2) частица, выражающая уверенность, подбадривание. Сопровождающие и иллюстрирующие эти значения цитаты из произведений протопопа Аввакума показывают, что «слово сложилось на глазах истории».

В историческом словаре такого типа, как «Словарь русского языка XI—XVII вв.», история слова может быть отражена не только в словарной статье, посвященной ему, но и в словах родственных, а также объединенных общими грамматическими признаками. Об этом подробно говорится в главе III «Диахронический тип исторического словаря и воз-

можности воссоздания семантической истории слова».

Книга Г. А. Богатовой продолжает традицию отечественной лексикографической работы. Она, несомненно, привлечет внимание читателя к благородному труду ученых-словарников, которые активно способствуют сохранению сокровищ русской книжно-письменной культуры, богатств нашего великого языка.

А. Д. ВАСИЛЬЕВ,
кандидат филологических наук
Красноярск

М. И. Ильяш ОСНОВЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Культура речи как самостоятельная теоретическая и вместе с тем практическая дисциплина, будучи живым и перспективным научным направлением, не стоит на месте. Она развивается, обогащается новыми идеями, новыми научными материалами, новыми исследованиями. Предлагаемая вниманию читателей книга «Основы культуры речи» (Киев—Одесса, 1984) представляет собой первый опыт создания учебного пособия по одноименному курсу, который ведется в университетах Украинской ССР.

Важное практическое назначение книги определило специфику ее композиции и своеобразие освещения темы. В книге рассматриваются вопросы правильности речи — в произношении, ударении, грамматике и правописании; различные аспекты практического овладения современными литературными нормами. Культура русской речи в условиях славяно-русского двуязычия является

одной из ведущих тем в этом учебном пособии. Она требовала не только особых приемов решения, но и новых композиционных способов совмещения разнородного материала по теории и практике обучения культуре речи на Украине.

Наряду с общими проблемами взаимодействия национальных языков и русского в книге конкретно показаны встречающиеся отклонения от речевых норм одного языка под влиянием другого. Иллюстративный материал взят автором из практики преподавания, из сочинений учащихся, почерпнут на улицах города, извлечен из русских газет на Украине, из переводов художественной литературы. Вот некоторые примеры ненормированного употребления грамматических форм: *говорить французским языком* (вместо: *на французском языке*; укр. *французською мовою*); *извините нам* (вместо: *нас*; укр. *пробачте нам*). Интересны и случаи смешения межъязыковых паронимов и омонимов: «Дождь и проливной [укр. *проливний*] ветер мешали работе»; «Теория должна быть тесно *повязана* [укр. *пов'язана*] с практикой».

Смешение разностильных элементов — одна из типичных ошибок речи учащихся любой национальной республики. И поэтому подробная характе-

ристика нарушений смысловой и стилистической точности речи заинтересует читателей, живущих не только на Украине, но и в других местах нашей многонациональной страны.

М. И. Ильяш хорошо знаком с традициями отечественного красноречия. Пособие написано очень живо и убедительно, наверное, еще и потому, что автор является не только ученым-словесником, но и художником слова: басни М. И. Ильяша популярны на Украине.

Книга заканчивается главой, посвященной публичному выступлению и культуре речи. Наиболее интересна здесь часть, посвященная описанию видов современного красноречия: социально-политического, академического, судебного, социально-бытового. Таким образом, две стороны центральной темы рассмотрены автором в неразрывном единстве: культура правильной и культура выразительной, искусной речи. Необходимость воссоединения этих двух аспектов в теории культуры речи сомнений не вызывает.

В конце каждой главы (их 13) приводится список литературы, который поможет познакомиться более широко с вопросами культуры речи.

Л. К. ГРАУДННА,
доктор филологических наук

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«С твердым или мягким *д* нужно произносить слово *децентрализация*?»

Г. О. Битков, Крюково

Децентрализация произносится с твердым *д*: [дэ]централизация.

*ЧИНАРА —
далекая
и близкая*

В художественных переводах с языков народов СССР, а также в произведениях русскоязычных авторов из национальных республик часто встречаются слова, называющие необычные для русского читателя понятия, явления, предметы и служащие для передачи специфики культуры, быта, нравов, особенностей природы того или иного края. Рассмотрим использование такой лексики в русских переводах современной азербайджанской и туркменской поэзии. Выбор этого материала объясняется тем, что азербайджанский и туркменский языки являются близкородственными, они входят в юго-западную (или огузскую) подгруппу тюркских языков, что, в свою очередь, влияет и на близость культурных традиций азербайджанского и туркменского народов. Наши наблюдения касаются использования слова *чинара* в русских поэтических переводах с азербайджанского и туркменского языков, а также в русской литературе.

Чинара — это название разновидности платана, крупное листовое дерево с толстым стволом и широкой кроной, растущее сотни лет и достигающее огромных размеров. Распространено на юге нашей страны. Слово *платан* заимствовано русским языком из латинского языка (*platanus*) как ботанический термин

и употребляется, главным образом, как название родового понятия для нескольких видов этого растения. В современном русском языке существуют два слова для обозначения разновидностей платана: *сикомор* — западный платан и *чинара* — восточный платан.

С упоминанием слова *чинара* в русском языке мы встречаемся еще в «Словаре Академии Российской» 1794 года, далее это слово фиксируется уже во многих толковых словарях русского языка позднего времени, включая и все современные словари русского языка. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера отмечено, что слово *чинара* заимствовано из тюркских языков, по первоисточником его является персидский язык.

Во многих современных словарях русского языка это слово приводится в двух грамматических вариантах: *чинар* (муж. род), *чинара* (жен. род), однако в широком употреблении оно в большинстве случаев закрепилося в форме женского рода. Например, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова слово приводится только в одном варианте — «чинара». Нередко встречается *чинара* и в русских поэтических произведениях. Например, в поэме «Демон» М. Ю. Лермонтова: «Чинар развесистые сени, / Густым вепчанье плющом...»; в «Путешествии в Арзрум» А. С. Пушкина: «Наш караван ехал по прелестной долине, между курганами, обросшими липой и чинаром» (в форме собират. сущ.); в повести «Казак» Л. Н. Толстого: «Карагачевый и чинаровый лес с обеих сторон был густ» (в форме прилагательного), что свидетельствует уже о семантической устойчивости этого слова в русском языке.

Употребление слова *чинара* в русской литературе связано, в основном, с пейзажными описаниями южной природы и служит наименованием реалии: «Шумел чинар, и ветер, свеж и тих, меж алых роз вздыхал, благоухая» (Хомяков. Сонет). В русских переводах азербайджанской и туркменской поэзии слово *чинара* выполняет и определенную эстетическую функцию, служит средством художественной выразительности.

Эти ветки
с листвою —
Сыновья
с дочерьми,
Чинары.
Связь небес и земли,
Вязь стихов Низами —
Чинары.

Ф. Садых.
Чинары Гянджи.
Пер. с азерб. А. Ахундовой

В приведенных стихотворных строках значение слова *чинара* шире понятия, усвоенного русским языком, — это олицетворение

родины. В культурах азербайджанского и туркменского народов чинара наделена яркой положительной окраской, закреплённой в поэтической традиции, и служит символом мира, силы, могущества, ассоциирующихся с понятием родины. Переводчик использует слово *чинара* в его оценочном метафорическом значении. Слово призвано выделить оттенок специфичности, своеобразия роли реалии в национальной культуре.

В ряде случаев национальная лексика оказывается трудно переводимой не только потому, что она тесно связана с конкретными предметами, но и потому, что имеет образно-метафорическое употребление.

Обнимали ветви чинара меня,
И дороги, крылья раскинув, как птицы,
Подняли меня на ее порог,
И почные реки стали светиться,
Чтобы я с тропинки
Сбиться не мог...

С. Рустамханлы.
Вот какая любовь бывает.
Пер. с азерб. А. Грича

В силу этого — именно для выделения оттенка образности — в язык поэтического перевода переносятся иноязычные слова, выполняющие в тексте как смысловую, так и определенную стилистическую функцию. Художественный перевод должен сохранять те оттенки иноязычной лексики, которые ей свойственны в системе национального языка. Этим, в частности, достигается и необходимая адекватность оригинала и перевода.

С точки зрения эмоционально-образного использования слова *чинара* обращают на себя внимание переводы с азербайджанского С. Мамедзаде:

И чинары вроде бы
Шепчут меж берез...
Это вместе — родина,
Милая до слез.

А. Талышоглу.
За нами — Москва

Мы породнились
страной и судьбой,
Слышали стоны чинар и берез.

Ф. Годжа.
Земное притяжение

Тюркское слово *чинара* в приведенных контекстах сопоставляется с русским *береза*: объемы их культурной информации близки. Смысловой акцент падает на эстетически значимую пару: *чинара* — *береза*. Такое совместное употребление иноязычного слова *чинара* и русского *береза* можно рассматривать как особый пере-

водческий прием образно-синонимического единства, в котором русское слово выступает как эквивалент символа.

В образном значении слов *чинара-береза* проявляется отношение народов к окружающей их природе. Активное контактирование с природой необходимо человеку и для физического существования, и для развития духовных сил; оно питает и традиционную национальную культуру. В этих словах совпадают, сливаются два начала, два символа, которые ассоциируются в представлении разных народов с самым дорогим — родиной.

Во многих случаях национальная символика может быть общей, особенно у носителей близкородственных языков. Это подтверждается наблюдением над русскими поэтическими переводами с туркменского и азербайджанского языков.

Давай шагать
и головы держать
так высоко,
как древние чинары.

А. Акмамедов.
Давай исполним песню о любви.
Пер. с туркм. В. Шленского

Не случайно поэт в качестве объекта сравнения использует слово *чинара*. Это свидетельствует о связях самого образа с национальной поэтической традицией, истоки которой коренятся в поэтике древних восточных легенд и мифов.

Сравнение человека с чинарой в азербайджанском и туркменском языках всегда содержит положительный экспрессивно-стилистический оттенок, связанный с выражением патриотических чувств: еще в героическом эпосе Гер-оглы, в азербайджанской и туркменской классической поэзии чинара одушевляется и надеется такими качествами, как стойкость, гордость, отвага.

Хочу тебя видеть
чинаром могучим
и стойким.
И если ты
вправду такой —
я в полдень
дождями набухшею
тучей,
от зноя укрыв,
опущусь над тобой.

А. Омарова.
«А если...»
Пер. с туркм. Ю. Рябикина

Такое же сравнение мы наблюдаем и в стихотворении Н. Гянджали «Сыну мать говорила».

Хоть прекрасна чинара,
                   в каждой веточке — сила,
 И хотя не сгибалась она никогда,
 Сыну мать говорила,
                   сыну мать говорила:
 «На макушке и птицы не ладят гнезда!»
 .....
 А чинара стояла, как воин средь боя:
 Ливень ветки ломает и ветер жесток.

Таким образом, художественный перевод дает представление читателю о таких особенностях национального слова, которые шире его прямого значения и которые рождены поэтическими традициями национальной культуры.

И, может быть, его мечта
 Над Красной площадью —
 Как голубь ...
 А, может, вспомнились места,
 Где мать не спит,
 Ей не до сна,
 Устала сына ждать она,
 За домом у чинары голой.

А. Туде.
 Мавзолей.

Пер. с азерб. В. Зайцева

Слово *чинара* в стихотворении А. Туде приобретает особый смысл, особую экспрессию, связанную с общим идейно-эстетическим содержанием произведения. За «чинарой голой» видится национальный поэтический образ многострадальной Родины и скорбящей матери, ждущей сына-солдата.

Как видим, решение проблемы художественного перевода с иного национального языка на русский не может быть сведено к лингвистическому анализу какой-либо отдельной формальной особенности: образного использования иноязычной лексики, грамматической формы, синтаксической конструкции. Это проблема комплексная, требующая сравнительно-сопоставительного изучения языков, характера соотношения их стилистических средств. Важную функцию при этом выполняет национальное слово, которое при умелом использовании в поэтическом переводе играет роль особого художественного средства, позволяющего с максимальной точностью передать содержание подлинника, особенности национальной культуры и художественных традиций.

А. П. АМАНДУРДЫЕВ

Челобитные Владимирского края обращают на себя внимание как весьма распространенный и самостоятельный жанр деловой письменности XVII века.

Писались они, как правило, со слов просителя, жалобщика, поэтому прекрасно сохранили разговорно-бытовую лексику своего времени. В этом прежде всего состоит лингвистическая ценность челобитных.

Из общей массы документов XVII века, принадлежащих монастырским хозяйствам Владимирского края, можно выделить челобитные-просьбы. Композиция их проста: начинаются они, как правило, обращением к лицу, от которого зависит выполнение той или иной просьбы. Например: «Великие росские державы Московского государства бояром и воеводам»; «била челом великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу суздальские приказные избы подячего Иванова жена Ляпина Лукеря в Суздале в приказной избе перед столником и воеводою перед Козмою Аврамовичем Лолухиным в словесном челобите говорила». Или: «Государю преосвященному Ионе митрополиту ростовскому и ярославскому»; «Государыне игумене Евпракsee келарю (старшая монахиня) княгине Александре». При этом обязательно указывается лицо или

группа лиц, «бьющих челом»: *бьет челом холоп; бьет челом сирота твои суздалец посадский, бьет челом сирота твоя государева володимерской охотничийско, бьет челом бедная беспомощная вдова, бьют челом сироты твои муромские земские старосты и все муромцы посадские люди, бьют челом из Володимера Рождественского монастыря богомольцы твои, бьют челом сироты твои государевы портные казенные мастершка и т. д.*

Традиционно для челобитных употребление уменьшительно-уничижительных форм имен существительных, обозначающих занятие или социальное положение просителя: *подъячишко, церковной дьячек, старостишко, целовальничийско, крестьянца, монастырские конюшыйшко*. Имена собственные употребляются только в уменьшительно-пренебрежительной форме: Васька, Демитко, Ерощка, Ивашко, Клишко, Ларька, Микитка, Мишка, Оська, Семка, Сидорко, Степка, Якушка.

Причины появления данной челобитной описываются, как правило, подробно, а в заключение очень лаконично формулируется просьба.

Напомним читателю, что в XVII веке деловые монастырские бумаги писались скорописью. Каллиграфическое скорописное письмо было очень красивым. Одна из особенностей этого письма — написание слов (для скорости) с пропуском гласных: *црю* — царю, *гсдрю* — государю, *мнстря* — монастыря, *кнзю* — князю и т. д. Некоторые согласные выносились из строки и писались над словом, а чтобы показать, что слово сокращено, писец ставил над ним надстрочный знак — «титло».

В приводимых челобитных читатель встретит довольно много сокращенных слов, но все они читаются достаточно легко. Трудные для прочтения слова мы раскрываем в круглых скобках, как например: *двча* (девичьего).

В круглых скобках цифрами указываются и даты, которые в текстах XVII века передавались еще и буквами, означавшими годы «от сотворения мира» (заметим, что в наших челобитных везде опущена буква, передающая число 7000, что связано, очевидно, с той же причиной — для быстроты письма).

Приведем для примера челобитную-просьбу из Покровского девичьего монастыря, что в Суздале: «Царю гсдрю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси бьют челом сироты твои гсдрвы Покровского двча (девичьего) мнстря мнстрьские конюшыйшко Мишка Онтипьев Клишко Филипьев Якушка Осипов сын Галкин Сенька Кузьмин Ларька Степанов Оська Фатеев в прошлом гедрь в РНИ (1650) году шло нам сиротам твоего гсдрва жалования мнстрьского месячного хлеба на месяц по осмине ржи а ныншесей гедрь на РНО (1651) год нам сиротам твоего гсдрва жало-

ваня месячного хлеба не дано млердый гедрь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии пожалуи нас сирот своих вели гедрь нам сиротам дать мистрьского месячного хлеба ржанова против прежнего РНИ (1650) году на месяц по осмине чем бы нам сиротам сытым быть царь гедрь смилуися пожалуи».

Одна из особенностей скорописи XVII века — отсутствие строчных знаков (точки, запятой). В XVII веке запятая как знак смысловой паузы, перечисления могла употребляться лишь писцами хорошей выучки, поэтому встречается еще крайне редко. То же самое можно сказать и о точке в конце строки.

Употребление строчных знаков (точки, запятой или их сочетаний) в современном значении как системы знаков прерывания начинает складываться лишь в XVIII веке.

В скорописи XVII века отсутствует буква *и* краткое и не только на конце слов: *в приказной избе, царьской суд, пожалуи*, но и в середине — *смилуися*. Как правило, эта буква была выписной и писалась над строкой.

От челобитных-просьб отличаются челобитные-жалобы, в которых обязательно указывается конкретное лицо (или группа лиц), ставшее причиной данной жалобы. В самой же челобитной словом *жалоба* как бы акцентируется внимание адресата именно на данном документе, его важности и подчеркивается необходимость разобраться в изложенном:

«Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии бьет челом сирота твои государев Покровского девча монастыря вотчины села Обакумлева церковной дячек Епифанько Яковлев жалоба государь мне того ж села Обакумлева на священника Гаврила Петрова сына...»;

«Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьет челом сирота твои Покровского девча монастыря вотчины села Вышеславского деревни Чернец крестьянинец Васька Ерофеев жалоба государь мне тое ж деревни Чернец на крестьянина на Степана Родионова...»;

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси бьет челом холоп твои государев володимерской розсылщик Семка Суботин жалоба гедрь мне на володимерца на посацькова человека на Первова Федорова сына Бобрилова...»

Характерной особенностью разговорной речи было повторение предлогов, что и придавало ей своеобразную невучесть. И поскольку писцы фиксировали жалобу просителя так, как она проговаривалась, не внося поправок при ее записи, в приводимых челобитных это явление языка отражено довольно последовательно: *на крестьянина на Степана жалоба, на володимерца на посаць-*

кова человека на Переева Федорова сына, в вотчине в селе Хрипилове, перед столником и воеводою перед Козмою Аврамовичем Лопухиным и т. д.

Довольно часто кто-либо из местных должностных лиц (поп, дяк, целовальник) «визировал» челобитную своею рукою, как, например, челобитную-жалобу крестьян села Ярлыкова:

«Гедрне игумене Ираиде и гедрне келарю (старшая монахиня) старице Драсиде и всему собору бьют челом сироты ваши мистрские ваши вотчины села Ярлыкова старостишко Тимошка Лукьянов целовалничшко Фетька Федоров крестьянца Сенька Васильев Ивашко Емелянов Любимко Сысуев Терешка Дементьев Митька Федотов Якушкка Иванов Митька Ильин Елфутка Семенов Ивашко Никифоров и все крестьянца села Ярлыкова и дрвнь (деревень)...

К сей мирской челобитной села Ярлыкова архапгискай поп Михайло вместо старосты да целованника и всех кресян по их велению руку приложил».

Свидетельством того, что челобитные являлись официальными деловыми документами, служат своего рода «резюлюции» (указы), которые обычно писались на оборотной стороне листа: «Гедрне игумене Марфе и гедрне келарю старице Александре и всему собору бьют челом сирота ваш мистрской вашей вотчины Талецкой волости Михевского приказу дрвни (деревни) Лущков крестьянин Корлошка Васильев в нынешнем гедрни в СС (1698) году платил я сирота в карабельное строение полтинные денги за три года збор и в том платеже взята была у меня сироты в дву рублях в тридцать в одном алгыне росписка и та росписка у меня сироты утерялась а без той росписки мне сироте ныне в том платеже отписи выборной целовалник Максим Горбунов не дает умилюститесья гедрни игумени Марфа и гедрни келарь старица Александра и весь собор пожалуйте меня сироту своего велите гедрни в том платеже в полтинных деньгах дать отпись гедрни смилуитесья».

На оборотной стороне листа данной жалобы читаем: «СС (1698) году февраля в И (8) де (день) буде денги плачены спрашаеь с подденником дать отпись а розписка впредь где явится не верить» (т. е. другим распискам не верить).

Свидетельством того, что челобитные можно отнести к жанру деловой письменности, является наличие в них лексики деловых бумаг или определенных терминов: *росписка, кабала, отпись, отпущкая память, осмина*.

В челобитных зафиксированы и устойчивые сочетания делового письма: *руку приложить, словесное челобитье, сенные покосы, сторонние люди, продажу чинить* и т. д.

Язык челобитных очень выразительно отразил еще одну осо-

бедность народно-разговорной речи: как правило, при именах существительных говорящий обязательно употребляет оценочные слова, которые считает в данной ситуации наиболее нужными, уместными, необходимыми, наиболее экспрессивными: *бедная беспомощная вдова; неподобная скаредная брань; бездельная корысть; голодная смерть* и т. п.

Многие из таких оценочных слов стали постоянными эпитетами: *великий князь, милосердный государь, властелинский указ, государева служба, суд божии, государево жалованье, государев наказ, церковной дьячек*.

Почти все языковые особенности, о которых уже шла речь, нашли отражение в челобитной вдовы Ильиной Пелагеи:

«Царю гедрю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьет челом бедная беспомощная вдова Покровского двча мнстря служка Томилловская женишко Ильина Палагеица з детишками сама шеста в небылом гедрь во Р љ Г (1655) году по твоему гедрву указу послан был муж мой Томило от Покровского двча мнстря на твою гедрву службу и на твоеи гедрве службе муж мой Томило был до отстою и в нынешнем во Р љ Д (1656) году декабря в пятом на десят числе мужа моего Томила судом божим не стало на твоеи гедрве службе а по твоему гедрву наказу мужу моему Томилу дана пашня и сешные покосы Покровского ж двча мнстря в вотчине в селе Хришилеве и муж мой Томило тою пашнею и сешными покосы и по смертию свою владел млсрдый гедрь и великий кизь Алексеи Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец пожалуи меня беспомощную горькую вдову з детишками не вели гедрь тое пашни сешных покосов у меня и у детишек моих после мужа моего отнять чтоб мне бедной с робятишками голодною смертию не помереть и меж двор (дворами) не скитатца црь гедрь смилуися пожалуи».

Употребление в языке челобитных XVII века таких надежных форм, как *бояром, приказчиком* (м. р., мн. ч., дат. п.); *багоги, покосы* (м. р., мн. ч., тв. п.) и написаний *биют* (бьют), *дьячек* (дьяк) — свидетельство того, что язык XVII века — и разговорный и письменный — еще хранит формы слов и написания, характерные для древнейшего периода русской письменности.

Написание в челобитных XVII века слов *Володимер, володимирской, володимерьца* (житель г. Владимира) с полногласным сочетанием *-оло-* может быть свидетельством того, что в то время эти слова так и произносились. Нормой современного русского языка стало употребление этих слов с неполногласным сочетанием *-ла-*, хотя мы не употребляем как нормативные слова *младость, брег, врага*, которые в основе имеют неполногласное сочета-

ние; напротив, для современного русского языка нормативным считается употребление этих слов с полногласием в их основе: *молдость, берег, ворота*.

Для своего времени оправданно звучала пословица: «Не красна челобитная складом, красна указом». Для нас же красна челобитная именно складом, живой и яркой народной речью. Стройность и строгость композиции, выразительность зачинов и концовок челобитных позволяют рассматривать их как деловые документы XVII века, содержание которых раскрывает перед нами жизнь русского крестьянства в далеком прошлом, жизнь повседневную, трудовую и совсем не легкую. Челобитные — своеобразная летопись этой жизни, написанная без прикрас. И в этом не только их огромная лингвистическая, но и непреходящая историческая ценность.

Л. А. ВЛАДИМИРОВА,
кандидат филологических наук

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает выражение *быть в нетях?*»

Ф. И. Попова, Москва

Быть, находиться в нетях (в нетех) — устаревшее выражение, означает: «быть, находиться в отсутствии, неизвестно где». В *нетях* произошло от древнерусского слова *нѣти*, то есть не находящиеся налицо — о неявившихся на военную службу дворянах. Это выражение встречается в литературных произведениях, описывающих русский быт XVIII—XIX веков, например: «Помещиков он не любил и скоро отвадил их от себя, сказываясь в нетях» (Новиков. Пушкин в изгнании).

«Нельзя ли рассказать на страницах вашего журнала о происхождении имени *Петр?*»

П. П. Гудимов, Москва

В «Справочнике личных имен народов РСФСР» сообщается: русское имя *Петр* заимствовано из греческого *Петрос*. Однако это не греческое слово: в греческий оно пришло из сирийского, где оно звучало *Кифа*. Древние греки заимствовали это имя, переведя его на свой язык словом *Петрос*, что означает *камень*.

В русские православные «Святцы» в свое время вошли оба имени: *Петр* и *Кифа*. Но имя *Петр* сделалось популярным, а *Кифа* редкостным. В наши дни имя *Кифа* почти не встречается.

Бубенец, или *бубенчик*, — это металлический шарообразный колокольчик с дробинкой внутри. Звук, издаваемый им, используется в сигнальных, развлекательных, культовых и других целях. В древнерусском costume, например, бубенцы употреблялись в качестве украшений, выполняя роль декоративных деталей и даже пуговиц. Обнаружены бубенцы и при раскопках древнего Новгорода (встречаются во всех слоях — с X по XV век). Даже во второй половине XIX — начале XX веков они не были редкостью и служили не только украшением костюма, но и «оберегом», защитой от злых духов. С этой целью они пришивались к «поневе» — шерстяной поясной одежде типа юбки у замужних женщин.

Но наиболее широко бубенцы применялись в России при выпасе скота и в конской упряжке. Особенно популярными они были в знаменитых русских тройках. На шею лошадям надевались ошейники с бубенцами, подобранными по своему звучанию в гамму.

В настоящее время упряжные бубенцы практически вышли из употребления, однако память о них в народе сохраняется.

Трудно найти другой такой предмет русского старинного быта, который имел бы столь большое число наименований, как бубенец. У одного только В. И. Даля в «Толковом словаре живого великорусского языка» насчитывается более 30 синонимов слова *бубенец*. В их число входят и местные, областные названия, подтверждая тем самым замечание писателя В. И. Белова о том, что «жест-

кое, непререкаемое правило несвойственно русской народной лексике. В разных местах один и тот же предмет могли называть по-разному» (Василий Белов. Лад).

Слова *бубенец*, *бубенчик* Даль относит к костромскому наречию, однако в наше время они распространены на огромной территории от Ленинградской области до Урала и от Архангельской области до Белгородской, Воронежской и Саратовской.

Эти названия тесно связаны со словами *бубен*, *бубны*. Бубен — ударный музыкальный инструмент, представляющий собой деревянный обруч, обтянутый с одной стороны кожей сухой выделки (или пузырем). В древней Руси название *бубен* применялось к барабану. Русский бубен нередко снабжался колокольцами, бубенчиками, погремушками.

Музыкальное происхождение и назначение бубенца, естественно, приводит к тому, что основным признаком классификации названий этого предмета является звук. У Даля встречаем пример: «Едем, а бубенчики погремяют, все как-то весело». У И. С. Тургенева в романе «Рудин»: «И тройка поплелась неторопливой рысью, отрывисто позвякивая бубенчиками». Или у И. А. Бунина в повести «Деревня»: «Звучно гроыхали бубенчики на тройке».

Наименования бубенцов можно условно разделить на две группы в зависимости от звучания. К первой из них отнесем слова, обозначающие звон, гром, стук, ко второй — шуршание, царапание, скрежет.

Рассмотрим вначале слова первой звуковой группы. К ней относится *глухарь* — название большого бубенчика, изготовленного из меди (точнее, из медного сплава) или железа. В противоположность открытому снизу колокольчику, бубенчик-глухарь звучит глухо, отсюда, очевидно, и название. Такое название широко распространено в Центральных и Центрально-Черноземных областях, в Поволжье, на Урале. Глухари подвешивались на шею овцам, коровам, лошадям при их свободном выпасе, причем конские глухари изготавливались, обычно, крупных размеров. Глухари прикреплялись также к последним саням обоза, чтобы в непогоду не затеряться в пуги.

Писатель В. А. Солоухин в «Славянской тетради» определяет глухари как «бубенцы, не столько звенящие, сколько рокошущие или воркующие». И добавляет: «Их и называли еще воркунами».

Воркун — большой медный или железный бубенчик. Это название имело хождение преимущественно на Владимирщине и связано с глаголом *ворковать* — издавать свойственные голубю звуки. Вспомним, у П. А. Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

«Поющих колокольчиков,
Воркующих бубенчиков
Наслушаешься власть».

Воркун использовался и в конской упряжке, под дугой: «Поехали с воркунами» (см. словарь В. И. Даля).

К той же группе наименований, объединенных глаголом *гремять* и родственным ему существительным *гром*, относятся названия *гребок* (бубенчик с резким звоном), *гремяшок*, *громашок*, *громотунчик*, распространенные в Пензенской и Тамбовской губерниях. Интересно, что *гремяшка*, *погремок*, *погремяшка* обозначают как детскую игрушку, побрякушку, которая украшена бубенчиками, так и упряжный бубенчик. Упомянутая игрушка была в старину принадлежностью шута. Шутовское платье царского скomorоха украшалось множеством бубенцов. Второе значение *погремяшки* — упряжный бубенчик — сохранилось преимущественно в Кировской области.

Гормотун, *гормотунчик*, *гормотуха*, *гормотушка* использовались в Нижегородской (ныне Горьковская обл.) и Пензенской губерниях для обозначения большого бубенчика. «Акающие» жители Тамбовской и Нижегородской губерний употребляли слова *гармотун*, *гарматун*, *гармотунчик*, *гармотушка* (ср. *гармотать* — гремять, брехать громко и длительно).

Позвон, *позвонец* (ср. *позванивать* — звепеть время от времени) — так называли жители Новгородской губернии колокольчик, или бубенчик, который использовали при выпасе скота в лесу. Даль объясняет *позвонок* как колокольчик, но в наши дни *позвонками* в Новгородской области называются бубенчики. Название *позвонки* перешло из Новгородской губернии на Север. Это неудивительно, если вспомнить, какую важную роль сыграли новгородцы в освоении северных земель. *Позвонушка* в той же Новгородской области — детская игрушка, погремушка. Что касается Нижегородской губернии, то там для обозначения железных бубенцов употреблялось слово *прозвонки*.

Отметим еще название *бұхарь*, связанное с глаголом *бұхарь* — производить глухой звук, с силой и шумом ударять, бросать, падать.

Жежболок в Калужской области — большой железный бубенец. Однако родственных слов обнаружить не удалось, если не считать близкого по звучанию слова *жижолка*, которое отмечено у фольклориста-этнографа прошлого века П. В. Шейна как тульское в значении «веревка».

Ко второй группе звуков отнесем наименование *шаркун* (*ширкун*), которое по широте распространения соперничает со словом *бубенец*, совпадая с ним, в сущности, по значению.

Слова *шаркун*, *шаркунец*, *шаркѹ* связаны с глаголом *шаркать* — производить шорох при ходьбе, шаркать ногами, а также с диалектным глаголом *шаркотать*, который отмечен в словаре В. И. Даля со значением «шерошить, стучать, брэнчать». Эти слова служат для обозначения бубенчиков на территории от Минской, Новгородской и Вологодской областей до Кировской области и Урала. На Севере (в Архангельской области) *шаркунами* называют крупные железные бубенцы, которые раньше привязывались к оглоблям одноконной повозки.

Слова *ширкун*, *ширкунец*, *ширкунок*, *ширкунчик*, связанные с глаголом *ширкать*, *ширкнуть* — скрести, царапать и т. п. (по Далю), означают «большой упряжный бубенчик»: «Поехали наши с ширкунцами», — и имеют хождение восточнее Москвы, включая Сибирь. В наше время они наиболее распространены в Кировской области.

Менее распространены наименования *шуркунец* (в старой Москве), *шаркунец* (в Костромской области), *шоркунец* (в Западной Сибири).

Ко второй звуковой группе названий следует отнести *шкворкѹ*, *шумѹлы*. *Шкворки* — это бубенцы в Новгородской области, а у Даля отмечен *шкварок*, слово в Псковской губернии, по соседству с Новгородчиной, означает «сверчок». В Белоруссии (Витебская область) по сей день для обозначения бубенцов употребляется название *шумѹлы*. Этимология этого слова не совсем ясна. Можно только указать на близкое по смыслу *шумотить* — шаркать, глухо шуметь, тем более что Даль относит этот глагол к говорам Смоленской и Псковской губерний, соседствующих с Витебской.

На территории бывшей Тамбовской губернии бытовали названия *болкун*, *болхърь*, *болхунец*, означавшие большой бубенчик, величиной с кулак (Даль приводит пример: «Тройка с болхарями несется».) Очевидна их связь с диалектными словами *болкать*, *болкнуть*, то есть болтать, говорить без умолку, и *болтаться* — непрерывно качаться, что и происходит с бубенцами при движении.

А *балабончик* получил свое название по характерному, непрерывному и однообразному, позвякиванию во время движения повозки. Даль указывает, что *балабончик* заимствовано от татарского слова *балаболка* — болтающиеся висюльки, подвески и другие подобные украшения. Однако *балабончик* с равным основанием можно связать и с древним *балабонить* — звонить, брэнчать. Если *балабончик* — бубенчик, то *балабон* в Пензенской губернии — колокол, который подвязывался обычно на шею лошади при выпасе животных в почное время.

Наряду с упряжными бубенцами в старину широко употреблялись поддужные колокольчики. Представляя собой уменьшен-

ную копию большого колокола, поддужный колокольчик имел открытый снизу раструб и снабжался языком-ударником. Поэтому при быстрой езде тройки колокольчики, которые подвешивались под дугой в количестве от одного до трех, издавали весьма сильный звон, слышимый за несколько верст. Тем самым почтовая станция оповещалась о необходимости подготовить смену лошадей, а встречные экипажи — об обязанности уступить дорогу почтовой или курьерской тройке. Конечно, мастера, изготовлявшие колокольчики, стремились придать им приятный звук, по все же основной их функцией было давать сигнал.

Однако частные тройки также оснащались поддужными колокольчиками, которые своим звоном нередко вносили сумятицу в работу почтовой службы. Поэтому в XIX веке время от времени появлялись запреты на использование колокольчиков частными лицами. Эти запреты, по-видимому, и явились основным толчком к массовому распространению упряжных бубенчиков. Устройство бубенца в виде полого шара с небольшими отверстиями и разрезами, внутри которого перекатывалась маленькая дробина, не позволяло извлекать сильный звук. Поэтому на такие бубенчики запреты не распространялись и их можно было подвешивать на каждую лошадь упряжки в неограниченном количестве.

Возникла и мысль подбирать бубенчики по размеру, а следовательно, по тону, в созвучные группы. В этом выражалось стремление народа к красоте звучания музыкальных аккордов. Для подвески группы бубенчиков наиболее удобными оказались широкие ремни, надевавшиеся на шеи лошадей. В оформлении этих ошейников также отразились художественные устремления народа. Кожаные ошейники украшались различными металлическими деталями, носившими такие названия, как *пуколь*, *накрыжник*, *бляха*, *планка*.

Разнообразие названий ошейников, как и бубенчиков, косвенно свидетельствует о широком распространении этих предметов в России.

Рассмотрим некоторые из этих названий. *Ошейник* — более всего было распространено в центральных губерниях России и на Урале. К востоку от Москвы ошейник, или повязку под бубенцы, называли *арканом*. Известны и такие наименования, как *ожерелье*, *ожерелок*, *подгарок*, *подгарник*. *Ожерелок*, *ожерельник* — от *жерло*, *горло* — «всякого рода ошейник, повязка вокруг шеи» (в Астраханской губернии так назывался ошейник на скотину, собаку, а в Нижегородской — монисто, ожерелье для женщины). *Ожерелок* встречается и в значении мехового воротника. В интересующем нас значении, то есть ошейник под упряжные бубенцы, *ожерелье* и *ожерелок* были распространены в губерниях Северо-

Запада (Новгородской, Петербургской, Псковской) и Севера (Вологодской, Архангельской), а также Владимирской и Вятской.

Не совсем понятно происхождение слов *подгарок* и *подгарник*. В шорном деле *подгарок* имеет значение «ремень с кисточкой на шею лошади», *подгарник* — часть узды, состоящая из двух ремней, нижние концы которых соединены между собой (другие названия: *подвеска*, *перевес*). В значении ошейника для подвески бубенцов слово *подгарок* имело хождение примерно в тех же районах, что и *ожерелье*. Иногда в этом же значении применялось слово *шлейка*, хотя *шлейка* — это широкий ошейник, заменяющий хомут, ляпка в шорковой (т. е. бесхомутовой) упряжи (не следует путать *шлейку* с основным значением слова *шлея*, то есть с широким ремнем, охватывающим все тело лошади).

В течение многих десятилетий с конца XVIII до начала XX веков русская тройка занимала важное место в жизни России. Тройка лошадей служила для перевозки как почты, так и пассажиров. А когда в середине XIX века появились железные дороги, вытеснившие гужевой транспорт с главных магистралей страны, тройка еще долгое время служила людям — на праздниках, свадьбах («свадебный поезд»), народных гуляньях. Наиболее популярными были катания на тройках на масленицу. Русская тройка — любимца народа, ей не было аналогов в других странах. Народ вкладывал свою душу, творческую выдумку в ее праздничное оформление. Талантливые мастера придавали упряжи красочный внешний вид, создавали из колокольчиков и бубенчиков музыкальные ансамбли, получившие название «ямской гармонии». Одним словом, тройка радовала как взор, так и слух человека.

Возрожденные ныне тройки, троечные катания на выставках и ярмарках есть не что иное, как отголосок старинного народного обычая. Все более популярными становятся катания на тройках под звон бубенцов на проводах русской зимы и других народных праздниках. Несудивителен поэтому и интерес к полузабытым наименованиям русских упряжных бубенцов и тем основным функциям, которые они выполняли в жизни русского народа.

А. К. ГАНУЛИЧ

Калина жаркая

В народной песне, которая исследователями фольклора справедливо признается главным видом народного творчества, калина — наиболее распространенный символ любви. Этот символ широко используется в поэтике народного песенного творчества восточных славян — русских, украинцев и белорусов. Особенность его — широта и многозначность. Калина — это «символ женственности в обширном смысле. Вся духовная жизнь женщины — ее девичество, невинность, любовь, замужняя жизнь, радости, горести, родственные чувства — всё находит себе приложения в калине. Калина представляется слышащей, видящей, думающей и говорящей» (Костомаров Н. И. Историческое значение южнорусского народного песенного творчества).

Белоснежные соцветья калины, алый цвет ягод, их горький вкус отождествлялись с нежностью юной любви, с жарким пламенем страсти, с горечью неразделенного чувства и горькой долей замужества.

Словосочетания *красная калина* и *красная девица* не случайно объединяются общим эпитетом: «Возникновение у прилагательного *красный* нецветового, оценочного значения связывают с тем,

что, по мнению этнографов и психофизиологов, этот цвет вызывает у человека положительные эмоции и потому для большинства народов он является самым красивым» (Хроленко А. Т. Лексика русской народной поэзии).

Образ «говорящей» калины использован в украинской свадебной песне:

По-під лугом стежечка;
Туди їхав молодий Івасько,
Із-под бока шабельку витягає,
Да па тою калиноньку заміряє.
Стала к йому калинонька промовляти:
Ой, стой, Іванко, не рубай!
Не для тебе ся калинонька сажена,
За-для тебе Марусенька зряжена!

Белизна цветов калины также один из признаков, породивших образную символику этого кустарника: ведь эпитет *белый* — одна из характеристик красивой девушки; в известной хороводной песне поется:

Во саду ли, в огороде девушка гуляла;
Она ростом невеличка, бела, круглоличка.

Интересно, что словосочетание *белые подруженьки* используется как синоним словосочетания *красные девушки*:

Вы сажайте красных девушек,
Угощайте моих белых подруженек.

Горький вкус калиновых ягод — третий признак, положенный в основу многозначного образа-символа *калина*, одно из значений которого — «печаль неразделенной любви; горькая доля девушки, женщины».

...Рано утром в день свадьбы закручинилась невеста, плачет, просит отца с матерью не отдавать ее в дом к чужим людям, просит пожалеть ее, горемычную. В песнях-причитаниях невеста называет себя *горькой*:

Я-то, горькая, встала-то я ранехонько,
Умывалася горячими слезьми,
Утиралася своей русой косой.

В другой песне горькость калины сравнивается с разлукой:

Какова горька калина —
Таково расставаньце с милым.

Образ цветущей калины символизирует юную, чистую любовь девушки. Он использован в поэтике С. Есенина:

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,

Січена калина, січена.
Наша Марьічка вінчає.

Отметим важную особенность использования символа *калина* в народной лирической песне: как правило, этот символ встречается в зачище, вступлении:

Ой, на горе калина,
Под горою, мой любименький, малина.
Тут девушки гуляли,
Тут девушки, мой миленький, гуляли...

Образ калины, украсившей два луга, сопоставляется с образом девушки, пригожесть, трудолюбие и добрый нрав которой украсили и отчий дом, и дом своего мужа:

Прекрасное наше дерево калина!
Скрасила калинушка два луга,
Два луга, третью зелену дубраву.
Прекрасная наша Гапуля!
Скрасила Гапуля два дома.

Такой художественный прием, в основе которого лежит наглядное сравнение и речевая конкретизация, создает живописную картинку. Прекрасный человек предстает здесь в единении с окружающей его родной природой. Редко в какой из народных песен герой воспевается в отрыве от родных нив и лесов, полей и рек.

Но символ *калина* встречается и в прямом употреблении, называя девушку, женщину (часто в обращении):

Червоная калинонька білее деревце,
Чом до мене не говориш, моє любе серце?

Или:

Да калинка паша Машенька!

В обращении дочери к матери:

Ой, мати моя, калиновий цвіт!

Слово-символ *калина* (часто в уменьшительно-ласкательных формах *калинка*, *калиница*, *калинушка*, *калинонька*) определяется эпитетами *красная*, *червоная*, *жаркая*, *горькая*, *зеленая*.

Наиболее образно и экспрессивно цвет спелых калиновых ягод передает эпитет *жаркая*. В основе его лежит сравнение алого цвета ягод калины с пламенем, огнем:

Загоралась жаркая калина,
Закипала в колодезе вода:
Заболело у молодца сердце.
Знал бы, знал бы молодец, не женился,
Не завязывал бы буйную голову!

Девушка, ломающая калиновые ветки с алыми ягодами, хочет быть такой же прекрасной, как жаркая калина:

Калиноньку ламала,
У пучочки вязала,
До личенька рівняла:
Ой, коли б я такая,
Як калина жаркая!

Эпитет *жаркая* означает «огненная; красная, алая». Образован он от существительного *жар*, которое, кстати, в некоторых русских говорах называет красный, алый цвет:

На бахромке жар, жар.
Офицерик уезжает,
А мне его жаль, жаль.

Многие пародные лирические песни, которым свойственно образное отражение мира, имеют такой зачин:

Я калинушку ломала, в пучочки вязала,
Я в пучочки вязала, в дорожку бросала...

Или:

Ой на гори калина,
Там дивчина ходила,
Калиноньку ломала,
На козака кидала.

Сломанные калиновые ветки с ягодами — вещественный знак, символ любви. Бросать ими в молодца или на дорогу, по которой он должен пройти, — значит объяснить ему в любви.

Но не только в этом смысл такого действия. Калине придает магическая сила приворотного средства.

Пучок калины, брошенный девушкой на дорогу, должен приворожить добра молодца, заставить ответить на любовь красной девицы:

Белолица, круглолица, красная девица
При долинушке гуляла, калину ломала,
Я калинушку ломала, в пучочки вязала,
Я в пучочечки вязала, в дорожку бросала.
Я в дороженьку бросала, друга возвращала:
Воротись, моя надежа, воротися, сердце!
Не воротисься, надежа, — хотя оглянися!

Калина очень часто объединяется с другим символическим словом — *малина*:

В нас на горке калина, любо калина!
Под горою малина.

Или:

Калинушка с малинушкой
Лазоревый цвет!

Одна из причин такой тесной связи слов *калина* — *малина*, *калинка* — *малинка*, *калинушка* — *малинушка* — рифмованная форма, что особенно важно в припевах песни:

Бог помощь, девица,
Тебе белье мыти,
Ой ты, калина, ой ты, малина,

Тебе белье мыти,
Шибко колотити.

Для народной поэтики вообще характерно объединение тематически близких или синонимичных слов с помощью рифмы: *травушка-муравушка, ельничек-березничек, печки-лавочки, старушеньки-говорушеньки, лисичка-сестричка, куница-лисица, шубки-юбки, чулочки-чеботочки*.

Сходны места произрастания калиновых и малиновых кустарников — влажные берега рек, ручьев, родников. Но главная причина прочной и последовательной связи слов *калина* и *малина* — близость их символического содержания. Так, ходить в лес и по калину, и по малину одинаково значит искать встречи с любимым, выбирать суженого:

Пошли девушки в лес по ягодки,
В лес по малину, в лес по калину...
Одна девушка не набралася:
С молодым девка застоялася.

Синонимичные символы *калина* и *малина* нередко противопоставляются, что связано с резким различием вкуса ягод этих растений. Сравните поговорку: «С малинника лыки не велики, да ягоды сладки, а с калинника лык надерешь, да ягод в рот не возьмешь».

Если в народных песнях *калина* *горькая*, то *малина* часто имеет при себе эпитет *сладкая*:

На тебе, долинушка, ничего не родилось,
Ни гриба, ни ягодки, ни черной смородинки,
Ни горькой калинушки, ни сладкой малинушки.

Прочная, устойчивая связь символов *калина* и *малина* привела к тому, что эта «пара существительных... трансформируется в атрибутивное словосочетание *калина малиновая*:

Стой, калинушка, не шатайся,
Ай, стой, малинова, не осынайся...
На калине соловейка сидит,
Горьку ягоду калину клюет,
Он малиновой закусывает.

(Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни).

В народной поэтике широко представлен символ *ходить по калинову мосту*, означающий «искать встречи с любимым (любимой)». В этом случае определение *калиновый* передает свое символическое значение существительному *мост*. Гонит девица овечку через речку по калинову мосточку и встречает молодого казака:

Погошо овечку
За быструю речку,
За калинов частый мостик.
Навстречу младеньке
Донской младой казак;
Вперед забегает,
Глазом зазирает.

...Присушила красавица добра молодца, нет сил выдержать
разлуки с цеаглядной:

Прищипало мои ножки резвые
Ко мосту да ко калиновому...

В народной песне прилагательное *калиновый* встречается также в сочетании *калиновая стрела* (*стрелка, стрелочка*):

А подайте-тко тугой лук
Разрывчатый,
Поскорее нову стрелочку калиновую.

В русских волшебных сказках встречается такой мотив: чтобы найти невесту, герой стреляет из лука, и там, где упадет стрела, он обнаруживает свою суженую. Этот сказочный образ используется и в русской народной песне. Но здесь стрела обязательно должна быть сделана из калины. Именно калина порождает символику стрелы, передает ей свою магическую силу:

Он калинушку, мил, заламывает;
Каленую стрелу, мил, заряживает;
Каленой стреле, мил, наказывает:
Ты лети-ка, лети, ты, каленая стрела,
Выше леса по поднёбесью лети!
Упади-тка ко вдовушке в новый дом!
У вдовушки еся дочка хороша —
Лимпиада Алексевна душа!

И если в народных песнях калина выступает как поэтический образ, то в некоторых свадебных обрядах она предметно утверждает свою символическую сущность. Один из актов старинной украинской свадьбы — «девич вечер», который устраивался накануне венчания. Участница этого вечера — калиновая ветвь в цвету (если свадьба весной) или в спелых ягодах (если свадьба осенью).

Калина — принадлежность русского предсвадебного обряда — девичника, на котором невеста прощалась с «девьею красотой» — символом девичества. Подруги расплетали косу невесты, расчесывали ее и последний раз заплетали венком. В некоторых местах такой венок свивали из калины.

В научной литературе в качестве названия калины используется термин *калина обыкновенная*. Но отнюдь не обыкновенным предстает этот скромный кустарник в народно-поэтическом творчестве.

- В. Н. ВАКУРОВ,
доктор филологических наук

Баррикада

В этом году наша страна отмечает восьмидесятилетие первой русской революции, ставшей предвестием крушения царизма. В ходе Декабрьского вооруженного восстания 1905 года в Москве в нашем языке приобрело особую актуальность редко употреблявшееся ранее слово *баррикада*.

Слово *баррикада* французского происхождения. Оно образовано от *barrique* (так назывались бочки емкостью от 136 до 400 л.).

Баррикада впервые зафиксировано в текстах, относящихся к XVI веку. Первоначально оно использовалось как синоним слова *бочка*. Об этом свидетельствует описание характерных для франко-итальянских войн середины XVI века фортификационных сооружений, приводимое в «Анalogии» выдающегося французского медика эпохи Возрождения Амбруаза Паре (ок. 1509—1590): «Несколько дальше находилось помещение для караула, укрепленное тележками., бочками и бочонками, а также баррикадами, наполненными землей».

Видимо, в это же время *баррикадами* стали называть и сооружения из бочек укрепления. Так, в мемуарах маршала Блеза де Монлюка (1512—1577), интересном памятнике французской прозы эпохи гражданских войн, читаем: «...меня ранило в лицо выстрелом из аркебуза. Выстрел был произведен из-за баррикады, сооруженной рядом с башней. Я думаю, что там находилось не более

четырёх стрелков, так как часть баррикады была сброшена вниз выстрелами двух наших пушек». В конце XVI века во французском языке появляется и устойчивое выражение *день баррикад*. Его возникновение связано с событиями 12 мая 1588 года в Париже, когда недовольство населения королем Генрихом III привело к сооружению на улицах города баррикад. Они препятствовали продвижению королевских войск, направленных против претендовавшего на трон Генриха Гиза.

В XVII веке слово *баррикада* заносится во «Всеобщий словарь» А. Фюретьера и в «Словарь Французской Академии». В последнем приводится следующее определение слова: «Оборонительное сооружение, которое устраивают из наполненных землей бочек или же из свай, цепей, булыжников и т. д. для защиты от неприятеля». Все перечисленные здесь подручные материалы широко использовались защитниками баррикад и двумя столетиями позже, в революционные дни 1830 и 1848 годов. В дни Парижской Коммуны, в 1871 году, патриоты вновь обратились к тактике баррикадных боев. Была создана специальная *Баррикадная комиссия*.

В русском языке слово *баррикада* впервые отмечается в XVIII веке. По мнению современных исследователей (см. напр. «Этимологический словарь русского языка» под ред. Н. М. Шанского. М., 1965, т. I), впервые оно встречается в книге С. Вобана «Истинный способ укрепления городов» (СПб., 1724). В «Новом словотолкователе» Н. Яновского (СПб., 1803, ч. I) приводится следующее определение этого слова: «Рогатки, которые ставятся в проходах и проломах для удержания нападающей пехоты и конницы, также и укрепления около Вагенбургов (т. е. тяжелых обозов.— *К. Ч.*)». Как видим, связь слова *баррикада* с бочкой, столь очевидная для французских лексикографов, была в значительной мере утрачена при заимствовании слова русским языком.

Русские писатели XIX века используют это слово редко; как правило, оно ассоциируется для них с событиями из жизни Франции. Так, у Герцена в «Былом и думах» мы встречаем взволнованный рассказ о революционных днях 1848 года: «На одну баррикаду... взшел молодой политехник, водрузил знамя и запел тихим, печальным голосом „Марсельезу“; все работавшие заняли, и хор этой великой песни, раздававшийся из-за камней баррикад, захватывал душу...». А Тургенев в романе «Рудин» воссоздает заключительный этап этого восстания: «В знойный полдень 26 июня 1848 года, в Париже, когда уже восстание „национальных мастеров“ было почти подавлено, в одном из тесных переулков предместья св. Антония батальон линейного войска брал баррикаду». Герой Тургенева оказывается в числе последних, наиболее стойких защитников баррикад.

В 1905 году первые баррикады вырастают вначале на улицах Петербурга (после Кровавого воскресенья 9 января), а начиная с осени и в Москве. Рабочие Петербурга воздвигали баррикады на Васильевском острове, на Невском проспекте и в других районах города. В. И. Ленин в статье «Битвы на баррикадах», написанной по горячим следам Кровавого воскресенья, цитирует правительственное сообщение: «Толпа воздвигала баррикады с проволочными заграждениями, с красными флагами...» (Полн. собр. соч., т. 9, с. 228). В другой работе, озаглавленной «„Царь-батюшка“ и баррикады» В. И. Ленин пишет: «„Царь-батюшка“ своей кровавой расправой с безоружными рабочими сам толкнул их на баррикады и дал им первые уроки борьбы на баррикадах» (Полн. собр. соч., т. 9, с. 218).

В октябре 1905 года в Москве были зафиксированы отдельные случаи строительства баррикад, а два месяца спустя постройка баррикад становится массовой. Вечером 9 декабря баррикады вырастают на углу Тверской (ныне улица Горького) и Садовой улиц, а затем и во многих других районах города. Вот что писал один из организаторов восстания, профессиональный революционер М. И. Лядов: «На Садовой-Куретной, на Самотеке, на Сухаревке, на Бронной, на Малой Дмитровке, на Лесной, в Миусах, по Долгоруковской... всюду я видел лихорадочную веселую работу: снимали ворота, тащили сапи, доски, тес, тащили лари, кое-где даже лепили из снега». Одна из самых мощных баррикад была возведена на Нижне-Прудовой улице, которая получила впоследствии, в память об этих героических боях, название Дружинниковской. Старый способ сооружения баррикад из бочек был вновь применен, в частности, в Лефортове: «Бочки эти были наполнены и облиты водой и, замерзнув, образовали ледяную гору» (Петухов И. П. За общее пролетарское дело.— На баррикадах Москвы. Сборник воспоминаний, документов и материалов).

Естественно, что слово *баррикада* часто встречается у авторов, посвятивших свои произведения декабрьским событиям 1905 года. Так, пролетарский поэт Е. Тарасов писал в стихотворении «Око за око»:

Ночью снова баррикадами
Город обовьем.
Утром свежими отрядами
Новый бой начнем.

В рассказе А. Серафимовича «На Пресне» читаем следующие строки: «С пением, со смехом, с шутками валили столбы, тащили ворота... и баррикада вырастала в несколько минут, вся опутанная телеграфной и телефонной проволокой».

В то же время многие авторы, рассказывая о революционных событиях, используют производное от *баррикада* прилагательное

баррикадный, обычно в составе словосочетаний: *баррикадные бои*, *баррикадная борьба*. В. И. Ленин в уже цитировавшейся нами статье «Битвы на баррикадах» употребляет и выражение *баррикадные битвы* (Полн. собр. соч., т. 9, с. 229).

В воспоминаниях участника боев в Петербурге М. Гордеева-Битнера мы встречаем еще одно производное от интересующего нас слова — *забаррикадироваться*: «Для отпора наступления казаков... рабочие забаррикадировались железом и чугуном» (На баррикадах. Воспоминания участников революции 1905—1907 годов в Петербурге). Впоследствии этот глагол стал использоваться (как с возвратной частицей, так и без нее) в значении «преграждать проход»; ср. у Шолохова в «Тихом Доне»: «Ударницы, разбившись на взводы, несли с площади сосновые толстые брусья, забаррикадировали ворота».

Баррикада употребляется в русском языке не только в значении «Заграждение, служащее защитой во время уличных боев». Слово используется и с оттенком значения — «Преграда, препятствие». Герцен в «Былом и думах» следующим образом описывает поведение В. Г. Белинского на званом вечере у князя Одоевского: «Белинский непременно бы ушел, но баррикада мебели мешала ему...». Такое употребление слова *баррикада* встречается и у писателей XX века: «...на эти слова подбежали к нему с разных сторон люди... — и тот, сидевший в автомобиле, брат, поднявшись, громадный, увеличившийся от стояния в автомобиле, увидел перед собой живую баррикаду» (Олеша. Зависть).

Наконец, интересующее нас слово вошло в состав идиоматического выражения *оказаться (быть, находиться) по разные стороны баррикад* со значением «занимать противоположные позиции». В стихотворении «Послание пролетарским поэтам» (1926) Маяковский призывает своих коллег не тратить времени на неприципиальные споры:

Давайте,
товарищи,
шагать в ногу.
Нам не надо
брюзжащего
лысого парика!
А ругаться захочется —
врагов много
по другую сторону
красных баррикад.

В наши дни слово *баррикада* продолжает ассоциироваться с борьбой эксплуатируемых и освобождающихся от угнетения народов за социальную справедливость и свободу.

Шестого июня 1985 года в газете «Известия» была помещена

заметка Ю. Коваленко «Баррикады на площади Гамбетты», где рассказывалось о столкновении рабочих шарикоподшипникового завода СКФ в городе Иври под Парижем с полицией: «Главным местом столкновения стала площадь Гамбетты... Рабочие ответили градом булыжников. Вокруг площади выросли баррикады. Женщины образовали живую цепь для передачи камней с соседних улиц».

Не случайно слово стало названием газеты никарагуанских патриотов: «100 тысяч экземпляров „Баррикады“ ежедневно рассылаются по стране» (Комсомольская правда, 5 мая, 1985).

К. А. ЧЕКАЛОВ

Так обычно называют утреннее представление, утренний спектакль (как правило, для детей): «Я обещала Маратику сводить его в цирк. Ты пойдешь с ним в ближайший выходной на утренник» (Афиногенов. Мать своих детей). Однако в художественной литературе и в устной речи *утренник* имеет и другие осмысления. Образовано это слово от прилагательного *утренний* в одном из его значений — «происходящий, выходящий, совершаемый и т. п. утром». На базе этого значения развилось многозначное слово *утренник*. Каковы же эти значения?

По объявлениям, а также сообщениям учителей, вожатых и других работников школы, *утренником* иногда называют и пред-

ставление или спектакль, начинающийся в дневное время. В таком случае это слово сближается по значению со словосочетанием *дневной спектакль*, которое фиксируется Толковым словарем под редакцией Д. Н. Ушакова в словарной статье *дневной* «происходящий или производимый в середине дня». Следует при этом отметить, что *дневной* здесь сопровождается пометой «противоп.» — *утренний и вечерний*.

В значении «вечернее представление» может иногда употребляться слово *вечер*. Но известно, что вечер в школе может начинаться, например, в 16 часов, то есть в дневное время. Таким образом, слово *вечер* может сближаться со словосочетанием *дневное представление*. Так слова *утренник* и *вечер* сближаются в обозначении дневного представления. Возникает вопрос, почему все же наряду с употреблением словосочетания *дневное представление* употребляются слова *утренник* (обычно в начале дневного времени) и *вечер* (в конце дневного времени)? Видимо, кроме указаний на время, слова *утренник* и *вечер* характеризуются соответствующим содержанием, программой, атрибутами, а также предпазначенностью: *утренник* — для детей (обычно младшего возраста), *вечер* — для детей, школьников старшего возраста.

Следует отметить, что слово *утро* могло употребляться в значении «концерт, представление и т. п. в утренние часы» (обычно с определением): *музыкальное утро, литературное утро*. В отличие от слова *утренник* здесь нет указания «обычно для детей»: «Сегодняшнее музыкальное утро в консерватории оставило во мне самое приятное впечатление» (Чайковский. Письмо Н. Ф. Мекк, 1885, 3—9 апр.); «Мы участвовали на литературном утро в Московской четвертой гимназии, в доме Пашкова» (Горбунов. Страницы из воспоминаний) — примеры взяты из 17-томного Словаря.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова для слова *утро* с пометой «перен.» дается значение «общественное развлечение, представление, зрелище в утренние часы, в первую половину дня». «Словарь русского языка» в 4-х томах данное значение сопровождает пометой «устарелое» — «концерт, представление и т. п. в утренние часы, до обеда»: «Пришли к такому решению:... устроить в пользу Медицинских курсов литературное утро» (Чехов. Письмо П. И. Куркину. 1904, 7 февр.).

Примечательным является употребление слова *утро* в романе Ф. М. Достоевского «Бесы», где точно обозначены дневные часы (с полудня до 4 часов дня): «Праздничный день по программе был разделен на две части: на литературное утро, с полудня до четырех, и потом на бал, с девяти часов во всю ночь... С самого начала в публике укрепился слух о завтраке, сейчас после литературного утра, или даже во время опого...»

Таким образом, в самом начале цепочки, в его первом звене *утро — утренний — утренник* была заложена основа рассмотренной особенности слова *утренник* — обозначения как утреннего, так и дневного представления.

Другое значение слова *утренник* — «утренний мороз до восхода солнца, бывающий весной и осенью». Вот примеры из языка художественной литературы:

Первый утренник, как ты жесток!..
Но, бесстрашно взобравшись на гору,
Одинокий прекрасный цветок
Полыхает, как в летнюю пору.

Старшинов.
Первый утренник

Из этого четверостишия ясно, что здесь речь идет об утреннем морозе осенью; на это указывают слово *первый*, а также следующие строки:

Чем-то небо меня одарит?..
Но, бестрепетно зиму встречая,
На пригорке горит и горит
Одинокий цветок иван-чая.

В значении «утренний мороз весной» слово встречается в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад»: Епиходов. Сейчас утренник, мороз в три градуса, а вишня вся в цвету.

В романе В. Смирнова «Тревожный месяц вересень» читаем: «Стало жарко, с акаций сыпались прибитые утренником вялые листья». Название романа, содержащее слово *вересень*, указывает па время заморозков — в сентябре (укр. *вересень* — сентябрь). В романе того же автора «Жду и надеюсь» встречается то же значение — «утренние морозы осенью»: «Наперекор осени и первым утренникам раздул донник фитили». Следует заметить, что оба академических словаря — 17-томный и 4-томный — значение «утренний мороз до восхода солнца весной или осенью» в слове *утренник* помещают на первое место в словарной статье. О широком употреблении слова в этом значении говорит тот факт, что 17-томный Словарь в отдельную статью выделяет уменьшительно-ласкательное образование *утренничек* с пометой «разговорное»: «По вечерам замечаю, по утренничкам выслушиваю, по зарям обсыпаю сеткой кусты...» (Тургенев. Касьян с Красивой Мечи).

При рассмотрении указанных двух значений в составе одного слова *утренник* следует отметить некоторую расплывчатость смыслового стержня (то, что происходит утром), объединяющего эти значения: *утренник* — «утреннее представление, спектакль (как правило, для детей)» может происходить в дневное время, а *утренник* — «осенние и весенние заморозки, происходящие до восхода солнца» может обозначать природное явление, происходящее

ночью. [В. Даль в своем Толковом словаре прямо пишет: «Осенний или весенний мороз, по почам»]. Таким образом, содержание слова *утренник* расширяется.

Третье значение слова *утренник* с пометой «областное» дается в Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова — «молоко утреннего удоя»: «купить на рынке утренник». В современной советской литературе встречается вариант *утрешиник*: «Савин ощутил чудный запах этого пенистого утрешиника, запах детства, услышав поутру звуки дойки, вставал и, шатаясь от ценного сна, топал к матери» (Пальман. Девять хат окнами на светлую речку).

Слово *утрошник* (*утрешиник*) фиксируется «Словарем современного русского народного говора» (М., 1969) в значении «молоко утреннего удоя». Интересно при этом отметить, что в этом словаре приводятся и антонимы *вечерник* и *вечерешник* — «молоко вечернего удоя».

Слово *утренник* во всех его значениях используется в художественной литературе, фиксируется и бережно хранится в словарях русского языка.

С. Г. КАПРАЛОВА

РУЛЬКА

Слово *рулька*, хорошо известное всем хозяйкам, продавцам мясных и гастрономических отделов и работникам общественного питания (а также любителям горохового супа), не фиксируется словарями современного русского языка. Его нет ни в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, ни в семнадцатитомном Словаре современного русского литературного языка, ни в Словаре русского языка С. И. Ожегова, ни в Грамматическом словаре русского языка А. А. Зализняка. Этот факт тем более поразителен, что слово *рулька* широко известно в устной речи и не является узкопрофессиональным термином, хотя последние все чаще и чаще проникают в словари литературного языка.

Из словарей, появившихся во второй половине XX века, существительное *рулька* представлено в Большом русско-чешском словаре под редакцией Л. Копецкого, Б. Гавранка и К. Горалка (ч. IV, 1959), где оно переводится как *přední kliška, druh hovězího masa* «передний подреберок, сорт говядины». Однако в современ-

ном языке *рулька* — нечто совсем иное. *Рулькой* называется кость с тонким неровным слоем копченого мяса, остающегося после того, как со свиного окорока срезали ветчину. Толкование же, приведенное в Большом русско-чешском словаре, взято из Словаря Даля, где в статье *говядо*, сопровождаемой схемой разделки говяжьей туши, *рулькой* называется топкая лопатка, верхняя часть передней ноги.

Как и когда появилось слово *рулька* в русском языке?

Морфологическое строение слова *рулька* предполагает исходное *руля* или *руль (женского рода). Производное с суффиксом *-к-* в таком случае было бы уменьшительным образованием от одного из этих слов. Могло быть и иначе: существительное *рулька* образовано «стяжением» словосочетания *рульная кость* (ср. *бульонка* — *бульонная кость*, *вишневка*, *перцовка* — *вишневая*, *перцовая настойка*, *плетенка* — *плетеная булка* и т. п.). Рассмотрим предложенные варианты.

Существительное *руля* было известно в русском языке XVIII—XIX веков. Оно зафиксировано в Словаре И. Нордстета (1782, т. II) со значением «цилиндрический сверток (табака)». Еще ранее, в «Уставе морском» 1720 года отмечается прилагательное *рулевой* «рулонный», а в «Торговом уставе» 1724 года читаем: «...табаку в рулях...». Итак, слово *руля* «сверток, рулон» (преимущественно о табаке) было заимствовано в Петровскую эпоху. Источник заимствования — голландский язык, где *rol* — «связка, сверток» (см.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка). Существительное отмечается в словарях XIX века: оно зафиксировано Словарем Академии Наук 1847 года и Словарем Даля в значении «сверток, связка табаку». В начале XX века значение слова *руля* расширяется, теперь это «сверток цилиндрической формы, рулон». Так, в рекламах адресной книги «Весь Петербург на 1904 год» читаем: «Линолеум (пробковые ковры) в рулях до 3 арш. шир. для настилки полов в дорожках и коврах». Позже *руля* было вытеснено словом *рулон*.

Однако переход от значения «связка табаку» к «часть говяжьей туши» представляется немотивированным. Обратимся к кулинарной литературе XVIII века.

Во второй половине XVIII века французская кухня пользовалась в России большой популярностью. Екатерининские вельможи выписывали поваров-французов. К ним на выучку поступали русские повара из крепостных. Появляется множество поваренных книг, в том числе переведенных с французского. В русский язык проникает много заимствований, относящихся к кулинарной лексике: *бланманже*, *крем*, *рагу*, *сервелат*, *фрикасе* и т. п. Не все появившиеся в это время кулинарные термины удержались в нем,

Так, исчезло слово *лабред* «соус из мясного сока и жира, образующийся при тушении мяса», а такие глаголы, как *бланшировать*, *брезировать*, *панировать*, заимствованные во второй половине XVIII века, в течение двухсот лет известные только узкому кругу поваров, лишь в последнее время (благодаря «Сайре бланшированной» и «Сухарям панировочным») делают осторожную попытку выйти за пределы узкопрофессиональной лексики.

К числу слов, заимствованных в конце XVIII века из французского языка, но не удержавшихся в русском, относится слово *руэль*. Оно отмечается в «Словаре поваренном» (1796, т. V): «Руэль. Так называется ссек, вынутый от телячьей голяшки, поперек в том месте, где толстое мясо; по вырублении представляет этот ломоть круг, отчего и название руэль оному дано. Руэль телячья». Франц. *rouelle* «кружок, ломтик» — суффиксальное производное от *roue* «колесо».

Итак, поварам было известно слово *руэль* и, что особенно важно в нашем случае, оно было женского рода («руэль телячья»). При устном заимствовании (а крепостные повара не только французской, а и русской-то грамоты чаще всего не знали) слово *руэль* легко могло видоизмениться в *руль* и дать уменьшительное *рулька*.

Каким фонетическим преобразованиям подвергается заимствованное устным путем слово, можно проиллюстрировать на примере другого кулинарного термина, появившегося в тот же период в русском языке и этимологически родственного слову *рулька*. Мы имеем в виду слово *рулет*, широко известное литературному языку.

Существительное *рулет* появилось в русском языке несколько раньше, чем слово *руэль*. Мы находим его в «Истолковании поваренных слов» в «Поваренных записках» 1779 года. Оно восходит к франц. *roulade* («мясной) рулет», суффиксальному производному от *rouler* «скатывать, свертывать». В ряде поваренных книг XVIII века это изделие называется *рол(а)ад*: «...ролад из поросенка» (Крист. Новая поваренная книга, 1775 г.); «...поросячий роллад, или крученный поросенок» (Навроцкий. Поваренная книга, 1780 г.), «...ролад (крученное) из свиных голов» (там же). Итак, *рулет* и *рол(а)ад* в последней трети XVIII века — синонимы. Чем же объяснить различия в их фонетическом облике? Возможно, что форма *ролад* проникла в русский язык не непосредственно из французского, а через польское посредство (случай нередкий для XVIII века), ср. польск. *rolada* «рулет». Однако против этого свидетельствует различие в грамматическом роде польского и русского слов. Более вероятным нам представляется факт, что *ролад* — книжное заимствование, а *рулет* — устное. Образованные люди XVIII века были билингвами и, хорошо зная французский язык и

четко ощущая словообразовательные связи и семантическую мотивировку французского прототипа, не могли так сильно исказить франц. *goulade*. Другое дело крепостная прислуга. Повара, лакеи, разносившие блюда, клубные официанты переименовывали на свой лад названия блюд. Здесь могло повлиять слово *рулетка*, известное прислуге название популярной у господ игрушки, представлявшей собой кружок, скользящий вверх и вниз по шнуру (омонимичное название азартной игры проникло в Россию позже). Ср. в «Пиковой даме» А. С. Пушкина: «По всем углам торчали фарфоровые пастушки, столовые часы работы славного Легоу, коробочки, рулетки, веера и разные дамские игрушки, изобретенные в конце минувшего столетия вместе с Монгольфьеровым шаром и Месмеровым магнетизмом».

Но возвратимся к слову *рулька*. На устный характер его возникновения косвенно указывает и тот факт, что оно не фиксируется академическими словарями XIX века, и его фиксация в Словаре Даля (ориентировка которого именно на разговорный язык в всех слоях русского общества общеизвестна) — еще одно подтверждение того же. С течением времени значение существительного *рулька* меняется. С говяжьей ноги оно было перенесено на свиную, а затем стало обозначать кость от окорока с оставшимися после обрезки ветчины слоями мяса, которые невозможно нарезать ломтями. Изменению значения слова *рулька* способствовало то, что 1) оно существовало почти исключительно в устном языке; 2) у верхней части передней ноги говяжьей туши были русские названия — ссек, тонкий край, подреберок; 3) такого специального названия у ветчинной кости не было, в продаже отдельно от окорока она как самостоятельный товар появилась поздно, когда уже мало кто покупал сразу весь окорок с костью. Новая товарная единица нуждалась в названии — так возникло слово *рулька* в современном значении.

Н. С. АРАПОВА,
кандидат филологических наук

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как склоняется слово *свёкор*? Сохраняется ли в косвенных падежах гласный *о*?»

М. И. Кузнецова, Вязники

В косвенных падежах слова *свёкор* гласный *о* выпадает: *свёкра* (род. п.), *свёкру* (дат. п.), *о свёкре* (предл. п.).

В последние годы наблюдается тенденция к появлению новых слов со второй основой *-дром*. Обширная группа «дромов» представляет большой историко-лингвистический интерес.

Предком этого семейства следует считать древнегреческое отглагольное существительное *дрѳмос*, имевшее несколько значений: «бег, состязание в беге, площадь для состязания в беге» и т. п. С его помощью были образованы сложные двухкорневые слова: *иппо-дрѳма* (состязание в беге на конях), *иппо-дрѳмос* (ристалищный, покровительствующий конным ристаниям), *иппо-дрѳмос* (конный солдат, легко вооруженная конница), *иппо-дрѳмос* (ристалище, ипподром). Последнее существительное со значением «место для конных бегов, состязаний» из древнегреческого вошло в латинский (*hippodromos*), а через него и в другие европейские языки. Во французском *hippodrome* зафиксирован в конце XII века. В русском *ипподром* известен с конца XIV века. Монах Игнатий, рассказывая о путешествии митрополита Пимена в Царьград и Иерусалим, в 1392 году, писал: «Ту есть игрище царское, еже глаголется ипподром». До этого слово встречается в древнерусских памятниках XI века в несколько иных формах: *подрумие* и *иподрумие*.

Следует обратить внимание на то, что в древнегреческом первоисточнике ударение падало на первую основу (ср. новогреческое слово *сидерó-дромос* — железная дорога), а во французском, в соответствии с законами этого языка, — на последний слог.

Длительное время в Европе единственным «двигателем» для перевозки экипажей и спортсменов была лошадь, и слово *инподром* за многие века прочно вошло во все европейские языки, кое-где получив дополнительное значение «стадион, цирк». С появлением механических экипажей (велосипеда и автомобиля) во французском языке в конце XIX века, по аналогии с существительным *инподром*, были созданы неологизмы: *velodrome* и *autodrome*. Вскоре термины *велодром* и *автодром* вышли за пределы Франции.

Попали они и в Россию: намечается «соствязание велосипедистов на новом велодроме» (Нива, 1895, № 36); «В Париже проектируется постройка автодрома, т. е. специального трека для автомобилей» (Циклист, 1899, № 50). Весьма примечательно, что по французской модели несколько «дромов» было создано непосредственно в русском языке: *циклодром* (как синоним велодрома — Циклист, 1895, № 6; несмотря на большое распространение вплоть до 1917 года, в языке не закрепилось) и *мотодром* (от слова *мотор* — одного из синонимических названий автомобиля — Автомобиль, 1902, № 10). В первое время *мотодром* выступал в роли синонима к слову *автодром*: «...золотую середину дает нам проект автобильдрома или мотодрома» (Автомобиль, 1903, № 14). Позже за ним сохранилось лишь значение «место для мотоциклетных соревнований», то же, что *мототрек* (ср. *велотрек*). Сегодня значения этих понятий настолько слились, что появилась даже их «объединенная» форма: *автомотодром*.

Собственным путем шло историческое развитие существительного *аэродром*.

В древнегреческом языке был в употреблении глагол *дромáо* — «бежать». Подобно существительному *дрóмос*, он также использовался для создания сложных слов (например, *кино-дромéо* — «гопяться, охотиться с собаками»). Вместе с тем у греков существовала группа слов со значением «летающий (пропоящийся) по воздуху»: *аэро-дйнэс*, *аэро-нэхэс*, *аэро-пóрос*, *аэроб-фоитос*, и в их числе — *аэро-дромéо* — «проноситься по воздуху». Позже этот глагол послужил основанием М. В. Ломоносову для названия изобретенного им летательного аппарата, прообраза вертолета. В протоколе конференции Российской Академии наук от 1 июля 1754 года записано: «...Ломоносов показал изобретенную им машину, называемую им аэродромической (воздухобежной)» (см.: Дузь П. Д. История воздухоплавания и авиации в России).

В качестве названия летательной машины — *аэродрома* (воздухобег) — этот термин был предложен французом Ланделем (1868). При его создании Ландель опирался на сложившуюся к тому времени во французском языке традицию образования названий летательных аппаратов с первой основой *аэро-*: *аэростат*, *аэроскаф*, *аэронеф* (воздушный корабль), *аэроплан* (воздухолет) и т. п.

Интересно, что когда в конце XIX века в России была сконструирована железная дорога, вагоны которой снабжались аэропланными крыльями для создания подъемной силы и уменьшения трения колес, изобретатель назвал ее *аэродромной дорогой*, от слова *аэродром* — летательный аппарат.

Аэродромом называл свою воздушную машину и американский астрофизик Лэнгли. В 1896 году после многолетних трудов его аэродрому удалось продержаться в воздухе полторы минуты. В сентябре 1903 года он испытывал свой новый летательный аппарат, также названный *аэродромом*. В России знали об опытах Лэнгли. О его аэродроме сообщал журнал «Воздухоплаватель» в 1904 году. Позже (в 1911) историк авиации М. Франк писал: «Аэродром поднялся прямо против ветра и двигался с замечательной устойчивостью». Эта фраза сопровождалась характерным примечанием: «В английской и американской литературе очень часто встречается термин *аэродром* вместо *аэроплан*...» (Франк М. Л. Воздухоплавание, вып. 2, СПб., 1911). Вышедший в 1905 году в Петербурге «Словарь иностранных слов» (сост. А. Е. Яновский) дал следующее определение аэродрома: «Тип летательных машин... еще не вышел за пределы опытов».

Первые попытки человека летать в воздухе были связаны с «дромами», то есть широкими открытыми площадками: стадионами, *стадиодромами*. Еще задолго до изобретения воздушных шаров некий византиец, приладив крылья, прыгнул с башни ипподрома в надежде перелететь через ристалище. Однако его постигла неудача, и смельчак погиб. Знаменитый русский спортсмен С. Уточкин в 1907 году стартовал на воздушном шаре с одесского *циклодрома*; а У. Райт в 1908 году взлетел с *ипподрома* Ле-Ман под Парижем. Специальных взлетных площадок для летательных аппаратов при зарождении авиации не строили, использовали для этого существовавшие тогда *вело-* и *ипподромы*.

С развитием авиации возникла необходимость в постройке специальных взлетно-посадочных полей с соответствующим названием. И название *аэродром* было перенесено с летательного аппарата на летное поле (франц. aerodrome, 1906). Так *аэродром* встал в один словоряд с *ипподромом*, утратив свое первоначальное значение. Журнал «Воздухоплаватель», который уделял большое вни-

наше летной терминологии, еще в 1904 году писал: «На манер „ипподрома“ или „велодрома“ ныне входит во всеобщее употребление слово аэродром — место для испытаний и проб управляемых аэростатов и летательных машин».

На заре авиации (1908—1909 годы) полеты проводились почти исключительно над аэродромами и специально отведенными полями, тогда аэродромом в России называлась «большая площадь земли, специально приспособленная для состязаний (как в конном спорте! — А. Ш.) аэропланов» (Родник, 1910, № 2). Интересно, что вместо привычных для нас теперь предлогов *над* и *с* использовался предлог *на*: «на аэродроме летают почти каждый день»; летчица поднялась (взлетела) «на аэродроме в Компьене». Весьма показательно, что писатель А. И. Куприн в очерке «Над землей» (1909) употребляет слово *аэродром* вполне естественно и свободно, как уже хорошо известное читателям.

Русская «Военная энциклопедия» (1911) посвятила аэродрому отдельную статью: «Аэродром — место, специально приспособленное к производству опытов с разного рода летательными аппаратами».

В то же время были попытки замены иностранного слова русским эквивалентом. Так, в апреле 1912 года члены II Всероссийского воздухоплавательного съезда «вдоволь нахохотались», когда один из докладчиков вместо *аэродрома* предложил изобретенное им существительное *летокруг* (К спорту, 1912, № 19).

Когда в начале 1930-х годов возникла идея создания авиаматки, с которой прямо в полете должны взлетать небольшие легкие аэропланы, этот самолет-гигант получил название *летающего аэродрома* (1932). Всего лишь 25—30 лет до этого словосочетание *летающий аэродром* вызвало бы недоумение как явная тавтология.

Дальнейшее появление и развитие «дромов» пошло по разным путям.

Сегодня, как и прежде, опорный компонент *-дром*, по аналогии с *автодромом* и *велодромом*, традиционно используется для создания названий площадей, полигонов для испытания наземных машин: *танкодром*, *машинодром*, *кордодром*, *картодром* («Недавно на картодроме в Одессе завершились испытания установочной партии картов „Пионер“ — Ленинградская правда, 1982, 21 янв.), *трактордром* («Крупнейший в стране трактордром расположился на берегу живописной речушки Лопасни — Правда, 1973, 12 дек.).

К этим названиям вплотную примыкает группа слов со значением «место для тренировок, испытаний, имитирующее специфические условия». В этом случае первая основа, конкретизирующая название, придающая ему смысл, не является производной от названия машины: *лунодром* («Для испытания ходовой части

построили „лунодром“ — с кратерами, трещинами, камнями...» — Гильберг Л. А. Покорение неба); *марсодром* (площадка для испытания на Земле кораблей, отправляющихся на Марс — Юный техник, 1979, № 8); *парашютодром* («... нечто среднее между аэродромом и стадионом, место, где тренируются и состязаются люди, для которых небо — спортивная арена» — Огонек, 1973, № 44); *скалодром* («... у отвесной каменной стены, напоминающей скалу, ... проходят тренировочные занятия... альпинистов-скалолазов в полном боевом снаряжении. Этим „скалодромом“ распоряжаются хозяева дворца-клуба „Планета“ — Советская Россия, 1980, 22 февр.).

Другая группа «дромов» связана с летающими аппаратами.

Уже к середине XX века роль ипподромов в общественной жизни резко снизилась, зато количество аэродромов возросло. Появилось множество самых разнообразных летательных машин: планеры, самолеты, вертолеты, ракеты... Слово *аэродром* послужило основой для целого ряда слов, означающих площадку для взлета или посадки воздушных аппаратов.

Пожалуй, одним из первых в этом ряду появилось название площадки для вертолетов — *вертодром* (зафиксировано в Словаре-справочнике «Новые слова и значения», М., 1971). Встречается и другая форма слова: *вертолетодром* («Ми-6 степенно развернулся и двинулся вперед, неуклюже переваливаясь по металлическим „шпалам“ вертолетодрома» — Ленинградская правда, 1973, 4 дек.).

В начале 1923 года журнал «Самолет» писал: «Планерный аэродром. Так назван аэродром, основанный около Парижа специально в целях обучения французской молодежи... полетам на планере». Еще в предвоенные годы такая площадка получила соответствующее название, которое сегодня широко используется в языке: «Скорее всего это все-таки древний планеродром» (Техника — молодежи. 1978, № 12).

Даже от сравнительно молодого дельтаплана сегодня образован неологизм, кстати, довольно быстро распространяющийся: «Желающим получить консультацию специалистов можно приехать на дельтадром близ поселка Юмки...» (Вечерний Ленинград, 1981, 20 ноября).

Слово *ракетодром* было введено в языковой оборот известным популяризатором межпланетных путешествий Я. И. Перельманом («К звездам на ракете») еще в 1934 году, то есть задолго до запуска ракет с космическими аппаратами: «На берлинском ракетодроме жидкостная ракета поднималась уже свыше ста раз». Позже (в 1940 году) оно было обыграно писателем-фантастом А. Беляевым («Звезда КЭЦ»): «Скоро наша ракета покинула гостеприимный ракетодром звезды КЭЦ». После запуска первого в мире искусственного спутника Земли родилось и слово *космодром*.

В 1962 году после полета в космос Ю. А. Гагарина слово по-
пало в поэзию:

Лети, оранжевый
С лиловым,
Взвивайся ввысь над космодромом —
Дорогой звезд,
Троною грома.
Прокоефьев,
Над Выборгской

Особую группу «дромов» составляют слова-пародии и различ-
ные окказионализмы.

Слово *ипподром* послужило прямой основой для лингвистиче-
ской пародии — *Пегасодром* (Литературная Россия, 1983, № 39).
Смысловые значения обоих слов очень близки, пародия достаточно
прозрачна: *Пегасодром* — это частный вид ипподрома, ведь Пегас
в конечном счете — «разновидность лошади».

Слово *аэродром* дало толчок к созданию окказионализма *осо-
дром* — названию площадки перед входом в порку, откуда взле-
тают осы: «Опыты на осодромах продолжались, и число получен-
ных ответов возрастало с каждым годом» (Наука и жизнь,
1979, № 4).

Собирательное значение второй основы *-дром* «любая площад-
ка для бега, езды, ходьбы и т. д.» дало повод к созданию жаргон-
ного студенческого словца: «Я видел много таких ребят: в скверике
перед зданием МГУ, прозванном с мрачноватым юморком „пси-
хосдромом“...» (Литературная газета, 1972, № 36). *Психосдром* —
территория, где студенты получают психологическую разгрузку,
гуляя из конца в конец.

«Дромы», казалось бы, сугубо технические термины, настоль-
ко прочно вошли в языковой оборот, что способствовали появле-
нию таких слов, как *стихосдром* (название сатирической рубрики
на 16-й странице «Литературной газеты», 1979); *тестосдром* (рубри-
ка «Недели», в которой публикуются различные тесты, 1981).

В заключение следует сказать, что слова рассмотренной моде-
ли образованы путем сложения двух основ (термино- или слово-
элементов), связаны они в цельные единицы-термины соединитель-
ной гласной *о*.

В сложных словах этой модели первая основа всегда значимая,
определяющая и конкретизирующая тот или иной «дром». Она
может быть сокращенной (вел-о-дром, верт-о-дром...), усеченной
(ракет-о-дром, лун-о-дром, скал-о-дром...) или цельной (танк-о-
дром, планер-о-дром, карт-о-дром...). Если первая основа состоит
из краткого терминоэлемента с окончанием на *о* (аэро-, авто-, ра-
дио-...), то в этом случае соединительная гласная выпадает.

А. Н. ШУСТОВ
Ленинград

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Явлашкин. Отчество от упикижительной формы *Евлашка* из просторечной формы *Евлах*, основа которой церковное имя Евлампий. Замена *е* на *я* (результат диалектного *якающе*-го произношения) могла произойти на любой стадии формирования имени или уже фамилии.

Яворовский, Яворекний. Фамилия польского и западноукраинского происхождения. Первоначально обозначала приезжего из местечка Яворово (теперь город Львовской области УССР); на Украине 23 реки носят названия с основой *явор* (все они в западных областях — Закарпатской, Ивано-Франковской, Черновицкой, Львовской). Нарцательное существительное *явор* (польское, западноукраинское, белорусское) «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова поясняет как «особый вид клена, белый клен. *Под сенью яворов густых гуляют легкими роями* (Пушкин)».

Яглин. Фамилия от глагола *яглить*, который в казачьем войске на реке Яик (ныне река Урал) означал «делать, действовать» (по рукописи П. М. Малечи, которая хранится в библиотеке им. В. И. Ленина, Москва).

Ягодин. Ягодкин. В основе, очевидно, слово *ягода* (*ягодка*) в одном из его значений (в польском, напр., «щеки»). Через ступень прозвища (напр., *ягодин* — «щекастый») фами-

лия пришла из западноукраинских и западнорусских говоров. Личное имя *Ягода* документировано в 1495 году — «крестьянин Ивашко Ягода».

Ягольник. Возможна связь с диалектным словом *ягольник* (тамбовское, рязанское) — большой горшок для щей, из глагола *яглить* в одном из его значений — «сильно кипеть».

Ягунов. Притяжательное прилагательное (чей?) — *ягунов сын, сын ягуна: ягун* — так называли «якающих», эта особенность произношения характеризовала рязанцев, тамбовцев и жителей некоторых соседних с ними территорий.

Ядовин. Из характеристики *ядовый, язвительный, злой*.

Ядринцев. Первоначальное значение — «сын ядринца», то есть отчество от именованья отца по месту жительства. В XVI—XVII веках город Ядрин на реке Сура служил важным оборонительным пунктом Среднего Поволжья. Назван по артиллерийскому заводу, при котором он возник.

Ядугин. Основа — *ядуга* — один из пары русских архаичных омонимов (омонимы — внешне тождественные слова с совершенно различными значениями). Так, слово *ядуга* в старину означало: «пища, еда» и «сварливый, скряга». Вероятно, отсюда возникло прозвище, отчество от которого стало фамилией.

Язев. Наиболее вероятно — отчество от нецерковного личного имени Язь. Производное от *яз* — «заграда на реке», весьма распространенное в старину, давало бы твердое *з* — Язов. Еще труднее привлечь слова *язвить, язва*.

Языков. Казалось бы, ясная фамилия — трудно объяснима, хотя, бесспорно, что в основе — притяжательное прилага-

тельное от именованя *язык*. Так называли человека чрезмерно болтливого, доносчика, а чаще всего — пленного, могущего дать сведения о противнике, или переводчика, в старинных документах могло также обозначать свидетеля.

Язынин. Отчество от прозвища *языня*, по Словарю В. И. Даля, — «пустой болтун» или «разиня» (к сожалению, оба слова приведены без указания места).

Яицкий. Обозначает жителя побережья реки Яик, переименованной Екатериной II в реку Урал, чтобы стереть народную память о восстании под руководством Е. Пугачева, очаг которого вспыхнул именно здесь, здесь же формировалось и казачье яицкое войско. В Воронеже, центре южного ареала фамилий на *-их*, встречается эта фамилия в форме *Яицких*.

Якиманский. Фамилия представителей духовенства. Первый носитель фамилии, очевидно, — выпускник духовной семинарии, при окончании которой и получил ее по названию церкви св. Иоакима и Анны, где служил.

Якименко. Украинская форма на *-енко* означала потомка (аналогично русск. слову типа *гусенок, ребенок*). Церковное имя Иоаким на почве русского языка превратилось в Аким, а в зависимости от диалектного произношения — «екающего» или «якающего» — в Еким или Яким.

Якимкил. Отчество от уничижительной формы *Якимка* от церковного имени Иоаким, просторечно — Яким.

Яковлев. Отчество от имени в повседневной русской форме Яков (из церковной Иаков). Притяжательное прилагательное *яковлев* (сын Якова) об-

разовано суффиксом *-ев*. Принадлежность выражали два суффикса: *ј* и *-ов* (*-ев*), при этом согласные губные *б, п, в, м* с *ј* изменялись в *бл', пл', вл', мл'*, как, например, названия на *-славль* от имен на *слав*: Ярославль-Ярославов (город). Так и в данном случае: *яков — яковль — яковлев*.

Якубов. Отчество от имени Якуб.

Якунин. Якуничков, Якупкин, Якушев, Якушин, Якушкин, Якушов. Отчества от производных форм Якуня, Якунич, Якулька, Якущ, Якуша, Якушка, в каких русские ежедневно употребляли имя Иаков, взято из Библии (древнееврейское «хитрый»).

Якшин. Возможная основа — тюркское *якши* — «хорошо».

Яльцев. Основа *елец*, но в «якающих» говорах *-ялец*; значение — «лесная поросль (преимущественно дубняк)».

Яманов. Возможная основа — тюркск. *яман* — «плохо». Однако, не исключена иная этимология — из тюркской же основы *еман* — «козел» с заменой *е* → *я* на почве русского языка — в «якающем» говоре.

Ямпольский. Первоначально обозначала прибывшего из города Ямполь — это название носят 7 населенных пунктов Украинской ССР: в Винницкой, Донецкой, Киевской, Львовской, Сумской, Хмельницкой, Черкасской областях.

Ямциков. Отчество от именования отца по его профессии: *ямцик* — возница на почтовых лошадях в России XIV—XIX вв.

Янин. Отчество от уменьшительной формы *Яня* из *Ян* — польская форма капониического имени Иоанн, тождественная русской форме Иван.

Яничкин, Янковский, Яночкин, Янушев, Янушкевич, Янышев, Янышин, Янчевский,

Янюшин, Янюшкин. Фамилии украинского или западнославянского происхождения, в основе которых производные формы от имени Ян (то есть Иоанн).

Янькин. Отечество от прозвища *Янька*, а оно — из нарицательного *лянка*, в основе которого местоимение *я*. По В. И. Далю, *лянка* — «самохвал, эгоист». Но, возможно, происхождение фамилии иное — отчество от уничижительной формы *Янька* из личного имени Ян.

Япринцев. Совершенно неожиданно обширные подсчеты обнаружили, насколько широко распространена эта фамилия, казавшаяся почти никому не известной: она встречается в Новгороде, Орле, Оренбурге. В Архангельске, Томске и особенно часто в Воронеже она документирована в иной огласовке — Япрынцев. И для такой распространенной фамилии не удалось найти объяснения! Все усилия выяснить ее этимологию, или хотя бы основу, пока безрезультатны. Небольшая горная речка Япра в Боснии — не опора для ответа. Хочется надеяться, что наши читатели примут участие в поисках решения этой загадки.

Ярилин, Ярилов. Напрашивается связь с именем древнеславянского божества Ярило (Ярила). Но, как нередко бывает, простейшая этимология ложна. От веры в Ярило до самых ранних русских фамилий пролегли столетия. Правда, вопреки всем стараниям перкви истребить память о Яриле, народ упорно сохранял «ярилов день», «ярилово гу-

лянье», но из них фамилия возникнуть не могла. Вернее всего, она связана с лексическим гнездом *ярый* — «пламенный, буйный» и глаголом *ярить* — «гореть».

Яринцев. Отечество «сын ярипта» — жителя города Яринск (ныне в Кировской области).

Яроленко. Фамилия украинского происхождения: отчество от формы *Ярола* из церковного имени Ермолай.

Яролинский, Яролинцев. Основы фамилий — именование жителей населенных пунктов. Топонимы образованы из мужского личного имени Ермолай, но в «якающих» говорах.

Ярочкин. Отечество в форме притяжательного прилагательного от прозвища *Ярочка*. Наричательное *ярочка* — молодая овечка. Фамилия зафиксирована переписью 1979 года в селе Плахино Рязанской области.

Ярошев. Отечество от украинской краткой формы *Ярош* из канонического мужского имени Иерофей, в русской передаче — Ерофей, в «якающих» говорах Ярофей. Имя вышло из употребления. Нередка фамилия в украинской форме *Ярошенко*. От других производных форм того же имени образованы фамилии: *Ярошевич* (преимущественно в западнорусских областях), *Ярошук*, *Ярошук* (волынские и полесские), *Ярошкин* (от уничижит. формы *Ярошка*), *Ярошевский* (из многочисленных топонимов, образованных из того же имени).

(продолжение следует)

В. А. НИКОЛОВ

Известно, что основные нормы современного русского литературного языка сложились в Пушкинскую эпоху, однако «многое со времен Пушкина изменилось в нашем языке и продолжает изменяться» (Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981). Особенно быстро меняется лексический состав языка: уходят из активного употребления одни слова, для наименования новых предметов и явлений появляются другие, переосмысливаются, приобретают новые значения третьи. Более устойчива грамматическая система. Тем интереснее узнать, изменился ли, например синтаксический строй языка за последние 150 лет. В предлагаемой статье обобщены результаты наблюдений над некоторыми союзами и союзными словами, употребляемыми в сложноподчиненных предложениях с изъяснительным придаточным.

Как будто (бы) — будто

Сложноподчиненные предложения с изъяснительным придаточным — это такие предложения, в которых зависимая часть поясняет слово, реже словосочетание и связывается с главным предложением изъяснительным союзом или союзным словом. Например: «Андрею показалось, *что* по комнатам его ходят люди» (Пушкин. Гробовщик); «Ксению интересовало, *почему* Лопатин, не жаловавший эту Гелю, оказался на ее похоронах» (Симонов. Двадцать дней без войны); «...люди еще не думали о том, *как* долго им предстоит воевать» (Чаковский. Блокада).

Историки языка считают, что о развитии сложноподчиненного предложения свидетельствуют изменения в использовании средств связи частей этого предложения. Какие же изменения в употреблении союзов и союзных слов произошли со времен Пушкина до наших дней? — спрашивает А. Н. Андрущенко (Киев). Чтобы отве-

тить на этот вопрос, автором статьи проанализированы художественные произведения 20—30-х годов XIX века и 70-х годов XX-го.

Сопоставление 2000 предложений, извлеченных из прозы А. Пушкина и его современников, с 2000 предложений из произведений советских писателей наших дней показало, что произошло некоторое перераспределение в употреблении союзов и союзных слов.

Как в начале XIX века, так и в наши дни основным средством связи придаточного изъяснительного с главным предложением являются союзы. Однако в прозе XX века они используются реже, чем во времена Пушкина. Если в 20—30-е годы XIX века частота их употребления составляла 78,8 процента по отношению ко всем союзам и союзным словам в изъяснительных придаточных, то в 70-е годы XX века — 70,2. Употребительность же союзных слов, наоборот, выросла: 21,2 процента — 20—30-е годы XIX в.; 29,8 — в наше время.

Увеличение роли союзных слов, вероятно, связано с тем, что они вносят в предложение дополнительные значения: *какой, какой, который, что за* обычно указывают на качественный признак предмета; *где, куда, откуда* — вносят оттенок пространственного значения; *отчего, почему* — оттенок причины и т. д. «Наплачется он у меня, узнает, *каково* идти на Троекурова» (Пушкин. Дубровский); «А мне любопытно, *куда* смылись хозяева моего дома...» (Бондарев. Берег); «Она не понимала, *почему* сидит без движения...» (Распутин. Живы и помни).

Изъяснительные союзы служат в основном только для подчинения придаточного главному, а самый употребительный из них — союз *что*, по свидетельству А. М. Пешковского, «потерял, в сущности, всякое специальное значение и обозначает только подчинение и постъ одного предложения другому...» (Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., 1956). Вероятно, поэтому союзы, хотя медленно и незначительно, уступают место союзным словам.

А есть ли какие изменения в употреблении отдельных союзов? Использование самого продуктивного союза *что* остается без изменений, то есть и в прозе 20—30-х годов XIX века, и в прозе современных писателей он составляет 84,4 процента по отношению ко всем изъяснительным союзам. Союзы *что будто (бы)* и *как будто (бы)* вытесняются союзом *будто*. Эти союзы имеют одинаковое значение недостоверности, элементы *что* и *бы*, *как* и *бы* оказываются избыточными, они не вносят нового значения: «И не глупость ли заставлять людей верить, *что будто* в этой игре колокольчиков заключено что-то небесное!...» (Н. Полевой. Мечты и жизнь); «Старик притворился, *будто бы* не слышал моего вопроса...» (Пушкин.

Станционный смотритель); «А вот когда долго-долго смотришь на гору, особенно если день тихий и солнечный, то чудится, *будто* звенит потихоньку» (А. Иванов. Вечный зов). Союз *будто* в наши дни стал употребляться шире, чем во времена Пушкина.

Современные прозаики чаще, чем Пушкин и его современники, используют союзы *как, когда, пока, если(бы)*, которые вносят в предложение дополнительные обстоятельственные значения. *Как* — вносит добавочное значение образа действия: «Черевик чувствовал только, *как* что-то с шумом ринулось на него» (Гоголь. Сорочинская ярмарка); *пока* — временное значение: «Ждать, ждать, *пока* Римка не выскочит из дома» (Тендряков. Весенние перевертыши); *когда* — условно-временное: «Плохо, *когда* все получается наоборот» (Симонов. Двадцать дней без войны); *если* — условное: «У тебя хорошая голова, и будет жаль, *если* ты растратишь самые продуктивные годы на непужные зигзаги...» (Проскурин. Имя твое).

Таким образом, основным средством связи частей в сложно-подчиненных предложениях с изъяснительным придаточным как в прозе Пушкина и его современников, так и в произведениях прозаиков нашего времени остались союзы.

Использование самого распространенного союза *что* не изменилось. Уходят из употребления *что будто (бы)* и *как будто (бы)*, они заменяются синонимичным союзом *будто*. Чаще стали использоваться союзные слова и те изъяснительные союзы, которые вносят дополнительные обстоятельственные значения: *как, пока, когда, если (бы)*.

Т. Г. ЕФИМОВА
Орел

Научатся и научиться

Читатель из Курска А. Н. Володин пишет: «Несколько раз встречал в периодической печати глагол *научаться*. Есть *учиться, обучаться, наконец, научиться*. Но *научаться*... Что это — новое слово, устаревшее или, может быть, просто неправильное?»

Слово, заинтересовавшее читателя, существует в языке давно — его приводит в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даль: «Научаться, научиться, учить себя и быть научаему; перенимать что-либо словом и делом у другого».

Есть этот глагол и в 17-томном Словаре современного русского литературного языка, но приводится он с пометой «устаревшее и просторечное»: «*Научаться*... Приобретать знания, навыки, умения что-нибудь делать; усваивать, перенимать что-либо...» Поэтому говорить о неправильном образовании здесь нельзя. Скорее, наобо-

рот, существование пепочки глаголов *учиться — научиться — научаться* вполне закономерно и логично (сравните, например, *учиться — приучиться — приучаться*).

Научиться в значении «приобрести навыки, умения и т. п.» имеет две формы несовершенного вида: *учиться* и *научаться*. Первая из них стилистически нейтральная, общеупотребительная. Вторая, как отмечено, квалифицируется как *устаревшая*. Поэтому употребление глагола *научаться* в устной речи ограничено. Однако в современной письменной речи этот глагол встречается довольно часто, особенно в газетно-публицистическом стиле. Это объясняется тем, что язык газеты постоянно требует новых средств, он вбирает в себя элементы других стилей речи или активизирует, «возрождает» устаревшие элементы таких стилей. Поэтому считающийся устаревшим глагол в определенном контексте может оказаться незаменимым. К тому же в этом случае его стилистическая окраска стирается, нейтрализуется, зато ярче проявляются семантические отличия от родственных глаголов.

Возвратная форма *научаться* образована от глагола *научать*, который имеет два значения: 1) передавать кому-либо знания, навыки, умения и 2) подстрекать, подговаривать к чему-либо, советовать (обычно в просторечии, в языке фольклора): «Та ее и *научает*: — Там тебя, племянюшка, будет березка в глаза стегать — ты ее ленточкой перевяжи...» (Народные русские сказки. Из сборника А. Н. Афанасьева. М., 1982).

Во втором значении, однако, возвратная форма *научаться* употребляется редко. В современной литературе и публицистике *научаться* имеет значение «учиться с целью получения каких-либо навыков, знаний»: «Ученые, изучавшие много лет обезьян..., установили, что поведение их далеко не всегда инстинктивно и даже не унаследовано от родителей. Многому для себя полезному они *научаются* сами» (Наука и жизнь, 1984, № 8).

В значении приставочного глагола несовершенного вида *научаться* присутствует признак результативности. По-видимому, именно наличие этого семантического оттенка объясняет довольно широкое употребление названного глагола в литературе по психологии и педагогике:

«Дети *научаются* различать довольно сложные формы предметов, звукосочетания, выделять с помощью зрения, осязания, слуха их отдельные элементы» (Программа воспитания в детском саду. М., 1982).

Глагол *научаться* употребляется с целью указать на достижение субъектом (и одновременно — объектом действия, поскольку речь идет о возвратной форме) определенного уровня знаний, умений, навыков:

«Ребенок под влиянием объяснений взрослого и на основании своего опыта *научается* сравнивать наблюдаемые предметы и явления...» (Программа воспитания в детском саду).

Для обозначения процесса, результаты которого не определены, употребляется форма *учиться*: «Знакомясь с различными свойствами предметов, ребенок учится соотносить их друг с другом...» (там же).

Показательно, что глагол *научаться* часто встречается рядом со словами и словосочетаниями *потом, после достижения определенного возраста, а дальнейшем*, например: «Все приходят неподготовленные. По одни *потом* *научаются*, а другие остаются серыми» (Наука и жизнь, 1983, № 7); «В дальнейшем, уже много времени спустя, слепые дети *научаются* перекодировать речь в знаки «письменного» шрифта Брайля» (Папов. Знаки, символы, языки).

В приведенных примерах *научаться* не синонимичен глаголу *учиться*. По значению он ближе к описательному «становиться обученным». Поэтому попытка заменить форму *научаться* родственным *учиться* приводит к изменению смысла предложения: «...Но одни *потом* *учатся*, а другие остаются серыми».

Итак, одним из семантических отличий глагола *научаться* от первичного *учиться* является наличие признака результативности.

Кроме того, глагол *научаться* обозначает действия, имеющие целью достижение определенного результата «Всякая женщина... после трех-четырёх уроков *научается* не терять равновесия...» (Комсомольская правда, 1984, 25 марта).

Итак, устаревший глагол *научаться* снова стал употребительным достаточно широко. Это объясняется тем, что, по сравнению с *учиться*, он имеет дополнительное значение результативности и обобщенности действия. Правомерность употребления этого глагола подтверждает и то, что им пользовался в своих работах В. И. Ленин: «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться, но не сразу революция *научается* защищаться» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 123).

Е. П. ОБУХОВА
Донецк

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Правильно ли произносить *доллár*?»

М. Л. Воронина, Горький

Произношение *доллár* устаревшее, так произносили в конце XIX — в начале XX в. Но уже к середине XX века произношение этого слова приблизилось к английскому *dollar*, то есть стали произносить с ударением на первом слоге: *дóлл.ар*.

Тематический указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» в 1985 году

ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

Ильенко В. В., Рождественская Н. В. «Вашим, товарищ, сердцем и именем...»	2
Матвеев Б. И. Высокий образец публицистической литературы (К 80-летию статьи В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература»)	6
Матвеев Б. И. Слушая В. И. Ленина (О речах, записанных на грампластинках)	2
Наумов К. В. Речевые характеристики в публицистике В. И. Ленина	5
Фойницкий В. Н. Об источнике выражения «Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна»	2
<i>К 80-летию I русской революции</i>	
Лилеева Е. Л. Язык и революция	1
<i>К 150-летию со дня рождения М. А. Ульяновой</i>	
Наначин Ф. Г. Выдающаяся женщина России	2
<i>К 40-летию Великой Победы</i>	
Андреева-Васина Н. И. Слова — свидетели войны	3
Бень Е. М. «... Звездная моя земля Россия, Огненным политая дождем...»	2
Бирюков Ф. Г. Слова любви и гнева	3
Геккер С. Ф., Рогожникова Р. П. Ленинградские лексикографы в дни войны	3
Гладышева Л. А. «Ярославна рано плачет...»	3
Горленко Ф. М. Суровая правда Победы (О языке повести Ю. Бондарева «Последние залпы»)	3
Дудина Л. Н. Священный образ Родины (Цветонись в прозе Евгения Носова)	3
Журавская Н. С. Из партизанского лексикона	3
Иванов В. В. Сорок созидательных лет	3
<i>Из писем военных лет</i>	
Левашов Е. Л. «Катюша»	1
Огнев А. В. О мужестве и стойкости советского человека	3
Петушков В. П. Из воспоминаний о военной поре	3
Потанова Г. В. «Вся жизнь моя, вся боль моя — к оружию!»	3
Сальникова О. Г. «Мы не забудем, не забудем...»	3
Успенский Лев. Великий подвиг города Ленина	2
Чайковский Р. Р. «Души моей забота»	3

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Белая Е. В. Афоризмы и размышления А. С. Пушкина	4
Бердник Л. Ф. «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» (Вопросительные предложения в поэзии С. Есенина)	5

Вацуро В. Э. Пушкинские «литературные жесты» у М. Ю. Лермонтова	5
Горбаневский М. В. «Мне имя — Марина...» (Заметки об именах собственных в поэзии М. Цветаевой)	4
Григорьев В. П. «Лобачевский слова»	5
Долгушев В. Г. Вятская элегия (диалектизмы в прозе П. Л. Яковлева)	4
Иванова Н. Н. О языке лирической поэзии Н. А. Некрасова	6
Кадимов Р. Г. О соотношении звука и смысла в поэзии В. Маяковского	4
Качаева Л. А. «Красочность и выразительность достигаются только простотой...»	1
Кашкина Л. И. Традиционные риторические приемы в элегии В. А. Жуковского	2
Кожина Н. А. В поисках гармонии (О заглавиях в лирике)	6
Константинова-Витт Н. Г. «Зачем потух, зачем блистал...» (Смещенные противопоставления в лирике А. С. Пушкина)	4
Краснова Л. В. Метафора-символ <i>корабль</i> у А. Блока и В. Маяковского	2
Лазутин С. Г. «Стихи начал писать, подражая частушкам»	5
Лацис А. А. Запятые, которых не было	4
Лацис А. А. Лица, достойные замечания	6
Манакин В. Н. О языковом мастерстве А. П. Чехова	1
Махов А. Е. О языке и стиле литературно-критических статей Н. И. Надеждина	2
Михайловская Н. Г. Про медведя и росомуху (О фольклорной традиции в современной литературе народов Севера)	1
Мурьянов М. Ф. Об одном шедевре пушкинской любовной лирики	4
Неженец Н. И. Музыка есенинского стиха	5
Орлова Т. Г. В. Т. Нарезный и его роман «Российский Жилблаз»	2
Панченко О. Н. «Но мы — мы живы наверняка!» (О поэме Э. Багрицкого «Последняя ночь»)	5
Панченко О. Н. «Призыв охрипшей полковой трубы...»	4
Седакова О. А. Велимир Хлебников — поэт скорости	5
Сергеев В. Н. Декабристы	6
Серков С. Р. «Таится звук в безмолвной лире...» (Фонетические явления в рифме поэтов-декабристов)	6
Фадеева Н. И. Своеобразие диалога в пьесе «Вишневый сад»	1
Фокин П. Е. <i>Гроза</i> в «Грозе»	2
Черкасова Л. П., Карпенко Е. П. Цветопись в прозе Ю. Нагибина	4
Шакиржанова Р. Х. Живые голоса его героев (Разговорный синтаксис в прозе В. Шукшина)	5
Шахов В. В. «Богатейший лексикатор» (О языке прозы А. И. Левитова)	5

В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ

Кохтев Н. Н. А. В. Луначарский и наука о красноречии	6
Кохтев Н. Н. Публицистическое мастерство И. И. Скворцова-Степанова	2
Орешкина М. В. Мастерство М. И. Калинин-очеркиста	6

Орешкина М. В. Я. М. Свердлов — пламенный трибун революции	3
КУЛЬТУРА РЕЧИ	
Бодров В. И. Диалог и метеоролог, библиограф и телеграф... (Судьба ударения в заимствованных словах)	1
Глинкина Л. А. «Весь ваш без церемоний...» (Речевой этикет в частных письмах XIX века)	1
Горелов И. Н. На что обиделся Максим Максимыч? (Замет- ки о культуре общения)	4
Золотова Г. А. Как быть вежливым?	5
Клюева Г. С. Экспрессивные кинослова 20—30 годов	6
Лазуткина Е. М. Отвечает «Служба языка»	5
Лейчик В. М. В мире названий: Рубин, Лада, Мишка косола- пый	3
Лузайн-Мамингч Р. Заимствованные слова и словари	3
Миськевич Г. И. Из истории русского краспоречия: «Чтения о словесности» И. И. Давыдова	2
Миськевич Г. И. Читая словарь «Новые слова и значения»	3
Скворцов Л. И. Рыцарь родного слова	3
Скляревская Г. Н. <i>Бюллетень, температурить, умничать, столярничать</i> (Разговорные слова в современной речи)	3
Солиева К. А. Числа и образы: десятник — шестидесятник, тысячник — тридцатитысячник	3
Успенский Л. В. Культура речи (отрывки из книги)	1
Ходакова Е. П. О развитии противоположных значений в сло- вах <i>игрушка, кукла, пава</i>	6
СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ	2—6
ПРАВИЛЬНО ЛИ МЫ ГОВОРИМ?	1
ЯЗЫК ПРЕССЫ	
Вакуров В. Н. «Коротко да ясно, оттого и прекрасно»	4
Житенева Л. И. Синонимы в газетной речи	4
Костомаров В. Г. Крупно-, широко-, полно-... масштабный	2
Луценко Н. А. Повелительные формы в газетных заголовках ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ	5
Белодед А. И. Александр Афанасьевич Потембя	5
Вомперский В. П., Толстой Н. И. Виктор Владимирович Ви- ноградов	1
Добродомов И. Г. Василий Михайлович Истрин	2
Иванчикова Е. А. Николай Семенович Поспелов	3
Кондрашов Н. А. Сергей Иванович Абакумов	6
Копоненко В. И. Иван Константинович Белодед	3
Николина Н. А. Михаил Николаевич Петерсон	6
Фортинская Н. В. Александр Иванович Попов	1
<i>Наши публикации</i>	
Робинсон М. А. А. А. Шахматов и В. В. Виноградов	1
ВЫДАЮЩИЕСЯ ЯЗЫКОВЕДЫ	
Кедайтене Е. И. Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ	4
ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	
Кондрашов Н. А. Русский язык в трудах С. О. Карцевского	1

Ланский Л. Р. В. И. Даль над корректурами Толкового словаря	1
СРЕДИ КНИГ	
Ф. Л. Агеевко, М. В. Зарва. Словарь ударений для работников радио и телевидения	5
Г. А. Богатова. История слова как объект русской исторической лексикографии	6
Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. Человеческое слово могуче	4
К. С. Горбачевич. Русский язык. Прошлое. Настоящее. Будущее	1
С. А. Гуревич. Организация чтения учащихся старших классов	4
Две книги о пунктуации	4
М. И. Ильяш. Основы культуры речи	6
А. В. Калинин. Культура русского слова	4
В. В. Колесов. Литературный русский язык	5
В. Г. Костомаров. Жизнь языка	1
А. И. Мамонов. Пушкин в Японии	2
Э. М. Мурзаев. Словарь народных географических терминов	2
Проблемы лексикографического анализа языка произведений В. И. Ленина	2
В. П. Сергеев. Словари — наши друзья и помощники	5
Словарь русского языка XVIII века (т. 1)	1
Н. В. Чурмаева, Ф. И. Буслаев	5
РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	
Горбаневский М. В. Бельгийцы изучают русский	3
Дронов В. В. Понять и быть понятым (Международная олимпиада школьников по русскому языку и литературе)	1
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА РУБЕЖОМ	
Западова Е. А. «Война и мир» Л. Н. Толстого на бирманском языке	2
РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ	
Амандурдыев А. Н. Чинара — далекая и близкая	6
Джахангиров А. «Становятся единою рекой...» (Узбекские слова в русскоязычной прессе)	4
Малина Э. М. «Я песнь свою слагаю...»	2
Мухтаров Г. М. «Со всеми языками дружен русский»	5
ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ	
Богатурова Л. А. «Мемуары» Б. И. Куракина	4
Владимирова Л. А. Челобитные Владимирского края	6
Ганулич А. К. Названия русских упряжных бубенцов	6
Добродомов И. Г. Издание и исследование письменных памятников истории русского языка в Норвегии	5
Долгушев В. Г. Как говорили хлыновцы в XVII веке	2
Заказчикова Т. А. Из истории личных именований	5
Иванова М. В. Все ли традиционно у Епифания Премудрого?	4
Немировский Е. Л. «Откуда есть пошел Букварь»	4
Немировский Е. Л. Стихотворец и педагог Карлон Истомин	5
Саблина Н. П., Юсупова Н. Г. «Было да былием поросло»	5

(О судьбе неодушевленных собирательных существительных на -ие)	2
Симонов Р. А. Рог ирога	3
Судаков Г. В. Как называлась Сенькина шапка	5
Холодильни А. Н. Автографы Аины Ярославны — королевы Франции	2
К 800-летию «Слова о полку Игореве»	
Виноградова В. Л. Ворон в «Слове о полку Игореве»	4
Гетманец М. Ф. Вчитываясь в «Слово...»	1
Гетманец М. Ф. «Игорь князь в Руской земли»	2
Голубева А. В. «О ветре, ветрило!..»	1
Гребнева Э. Я. Где кричит «див»? (По материалам славянских переводов «Слова о полку Игореве»)	1
Князький И. О. «Тьмутороканьский болван»	2
Кусков В. В. Сражающееся «Слово»	4
Миротворцев В. Н. Половецкие «тотемы» и «Слово о полку Игореве» (Заметки о прочитанном)	1
Охрименко О. П. К. Д. Ушинский и «Слово о полку Игореве»	4
Тищенко В. И. Загадки «темных мест» в «Слове о полку Игореве»	3
Тищенко В. И. Плач Ярославны	4
НА КАРТЕ РОДИНЫ	
Добродомов И. Г., Отин Е. С. Цимля	1
РУССКИЕ ГОВОРЫ	
Долгушев В. Г. Первые собиратели вятских слов	3
Меркулов Н. Ю., Нефедова Е. А. Березовик, обабок, осиповик	4
Меркулов Н. Ю., Нефедова Е. А. Боровик, коровка, славный (О названиях белого гриба в русских говорах)	1
Меркулов Н. Ю., Нефедова Е. А. Масленок, козленок, подрешетник	5
ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА	
Вакуров В. Н. Калина жаркая	6
Давыдова О. А. О ковре-самолете, скатерти-самобранке, гусях-самогудах и других сказочных диковинах	5
Лазутин С. Г. Поговорка — цветочек, пословица — ягодка	4
Топорков А. Л. Почему «решетом свету напаношено?»	1
ПОЭТ И ФОЛЬКЛОР	
Бень Е. М. Гамаюн, Сирин и Алконост (Фольклор и живопись в двух стихотворениях А. Блока)	4
Бень Е. М. «Не пробуждай воспоминаний...»	1
Лопатин В. В., Григорян Э. А. Три Черномора	1
ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ	
Арапова Н. С. Гулька	6
Балахасова Л. И. Баранки, бублики, сушки	5
Демьянов В. Г. Нашего полку прибыло	2
Капралова С. Г. Угренник	6
Котков С. И. От линейной меры к качественной	5
Лайко А. К. Кулесткамера	5
Миротворцев В. Н. Бард	4
Мокиенко В. М. Вверх тормашками	3
Мурьянов М. Ф. Стогны града	2
Николаев С. Г. Что такое <i>хухры-мухры</i> ?	4

Опришко А. Я. Елизавет Воробей	2
Савенкова Л. Б. Мелкая сошка	1
Симонова О. Е. Врач(ь)ба, леч(ь)ба и цельба	2
Степанян А. Г. <i>Доброта, милосердие</i>	1
Титаренко Н. А. Откуда пошла лафа?	5
Филищов В. С. Раёк, суфлер	2
Чекалов К. А. Баррикада	6
Чекалов К. А. Петиметр	2
Чекалов К. А. Шарманка	5
Шустов А. Н. Авиация — «птицелетание»	3
Шустов А. Н. В небо на аэродроме	6

ОНОМАСТИКА

Курлыгин А. Г. «По прозвищу Курлыгины...»	5
Никонов В. А. Из рязанских фамилий	5
<u>Никонов В. А.</u> Из словаря русских фамилий	2, 6

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Вещий Олег	4
Воздать по заслугам, отдать должное, воздать должное	5
Загадочный черкес	4
<i>Как будто (бы) — будто</i>	6
Марсианский, венерианский	4
Научаться и научиться	6
Не светит и светит	2
«Овечка» и «кукушка»	2
Откуда куда в «куда больше» (гораздо больше)?	2
Присловье	5
Стой	1
Футболка или фуфайка	4

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ,
 П. Н. ДЕНИСОВ, П. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ
 (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора),
 И. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь),
 Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ,
 Н. И. ТОЛСТОЙ

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*

Художественный редактор *Е. Н. Сапожникова*

Корректоры *В. В. Беляев, М. Б. Рыбина*

Сдано в набор 12.08.85.
 Формат бумаги 84×108^{1/32}
 Усл. кр.-отт. 413,0. тыс.

Подписано к печати 08.10.85. Т-16757.
 Печать высокая Усл. печ. л. 6,72.
 Уч.-изд. л. 8,9. Бум. л. 2 Тираж 59 600
 Заказ 1669

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
 Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
 2-я типография изд-ва «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6